

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

ФАКУЛЬТЕТ ПРАВА

СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО LIBERUM MARE

**ДНИ НАУКИ
ФАКУЛЬТЕТА ПРАВА
НИУ ВШЭ
2024**

Сборник статей по итогам
VIII Ежегодной научно-практической
конференции студентов и аспирантов
(Москва, 29 февраля — 1 марта 2024 г.)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
“ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ”»

ФАКУЛЬТЕТ ПРАВА

ДНИ НАУКИ
ФАКУЛЬТЕТА ПРАВА
НИУ ВШЭ

2024

Сборник статей по итогам
VIII Ежегодной научно-практической
конференции студентов и аспирантов
(Москва, 29 февраля — 1 марта 2024 г.)

Электронное текстовое издание

Санкт-Петербург
Наукоемкие технологии
2024

Рецензенты:

Балашов Д. В. — кандидат юридических наук, старший преподаватель департамента теории права и сравнительного правоведения факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

Волос А. А. — кандидат юридических наук, доцент департамента частного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

Журавлев М. С. — кандидат юридических наук, заместитель руководителя департамента, старший преподаватель департамента права цифровых технологий и биоправа факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

Крымский Д. И. — кандидат юридических наук, доцент департамента частного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

Мохова Е. В. — кандидат юридических наук, заместитель руководителя департамента, доцент департамента правового регулирования бизнеса факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

Нагорная И. И. — кандидат юридических наук, доцент департамента уголовного права, процесса и криминалистики факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

Ромашев Ю. С. — доктор юридических наук, профессор департамента международного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

Солдаткина О. Л. — заместитель руководителя департамента, доцент департамента права цифровых технологий и биоправа факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

Степанов С. К. — кандидат юридических наук, доцент департамента частного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

Третьяк И. А. — доцент департамента публичного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Д54 **Дни науки факультета права НИУ ВШЭ — 2024** : сборник статей по итогам VIII Ежегодной научно-практической конференции студентов и аспирантов (Москва, 29 февраля — 1 марта 2024 г). — Санкт-Петербург : Научное издание технологии, 2024. — 220 с. — Текст : электронный. — Режим доступа : <http://publishing.intelgr.com/archive...E-2024.pdf>

ISBN 978-5-907804-66-1

УДК 34(063)

ББК 67.4я43

Научное издание
Дни науки факультета права НИУ ВШЭ — 2024
Сборник статей

Издательство «Научное издание технологии»
ООО «Корпорация «Интел Групп»
<https://publishing.intelgr.com>
E-mail: publishing@intelgr.com
Тел.: +7 (812) 945-50-63

Подписано к использованию 13.06.2024.
Объем издания – 2,5 Мб

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО»

Дидякин Д. О. Концепция постдоговорных обязательств	7
Иванов Е. М. К вопросу об относительной недействительности продажи чужого имущества	12
Караблева А. В. Наследование аккаунта в социальных сетях	15
Мухортова В. В. Эстоппель в цивилистическом процессе	25
Солнцева М. Е. Правовые проблемы реализации права родственников на общение с ребенком	35
Федоренко А. С. Субъективный и объективный подходы к понятию «риск» в частном праве	44
Федоренко М. Р. Постмортемные права в призме цифровизации российского частного права	49

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА»

Гарипова А. С. Применение разработок поведенческой экономики к регулированию персональных данных	52
Логвинова К. А. Российское авторское право в конце XIX — начале XX в.	58
Киляков И. В. Гражданское неповиновение в либеральной философии права	62

СЕКЦИЯ «КОРПОРАТИВНОЕ
И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО»

Гордиенко Д. А.

К отдельным проблемам применения
принципа каузальности в контексте оспаривания решения
общего собрания участников 68

Нахушев А. А.

К вопросу о перспективах формирования
комплаенс-политики в РФ как инструмента противодействия
коррупциогенным факторам 76

Филипенко В. А.

Проблемы ответственности директоров в группе компаний 82

СЕКЦИЯ

«МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО»

Касумян А. А.

Причинность и ответственность по международному праву:
историко-доктринальный аспект 87

Смирнова М. И.

К вопросу о защите прав ассистированного свидетеля
при оказании правовой помощи по уголовным делам 99

СЕКЦИЯ

«МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО»

Зайцева Т. С., Рожков С. А.

Влияние санкционного режима на судьбу
договорных обязательств 104

Талыбова И. З.

Международно-правовая проблематика
незаконного усыновления (удочерения) 114

Чехлатова Д. Р.

Некоторые аспекты отказа в признании
и приведении в исполнение решений
международных арбитражных судов
на основании положений о публичном порядке РФ 118

СЕКЦИЯ «ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ»

Баранов Н. М.

Искусственный интеллект — автор или инструмент 142

Герашенко Е. В.

Опровержение иска правообладателя
товарного знака на основании описательного характера
использования последнего 150

Сергиенко Е. А.

Естественные и «напечатанные» биоматериалы человека:
гражданско-правовое регулирование 155

СЕКЦИЯ «ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО»

Будкин К. А.

Миграционные отношения в Российской Федерации:
конституционные ограничения 160

Скляр В. Д., Мелик-Оганджян А. Ф.

Оценка эффективности и анализ недостатков
оценки регулирующего воздействия 166

Штанова А. А.

Правовое регулирование публичной власти
в автономиях Дании 171

СЕКЦИЯ «УГОЛОВНОЕ ПРАВО,
ПРОЦЕСС И КРИМИНОЛОГИЯ»

Волколупова В. В.

Проблемы усиления противодействия
публичному распространению треш-стримов..... 175

Манукян А. А.

Возможности применения искусственного интеллекта
в уголовном судопроизводстве 178

Наумов А. А.

Уголовно-правовые аспекты суррогатного материнства 194

Стефанович А. С.

Криминалистическое исследование трупа
методом рентгеновской компьютерной томографии 187

СЕКЦИЯ

«ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС»

Семенова Е. А.

Онлайн-технологии судопроизводства
в китайском и российском судопроизводстве:
к вопросу о перенятии китайского опыта информатизации
гражданского процесса..... 200

Широбокова А. А.

Финансирование судебного процесса третьими лицами:
шанс на доступ к суду или иллюзия правосудия 212

Дидякин Данил Олегович

Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова
г. Москва

Концепция постдоговорных обязательств

Аннотация. Настоящие тезисы представляют собой замочную скважину, заглянув в которую можно увидеть лишь маленькую часть огромного разнообразия правовых отношений, складывающихся после прекращения договора. Цель работы — попытка привлечь исследователей к изучению временного периода, оставшегося в тени преддоговорных отношений.

Ключевые слова: постдоговорная стадия; постдоговорные обязательства; прекращение договора.

Правоотношение, в период существования которого лица находятся в переговорах о заключении договора, в отечественной доктрине получило название *преддоговорное*, т.е. предшествующее вступлению сторон в договорные отношения. По аналогии правоотношение, возникающее либо сохраняющееся после прекращения договора, имеющее своей целью укрепить сформировавшиеся связи сторон или, наоборот, скрыть следы существовавшего взаимодействия, здесь и далее мы будем именовать *постдоговорным* (или *постконтрактным*).

Одним из первых правопорядков, где постконтрактные обязательства стали исследоваться как самостоятельное правовое явление, выступила Германия. Немецкие юристы начали уделять постдоговорной стадии жизненного цикла контракта должное внимание в связи с развитием учения о вторичных (дополнительных) обязательствах, не связанных с предоставлением (*nichtleistungsbezogenen Nebenpflichten*), к которым среди прочего относят охранительные обязательства (*Schutzpflichten*) и обязательства по учету интересов (*Rücksichtspflichten*). Важным результатом реформы обязательственного права Германии 2001 г. стало законодательное закрепление понятия обязательства в широком смысле (*Schuldverhältnisse im «weiteren Sinne»*), включающего в себя общую структуру прав и обязанностей, которые связывают две стороны на общей правовой основе¹. Германским гражданским уложением, вступившим в силу 1 января 1900 г., вторичные обязательства, не связанные с предоставлением, никак не регулировались. Более того, они даже не признавались частью разработки закона (хотя стоит отметить, что первой комиссией рассматривалось в конечном итоге отклоненное предложение о регулировании преддоговорных информационных обязательств)². Лишь многочисленные судебные решения и публикации привели к признанию, в частности, охранительных обязательств, существование которых до реформы обосновывалось через обязанности по предоставлению: последние порождали обязательственное отношение в широком смысле, из которого и возникали охранительные обязательства³. Доктрина охранительных обязательств восходит к известной работе Генриха Штолля «*Die Lehre von den Leistungsstörungen: Denkschrift des Ausschusses für Personen-, Vereins-*

¹ См.: *Kamp F.* Funktion und Grenzen schuldverhältnisbedingter Nebenpflichten: Eine dogmatische und ökonomische Analyse von § 241 II BGB. Wiesbaden : Springer Gabler, 2020. S. 52–53.

² См.: *Staudingers J.* von Kommentar zum BGB mit Einführungsgesetz und Nebengesetzen. Buch 2. Recht der Schuldverhältnisse, Einleitung zum Schuldrecht § 241–243. Berlin, 2019. § 242(2).

³ См.: *Harke J. D.* Allgemeines Schuldrecht. Berlin, Heidelberg : Springer, 2010. § 2 (Rn. 20–21).

und Schuldrecht», опубликованной в 1936 г. В ней автор описал разделение обязанностей по предоставлению и обязанностей по защите (охранительные обязанности). Так, при существовании договора, помимо основного интереса в предоставлении, в обязательственном отношении будет присутствовать интерес защиты, необходимый для обеспечения личной и имущественной неприкосновенности сторон⁴. Существенный вклад в разработку доктрины вторичных обязательств, не связанных с предоставлением, внес также *Карл Ларенц*⁵.

Значительное развитие концепция постдоговорных обязательств получила во Франции. Уже в 1927 г. известный французский правовед *Луи Жоссеран* заинтересовался периодом, определяемым нами сейчас как постдоговорный. После этого на сам термин и на исследования юриста стали широко ссылаться, особенно в работах, посвященных злоупотреблениям на стадиях нарушения договора. В 1960 г. французский цивилист *Жан Карбонье*, анализируя судебную практику, в которой бывшие контрагенты «остаются на неопределенный срок связанными постконтрактом, имеющим неопределенную квалификацию»⁶, использовал понятие «постконтрактный» (*après-contrat*) в отношении обязательства освободить помещение по окончании договора аренды. Наконец, постдоговорная стадия была признана на уровне Кассационного суда Франции: в 1981 г. Суд специально разделил текущий контрактный период и постконтрактный период, на который в рассматриваемом деле распространялась оговорка об ограничении конкуренции. Итоговое разграничение этапов жизненного цикла договора заключалось в том, что правовой эффект постдоговорной оговорки о неконкуренции возникает лишь после прекращения контракта⁷.

В зарубежной литературе подробно анализируются вопросы, касающиеся природы ответственности за нарушение постдоговорных

⁴ См.: *Stoll H.* Die Lehre von den Leistungsstörungen. Denkschrift des Ausschusses für Personen-, Vereins- und Schuldrecht. Tübingen : J. C. B. Mohr, 1936. S. 27.

⁵ См.: *Larenz K.* Lehrbuch des Schuldrechts. Bd. I: Allgemeiner Teil. 14. Aufl. C. H. Beck, 1987.

⁶ См.: *Carbonnier J.* De l'obligation de vider les lieux en fin de bail. 1960. Т. 58. P. 494.

⁷ См.: *Kassoul H.* L'après-contrat. Nice, 2017. P. 57.

обязательств, не связанных с предоставлением (*culpa post contractum finitum*): носит ли она договорный, деликтный или же *sui generis* характер, а также пределы существования постдоговорных обязательств по предоставлению: можно ли обязать должника не ухудшать впоследствии исполнение, которое он сам же и предоставил, или же поддерживать интересы кредитора активными действиями после прекращения договора⁸.

В отечественном праве концепция постконтрактной стадии жизненного цикла договора на сегодняшний день находится в зачаточном состоянии. Значительная часть материала посвящена отдельным аспектам послеконтрактного времени (например, последствиям расторжения договора), но не постдоговору как отдельному явлению. Упоминание постдоговорных обязательств можно встретить в работах тех юристов, кто *par excellence* занимается сравнительным частным правом (в особенности изучением германского правопорядка). Самостоятельных же исследований постконтрактного периода, учитывающих особенности развития российского права, нет. Важнейшим этапом развития отечественной доктрины постконтрактных обязательств стала реформа общей части обязательственного права 2015 г., принеся изменения в ст. 307 и 453 ГК РФ. При этом пункт 3 ст. 307 ГК РФ является аналогом § 241 (2) Германского гражданского уложения, закрепляющего регулирование вторичных обязательств, не связанных с предоставлением. В значительной степени преобразился пункт 2 ст. 453 ГК РФ: позитивно закреплено правило, согласно которому расторжение договора влечет за собой прекращение обязательств постольку, поскольку иное не вытекает из закона, договора или существа обязательства. Получается, что законодателем в общем виде подготовлен плацдарм для разработки концепции постдоговорных обязательств. От юридической науки требуется исследовательская деятельность, включающая в себя анализ как зарубежного, так и отечественного опыта.

⁸ См.: *Schopper A. Nachvertragliche Pflichten: Das Pflichtenprogramm nach Erlöschen der vertraglichen Hauptleistungspflicht*. Wien, 2009.

Список литературы

1. *Carbonnier J.* De l'obligation de vider les lieux en fin de bail. 1960. Т. 58.
2. *Harke J. D.* Allgemeines Schuldrecht. Berlin, Heidelberg : Springer, 2010.
3. *Kamp F.* Funktion und Grenzen schuldverhältnisbedingter Nebenpflichten: Eine dogmatische und ökonomische Analyse von § 241 II BGB. Wiesbaden : Springer Gabler, 2020.
4. *Kassoul H.* L'après-contrat. Nice, 2017.
5. *Larenz K.* Lehrbuch des Schuldrechts. Bd. I : Allgemeiner Teil. 14 Aufl. C. H. Beck, 1987.
6. *Staudingers J. von* Kommentar zum BGB mit Einführungsgesetz und Nebengesetzen. Buch 2: Recht der Schuldverhältnisse. Einleitung zum Schuldrecht § 241–243. Berlin, 2019.
7. *Schopper A.* Nachvertragliche Pflichten: Das Pflichtenprogramm nach Erlöschen der vertraglichen Hauptleistungspflicht. Wien, 2009.
8. *Stoll H.* Die Lehre von den Leistungsstörungen. Denkschrift des Ausschusses für Personen-, Vereins- und Schuldrecht. Tübingen : J. C. B. Mohr, 1936.

Иванов Егор Михайлович

МГИМО МИД России
г. Москва

К вопросу об относительной недействительности продажи чужого имущества

Аннотация. В статье раскрывается концепция относительной недействительности продажи чужого. Несмотря на французское происхождение данной концепции, обсуждается ее применение в российском праве.

Ключевые слова: относительная недействительность; продажа чужого.

Возможность предъявить иск о недействительности договора в дополнение к иску, вытекающему из гарантии от эвикции, делает защиту покупателя, который в ситуации покупки чужой вещи является наиболее уязвимой фигурой, более совершенной. По меткому выражению М. Планиоля, относительная недействительность договора, предметом которого является обязательство по передаче титула на чужую вещь, является «дополнением теории гарантии [от эвикции]»¹.

Согласно ст. 1599 Гражданского кодекса Франции продажа чужой вещи является недействительной: она может повлечь за собой возмещение убытков, если покупатель не знал о том, что вещь принадлежит другому лицу. При этом договор может быть «излечен», когда продавец приобретает право собственности на проданную вещь еще до признания недействительности².

¹ Планиоль М. Курс французского гражданского права. Часть первая : Теория обязательств. Петроков, 1911. С. 530.

² Com. 2 juill. 1979, Bull. civ. IV, No. 224. P. 181, D. 1980.

Покупатель может ссылаться на ничтожность двумя способами. Он либо выдвигает возражение о недействительности на требование продавца уплатить цену, либо подает самостоятельный иск: если покупатель уплатил цену, он добивается ее возврата, заявляя о недействительности продажи. При этом право покупателя ссылаться на недействительность сделки будет погашено исковой давностью спустя 5 лет. Продавец, в свою очередь, никогда не сможет этого сделать; это противоречило бы гарантийному обязательству, которым он связан. Не может этого сделать и собственник: в его понимании продажа является *res inter alios acta*, но он может предъявить виндикационный иск, если соблюдены необходимые условия³.

По мнению некоторых авторов, речь идет о пороке согласия, ошибке: продажа недействительна, поскольку покупатель не знал об отсутствии у продавца права собственности⁴. Однако такое объяснение не согласуется с судебной практикой, которая, хотя и редко, решает, что осведомленность покупателя о положении продавца не мешает ему ссылаться на недействительность⁵.

Другие утверждают, что это гарантия от эвикции: когда существует риск эвикции со стороны собственника, обладающего правом на вещь, покупатель, подавая иск о недействительности, «предвосхищает гарантию продавца». В современной же литературе принято объединять данные точки зрения⁶.

При принятии в российском праве подход с относительной недействительностью будет реализовываться за счет п. 5 ст. 166 ГК РФ.

Так, покупатель, который создал видимость действительности порочного договора, лишается права на ссылку на пороки этого договора. Что касается действительного собственника, он в принципе не имеет интереса в оспаривании, поскольку не связан обязательственными отношениями со сторонами договора. Его единственной целью

³ *Malaurie P., Aynes L., Gautier P.-Y. Droit des contrats spéciaux*. LGDJ, 2016. 8e éd. P. 144.

⁴ *Mazeaud H., Juglart M. de, Mazeaud J., Mazeaud L. Leçons de droit civil: Vente et Echange*. Montchrestien, 1983. Т. III. No. 816.

⁵ Cass. civ. 3e, 13 octobre 1993, Bull. civ. III, No. 121.

⁶ *Malaurie P., Aynes L., Gautier P.-Y. Op. cit.* P. 144.

является возврат вещи, который может быть более эффективно осуществлен за счет виндикационного иска.

С точки зрения покупателя, защита, предоставленная ему статьей 460 ГК РФ, представляет собой достаточно широкую гарантию — сродни той, что есть во французском праве. В любом случае покупатель имеет право на расторжение договора и взыскание убытков, что гарантированно более осуществимо с процессуальной стороны, однако не лишает правового эффекта сделки с точки зрения оборота. Дополнительную защиту ему бы обеспечила относительная ничтожность сделки за счет п. 2 ст. 168 ГК РФ, поскольку порок касается взаимодействия собственника с внешним миром⁷.

Таким образом, французская концепция относительной недействительности продажи чужого применима при актуальном российском регулировании.

Список литературы

1. *Планиоль М.* Курс французского гражданского права. Часть первая : Теория обязательств. Петроков, 1911.
2. *Церковников М. А.* Ответственность продавца в случае изъятия товара у покупателя. М. : Статут, 2016.
3. *Malaurie P., Aynes L., Gautier P.-Y.* Droit des contrats spéciaux. LGDJ, 2016. 8e édition.
4. *Mazeaud H., Juglart M. de, Mazeaud J., Mazeaud L.* Leçons de droit civil: Vente et Echange. Т. III. Montchrestien, 1983.

⁷ *Церковников М. А.* Ответственность продавца в случае изъятия товара у покупателя. М. : Статут, 2016.

Караблева Анастасия Владимировна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
г. Нижний Новгород

Наследование аккаунта в социальных сетях

Аннотация. В последнее время тема наследования аккаунтов в социальных сетях становится всё более актуальной, но является недостаточно урегулированной в рамках российского законодательства. Проблемы на практике вызваны отсутствием легального определения аккаунта и его правовой сущности, неопределённым содержанием наследования аккаунта, привязанностью аккаунта к личности пользователя и проблемой нарушения тайны переписки наследниками. Автор рассматривает выделенные проблемы и предлагает варианты их разрешения, опираясь на зарубежный опыт.

Ключевые слова: наследственное право; аккаунты в социальных сетях; наследование аккаунтов в социальных сетях.

Правовая природа и понятие аккаунта

В настоящий момент юридическая наука находится на этапе активной разработки понятийного аппарата регулирования новых объектов гражданского оборота — цифровых прав, в том числе аккаунтов в социальных сетях. Это обусловлено спецификой и новизной таких объектов с точки зрения законодательства. По этой причине представляется необходимым прежде всего охарактеризовать правовую природу аккаунта в социальных сетях, на основе чего сформулировать его определение.

Правовой статус аккаунта в социальных сетях возможно рассмотреть с двух точек зрения: информационного и гражданского законодательства. Однако в контексте наследования целесообразно изучить правовую сущность аккаунта непосредственно в рамках гражданского законодательства.

В данном аспекте аккаунт чаще всего рассматривается в качестве результата интеллектуальной деятельности¹ или в качестве цифрового права в рамках ст. 141.1 Гражданского кодекса РФ².

По нашему мнению, аккаунт в социальных сетях стоит определить именно как цифровое право.

Действующее законодательство относит к цифровым правам только те, признаки которых установлены законом, на данный момент таковыми являются цифровые финансовые активы³. Однако к цифровым правам могут относиться и другие категории гражданских прав. Так, исследователями выделяется категория естественных цифровых прав, которые включают в себя право лица на получение и передачу информации⁴. Аккаунт как средство общения пользователей социальной сети подразумевает получение и передачу любой разновидности информации от одного пользователя другому, поэтому аккаунт в силу его практического назначения также возможно отнести к объектам естественных цифровых прав.

Отличительной чертой аккаунта как объекта гражданских правоотношений является его смешанный характер. Как известно, акка-

¹ См., например: *Яшина В.* Лайки по наследству: как завещать интернет-аккаунт [Электронный ресурс] // Право.ru. URL: <https://pravo.ru/story/245138/> (дата обращения: 13.09.2023); *Данченко Г. М.* Правовое регулирование аккаунта в социальных сетях // Вопросы российской юстиции. 2021. № 16. С. 192.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Ст. 141.1.

³ Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». П. 2 ст. 1; Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Ст. 13; Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Ст. 4.

⁴ См., например: Цифровые права: их понятие и классификация [Электронный ресурс] // Интеллект : сайт. URL: <https://rbintellekt.ru/analitika/publikatsii/tsifrovyye-prava-ponyatie-i-ikh-klassifikatsiya/> (дата обращения: 20.02.2024).

унты подразделяются на два основных типа: коммерческие и пользовательские⁵. Такое разделение определяет ценность аккаунта для его наследников.

Коммерческие аккаунты используются обладателями для осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности, в том числе для заключения гражданско-правовых сделок. К таким относятся, в частности, аккаунты блогеров, известных общественности личностей, юридических лиц. Данный тип аккаунтов имеет непосредственную материальную ценность не только для наследников, но и для оператора социальной сети, поскольку аккаунты в данном случае выступают в качестве средства получения прибыли для обеих сторон взаимоотношений.

Особенность пользовательского типа заключается в связи аккаунта с личностью его обладателя. Подобные аккаунты используются в личных целях, преимущественно для общения, поэтому представляют собой нематериальную ценность для наследников. В данном случае также применимо понятие «цифровой след личности», что предполагает копию человека как набора отличительных, индивидуальных характеристик в цифровом (виртуальном) пространстве. Как утверждают сторонники данной теории⁶, в соответствии с перечисленными признаками аккаунт является нематериальным благом, поэтому не может быть объектом наследования в соответствии со ст. 1112 ГК РФ.

Однако полностью определить аккаунт как «цифровую копию личности» не позволяет наличие в любом проявлении материальной составляющей, что непосредственно представляет собой экономическую ценность для наследников, пусть даже в малой части. Стоит иметь в виду, что аккаунты в социальных сетях в большинстве своем носят смешанный характер. Так, пользователь может не осуществлять предпринимательскую деятельность посредством аккаунта, но

⁵ Гапанович А. В. К вопросу о наследовании виртуального имущества в социальных сетях // Наследственное право. 2020. № 2. С. 40–43.

⁶ См., например: Мигачева А. Ю., Пченушай К. А. Наследование интернет-аккаунтов: опыт регулирования в зарубежных странах // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 5.

при этом заключать гражданско-правовые сделки, например приобретая на платформе социальной сети различные курсы, стикеры, подписки и т.д. Таким образом, абсолютное соотношение аккаунта и личности его пользователя возможно в случаях исключительного использования в личных целях, без намерений извлекать коммерческую выгоду или совершать какие-либо гражданско-правовые сделки, что в настоящее время встречается крайне редко. Именно по этой причине достаточно сложно отграничить коммерческие аккаунты от пользовательских, что говорит о смешанной природе аккаунта как объекта гражданских правоотношений.

На основании вышеуказанного можно утверждать, что как таковой привязки аккаунта к личности его пользователя нет, поэтому его наследование как нового объекта наследственного права допустимо.

Таким образом, определить аккаунт в социальной сети как естественное цифровое право представляется возможным ввиду его специфического существа: обладание как материальной, так и нематериальной составляющей. Также пользование аккаунтом подразумевает в том числе необходимость предоставления лицу доступа к содержащейся в нем информации.

Кроме того, наследование в российском законодательстве осуществляется по общим правилам универсального правопреемства⁷, что предполагает наследование вне зависимости от формы воплощения наследуемых имущества, прав и обязательств. Само по себе выражение аккаунта в цифровом виде не препятствует его наследованию по общим правилам универсального правопреемства⁸. Выделенные признаки аккаунта как специфического объекта гражданского оборота в совокупности позволяют отнести его в состав наследства по смыслу ст. 1112 ГК РФ.

⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ. Ст. 1110.

⁸ Татаркина К. П. Договор об использовании учетной записи пользователя в социальной сети переходит по наследству // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 2. С. 33.

Учитывая указанные особенности, определить аккаунт как результат интеллектуальной деятельности достаточно сложно, поскольку не каждый аккаунт обладает признаками творческого вклада его пользователя. Следовательно, для того чтобы считать аккаунт результатом интеллектуальной деятельности, необходимо подтвердить соответствие самого аккаунта и содержащейся в ней информации признакам, установленным законодательством⁹, преимущественно путем обращения в суд.

Определив юридическую характеристику аккаунта, представляется возможным дать его определение, которое может послужить основой для легальной регламентации.

Аккаунт в социальных сетях — это цифровое право лица на получение и передачу хранящейся на определенной цифровой платформе информации, которая представляет собой материальную и нематериальную ценность для такого лица.

Содержание наследования аккаунта

Решение вопроса о том, что включает в себя содержание наследования аккаунта, значительно упрощается наличием завещания, которое может предусматривать порядок пользования аккаунтом наследниками и доступа к нему. Например, в зарубежной практике известно «цифровое завещание»¹⁰, которое представляет собой отдельный документ, устанавливающий доступ определенного лица к аккаунту завещателя, описывающий, как и в какой степени такое лицо вправе распоряжаться аккаунтом и содержащейся в нем информацией.

Однако определять содержание наследования аккаунта через завещание не всегда возможно, поэтому необходимо предусмотреть порядок наследования аккаунтов по закону. В противном случае нарушаются права наследников, чей наследодатель не оставил завещания

⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 13.06.2023). Ст. 1228.

¹⁰ Мигачева А. Ю., Пченушай К. А. Указ. соч. С. 160.

или не указал в нем порядок перехода его аккаунта наследникам, что недопустимо.

Предлагается рассмотреть содержание наследования аккаунтов в зависимости от их типов.

Содержание наследования пользовательского (персонального) аккаунта представляет собой пассивное владение — свободный доступ наследников к уже отправленным и полученным сообщениям, размещенному контенту без возможности внесения каких-либо изменений в содержание перечисленных данных. Указанный подход зарекомендовал себя в зарубежной практике¹¹.

Пассивное владение позволяет не искажать «цифровой след» личности пользователя, поскольку наследниками не вносятся какие-либо изменения в наполнение аккаунта, отражающее личные качества, интересы, иные характеристики пользователя.

Кроме того, при наследовании пользовательских аккаунтов возможно провести аналогию с наследованием личных дневников и переписок умершего, что также представляется возможным с точки зрения российского правоприменения¹². Подобная аналогия позволяет унаследовать личные материалы умершего пользователя без права коммерческого использования.

На данный момент в российской судебной практике примеры, касающиеся наследования аккаунта, немногочисленны. Суды не признают аккаунт в социальных сетях объектом гражданских прав, а также определяют необходимость наличия материальной ценности такого аккаунта для наследников¹³. Таким образом, существуют предпосылки для наследования именно коммерческих аккаунтов, обладающих экономической ценностью для наследников. Поэтому прежде

¹¹ Решение Верховного суда Германии от 12.07.2018 III ZR 183/17 [Электронный ресурс] // URL: <https://daten.bank.nwb.de/Dokument/741207> (дата обращения: 22.09.2023).

¹² См., например: решение Мещанского районного суда города Москвы от 10.06.2021 по делу № 2-5831/2021.

¹³ См., например: апелляционное определение Московского областного суда от 11.09.2023 по делу № 33-31050/2023.

всего необходима регламентация порядка наследования для данного типа аккаунта.

В связи с этим содержание наследования коммерческих аккаунтов представляет собой переход цифровых прав к наследникам и возможность использования содержащейся в аккаунте информации и материалов в целях извлечения прибыли. В данном случае достаточно важным является обозначение в отношении слушателей, подписчиков и иной аудитории такого аккаунта, что деятельность ведется не умершим, а его наследниками — во избежание введения в заблуждение такой аудитории.

При этом исключать наследование пользовательских аккаунтов также не представляется возможным, поскольку такому типу аккаунта и содержащейся в нем информации и материалам необходима правовая защита от недобросовестных действий третьих лиц. Более того, доступ наследников к пользовательскому аккаунту способствует более эффективному распределению наследственной массы, идентификации активов и долгов наследодателя.

Нарушение тайны переписки

Проблема нарушения тайны переписки является одним из главных препятствий для наследования аккаунта. Вариантом разрешения данного вопроса может служить действие принципа универсального правопреемства.

Во-первых, в рамках него наследники могут заменить умершего наследодателя как сторону пользовательского соглашения с оператором социальной сети, поскольку действия сторон такого соглашения обладают сугубо техническим характером¹⁴.

Во-вторых, посредством универсального правопреемства, которое по своей природе имеет приоритет перед тайной переписки¹⁵, наследники замещают наследодателя в процессе коммуникации, пе-

¹⁴ Решение Верховного федерального суда Германии от 12.07.2018 III ZR 183/17.

¹⁵ Решение Верховного федерального суда Германии от 12.07.2018 III ZR 183/17.

ринимают все его права и обязанности как пользователя аккаунта. Таким образом, наследование аккаунта по правилам универсального правопреемства не противоречит определенным Верховным Судом РФ¹⁶ признакам нарушения тайны переписки умершего пользователя. Однако вопрос преодоления тайны переписки в рамках наследования аккаунтов остается открытым.

Реализация наследования аккаунтов на практике, помимо усовершенствования законодательства, во многом зависит от политики самих социальных сетей по предоставлению соответствующего доступа наследников к аккаунту. Поэтому также необходима дополнительная регламентация отдельных положений в отношении операторов социальных сетей по включению в пользовательское соглашение положений, предусматривающих доступ наследников к аккаунтам умершего пользователя.

Выводы

1. Аккаунт в социальных сетях представляет собой специфический объект гражданских правоотношений, что позволяет определить его как цифровое право в рамках ст. 141.1 ГК РФ.
2. В настоящее время возникает необходимость наследования прежде всего коммерческих аккаунтов, поскольку именно они обладают экономической ценностью для наследников. Однако регулирование наследования пользовательских аккаунтов также нельзя оставить без внимания.
3. Содержание наследования аккаунта зависит от его типа: для коммерческих аккаунтов наследование предполагает переход цифровых прав к наследникам в рамках универсального правопреемства, для пользовательских аккаунтов — пассивное владение наследниками.

¹⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)». П. 4.

4. Преодолением тайны переписки при наследовании аккаунта является применение правил универсального правопреемства, в частности замены наследодателя как участника коммуникации его наследниками. Однако на настоящий момент данный вопрос представляет собой поле для дальнейшего исследования.

5. В результате законодательного урегулирования наследования аккаунта возникает необходимость регулирования политики социальных сетей на предоставление доступа наследников к аккаунту умершего пользователя.

Список литературы

1. Апелляционное определение Московского областного суда от 11.09.2023 по делу № 33-31050/2023 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.02.2024).
2. Гапанович А. В. К вопросу о наследовании виртуального имущества в социальных сетях // Наследственное право. 2020. № 2. С. 40–43.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.02.2024).
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.02.2024).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.02.2024).
6. Данченко Г. М. Правовое регулирование аккаунта в социальных сетях // Вопросы российской юстиции. 2021. № 16. С. 190–197.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2023).

8. Решение Верховного суда Германии от 12.07.2018 III ZR 183/17 [Электронный ресурс] // URL: <https://datenbank.nwb.de/Dokument/741207> (дата обращения: 20.09.2023).
9. Решение Мещанского районного суда города Москвы от 10.06.2021 по делу № 2-5831/2021 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.02.2024).
10. *Татаркина К. П.* Договор об использовании учетной записи пользователя в социальной сети переходит по наследству // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 2. С. 15–36.
11. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.12.2023).
12. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.12.2023).
13. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.12.2023).
14. Цифровые права: их понятие и классификация [Электронный ресурс] // Интеллект : сайт. URL: <https://rbintellekt.ru/analitika/publikatsii/tsifrovye-prava-ponyatie-i-ikh-klassifikatsiya/> (дата обращения: 20.02.2024).
15. *Яшина В.* Лайки по наследству: как завещать интернет-аккаунт [Электронный ресурс] // Право.ru. URL: <https://pravo.ru/story/245138/> (дата обращения: 13.09.2023).

Мухортова Валерия Витальевна
Алтайский государственный университет
г. Барнаул

Эстоппель в цивилистическом процессе

Аннотация. В статье раскрываются актуальные вопросы и правовые проблемы практики применения механизма *estoppel* в отечественном цивилистическом процессе, иллюстрируется формирование «российского процессуального *estoppel*», а также описываются меры по возможному преодолению указанных пробелов.

Ключевые слова: гражданский процесс; арбитражный процесс; *estoppel*.

В последнее время в судебной практике наблюдается тенденция к увеличению требований к своевременности и последовательности осуществления сторонами своих процессуальных прав и обязанностей. Несоблюдение указанных требований всё чаще рассматривается как процессуальное злоупотребление. Само наличие эстоппеля в цивилистическом процессе обусловлено известной аксиомой «не будет выслушан тот, чьи заявления противоречивы». Данная аксиома предписывает сторонам вырабатывать последовательную, непротиворечивую правовую позицию, что позволяет обеспечить стабильность судопроизводства, а также правильное и своевременное рассмотрение и разрешение дел.

Термин «эстоппель», как утверждается в литературе, берет начало от французского *estour*, означающего «отвод». Согласно иной точке зрения термин *estoppel* берет свое начало от используемого преимущественно нормандцами старофранцузского *estoupail*. Вне зависимости от первоисточника корнем является слово *stop*, что в дословном переводе означает «остановка, прекращение».

Первое упоминание об эстоппеле как о правовом явлении, по данным Sean Wilken QC and Karim Ghaly¹, встречается в судебных актах в XVI в., известные правоведы, такие как Эдвард Кок, активно занимались исследованием нового явления в праве и выделяли новые виды эстоппеля.

Созданный для защиты английского права справедливости эстоппель за 5 веков практического применения судами и активной доктринальной разработки приобрел большое количество видов. Большинство проанализированных источников определяют эстоппель как препятствие, не позволяющее стороне говорить о фактах или отрицать их вследствие предыдущего поведения или вступившего в законную силу судебного решения. Такое определение содержится в том числе в Black's Law Dictionary².

Систематизация многочисленных видов эстоппеля в англосаксонской правовой системе позволяет разделить их на три условные категории:

1) эстоппель, предназначенный для установления фактических обстоятельств, включающий *estoppel by representation*, а также *by conduct*, *by silence*, *by convention* и т.д.;

2) *equitable estoppel*, направленный на установление взаимных прав и обязанностей сторон, включающий в себя такие подвиды, как, например, *promissory estoppel*, лишающий сторону права ссылаться на незакрепленность сделанного ею ранее обещания;

3) формальный эстоппель, где основным представителем выступает институт *res judicata* или *estoppel by record*, сходный с правилом преюдиции.

В Российской Федерации первое упоминание эстоппеля встречается в постановлении Президиума ВАС РФ от 22.03.2011 № 13903/10 по делу № А60-62482/2009-С7³, однако в документе отсутствует указание на правовую природу, а также характеристика рассматриваемого явления. В ходе доктринальных разработок за прошедшие

¹ Wilken S., Ghaly K. The law of waiver, variation and estoppel. OUP Oxford, 2012.

² Garner B. A. et al. Black's Law Dictionary. 2004.

³ URL: <https://www.zakonrf.info/suddoc/d6ee373e18fed629700982afb12ffa1f/>.

13 лет само определение термина трактуется неоднозначно, позднее в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.04.2013 № 1649/13⁴ и в определении Верховного Суда РФ от 19.12.2014 № 305-ЭС14-1618 «Об отказе в передаче жалобы в Судебную коллегия Верховного Суда Российской Федерации»⁵ высшие суды также ссылались на эстоппель, однако разъяснений по обозначенным вопросам и рекомендаций по применению суды не дали.

Некоторые из ученых, в частности И. И. Черных⁶, Э. И. Лескина⁷, а также И. В. Решетникова⁸ в справочнике по доказыванию в гражданском судопроизводстве со ссылкой на п. 18 Обзора практики применения арбитражными судами положений процессуального законодательства об обязательном досудебном порядке урегулирования спора Верховного Суда РФ от 22.07.2020⁹ характеризуют эстоппель как правовой принцип, что, на наш взгляд, является неверным в силу того, что под принципами принято понимать начала, правовые идеи, предопределяющие правовое регулирование конкретной совокупности правовых отношений. В контексте рассматриваемой темы уместно сказать, что к принципам относятся добросовестность, *res judicata*, разумность, аксиомы справедливости, непротиворечивости собственной позиции и поведения, в свою очередь обуславливающие существование эстоппеля.

Эстоппель в качестве совокупности правовых норм, регулирующих различные стороны добросовестного поведения, в общепринятом понимании принципом не является¹⁰.

⁴ URL: <https://base.garant.ru/70427706/>.

⁵ URL: <https://base.garant.ru/70838586/>.

⁶ Черных И. [и др.] Эстоппель в гражданском судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 12. С. 81–88.

⁷ Лескина Э. И. Эстоппель в российском цивилистическом процессе // Российский юридический журнал. 2018. № 1. С. 108–112.

⁸ Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / под ред. И. В. Решетниковой. 7-е изд., доп. и перераб. М. : Норма : Инфра-М, 2024.

⁹ URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/29136/>.

¹⁰ Яхимович А. В. Некоторые аспекты проблемы доказывания *estoppel* в гражданском судопроизводстве // Законодательство. 2021. № 8. С. 42–47.

Исходя из вышеизложенного, estoppel, упомянутый в постановлении Президиума ВАС РФ от 22.03.2011 № 13903/10 по делу № А60-62482/2009-С7, следует рассматривать только как попытку имплементации estoppel в части недопущения множественности исков, когда в основании споров лежит одно и то же материальное правоотношение, не более того.

Спустя время практика выработала подход, что понимается под «ситуацией эстоппель». На наш взгляд, именно судебная практика в большей мере повлияла на формирование «российского процессуального эстоппеля», очерчивая различия между изначально заимствованным механизмом и российским процессуальным эстоппелем.

Так, вопреки разнообразию видов эстоппеля в англосаксонской правовой системе, в отечественной судебной практике, в решениях, по которым суды наиболее часто ссылаются на эстоппель, можно отметить категории дел, связанные со следующими основаниями:

– нарушение правил о предметной подсудности (определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 13.04.2016 № 306-ЭС15-14024 по делу № А57-12139/2011¹¹);

– ненадлежащая территориальная подсудность (постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.11.2018 по делу № А40-200515/17¹²);

– несоблюдение досудебного порядка урегулирования спора, предусмотренного законом или договором (постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 26.11.2018 по делу № А56-37600/2017¹³);

– выдвижение новых доводов (утверждений, отрицаний, возражений) и доказательств как в пределах стадии судебного разбира-

¹¹ URL: https://www.vsrfr.ru/stor_pdf_ec.php?id=1431440.

¹² URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/I4aOGwR9UOxk/>.

¹³ URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/REHm03XP5all/>.

тельства в суде первой инстанции, так и в вышестоящих судебных инстанциях (определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 25.07.2017 № 33-КГ17-15¹⁴).

Резюмируя случаи применения эстоппеля отечественными судами, можно выделить всего две категории, которые, вопреки сложившейся зарубежной практике, не получили отдельного наименования для каждого из видов:

- 1) эстоппель против запоздалого представления чисто процессуальных возражений;
- 2) эстоппель против запоздалого представления процессуальных средств, касающихся материального содержания спора.

Таким образом, применяя процессуальный эстоппель в различных ситуациях, суды не ориентируются на представление об этом правовом явлении, сложившееся в странах общего права, поступательно формируя «российский процессуальный эстоппель»¹⁵.

Однако применение судами самобытного, еще не до конца сформированного механизма, отличного от зарубежного, породило определенные сложности, вызванные, на наш взгляд, в том числе отсутствием единого подхода к пониманию и определению «российского процессуального эстоппеля».

Проиллюстрировать существующую разобщенность понимания судов относительно правовой природы эстоппеля можно на примере актуальной судебной практики. Так, за два месяца 2024 г. судами был вынесен ряд решений, в части которых на эстоппель указывается как на правовой принцип (постановление Арбитражного суда Центрального округа от 01.02.2024 № Ф10-6893/23 по делу № А08-6831/2021¹⁶, постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от

¹⁴ URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-25072017-n-33-kg17-15/>.

¹⁵ *Володарский Д. Б., Кашкарова И. Н.* К вопросу о рецепции доктрины эстоппель: процессуальный аспект (ч. 1) // Закон. 2021. № 7. С. 106–116.

¹⁶ URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/40300724/paragraph/59/doclist/5895/5/0/0/процессуальный%20эстоппель:12>.

25.01.2024 № Ф08-12911/23 по делу № А32-2075/2023¹⁷, постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 24.01.2024 № Ф06-11297/23 по делу № А72-19799/2019¹⁸). В других решениях эстоппель упоминается как механизм или как процессуальный инструмент борьбы с недобросовестным поведением и злоупотреблением процессуальными правами (постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 07.02.2024 № Ф07-20947/23 по делу № А13-11931/2021¹⁹, постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 22.01.2024 № Ф03-6089/23 по делу № А51-17756/2022²⁰, Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2015)²¹).

Так, данный механизм начал применяться в рамках дискреционных полномочий судей в отношении процессуальных прав, для недопущения злоупотребления которыми существуют нормы процессуального законодательства. В частности, речь идет о представлении доказательств в связи с их несвоевременным осуществлением либо подразумеваемым или явно выраженным отказом от их осуществления сторонами.

В ряде случаев подобная ссылка на эстоппель, вопреки наличию нормы процессуального закона, вызванная отсутствием, в свою очередь, законодательного закрепления и разъяснений высшей судебной инстанции о необходимом фактическом составе для его применения в процессуальных правоотношениях, приводит к появлению так называемых мнимых эстоппелей²².

¹⁷ URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/40868274/paragraph/17/doclist/5895/6/0/0/процессуальный%20эстоппель:13>.

¹⁸ URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/39300904/paragraph/120/doclist/5895/7/0/0/процессуальный%20эстоппель:14>.

¹⁹ URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/41457404/paragraph/12/doclist/5895/4/0/0/процессуальный%20эстоппель:11>.

²⁰ URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/37250690/paragraph/65/doclist/5895/8/0/0/процессуальный%20эстоппель:15>.

²¹ URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/71110872/paragraph/835/doclist/5959/1/0/0/Обзоре%20судебной%20практики%20Верховного%20Суда%20РФ%20oN%202%20%202015:17>.

²² Володарский Д. Б., Кашкарова И. Н. Процессуальный эстоппель в системе общего права // Закон. 2020. № 5. С. 187–201.

Еще одной проблемой является незаменимый элемент в фактическом составе применения процессуального механизма — наличие неблагоприятных последствий у лица, допустившего или создавшего ситуацию эстоппель. Однако и в случае наложения штрафных санкций нередко встает вопрос об исполнении вынесенного решения, примером чему может послужить еще идущий в Алтайском крае процесс, в ходе которого судом был применен эстоппель в отношении одной из сторон процесса, однако не урегулирован вопрос о том, подлежит ли индексации сумма штрафных санкций по эстоппелю в случае, если он был установлен, но не исполняется.

Отсутствие очерченных законом и систематизированных практикой категорий штрафных санкций также является еще одним пробелом, требующим доработки. Законом четко определена санкция за недобросовестное поведение участников процесса, выражающееся в несвоевременном раскрытии имеющихся у них доказательств (доводов, возражений и т.п.) — возложение на такую сторону процессуальных издержек, но не лишение процессуальных прав, что подразумевает применение эстоппеля. Кроме того, подобная мера воздействия закреплена лишь в ст. 66 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и отсутствует в кодексах, регламентирующих иные виды судопроизводства, при этом неблагоприятные последствия должны носить реальный характер, в противном случае само условие о необходимости неблагоприятных последствий для заявления *estoppel* превратилось бы в ничто.

Первым и наиболее очевидным выводом является то, что в действующем процессуальном законодательстве, помимо уже упомянутого АПК РФ, должны появиться нормы о преклюзивном значении пассивного поведения, выражающегося в незаявлении ответчиком тех возражений, которые имеют своей целью продемонстрировать, что истцом не соблюден установленный порядок обращения в суд, по аналогии с *jurisdictional objections* из американского права.

Однако четкая законодательная регламентация механизма в рамках судебной дискреции вряд ли является осуществимой, ввиду чего требуется выработка некоего стандарта его применения с учетом

того, как это скажется на законности итогового судебного акта, устанавливающего правовую определенность спорных отношений и определяющего взаимные права и обязанности их участников. На наш взгляд, выработка такого стандарта возможна в нескольких вариантах; наиболее предпочтительным является расширенное толкование данного правового явления на уровне пленума Верховного Суда РФ, а также возможно издание методических рекомендаций применения эстоппеля, например, по аналогии со учебно-практическим пособием И. В. Решетниковой «Доказывание в гражданском процессе».

В заключение стоит отметить, что там, где это обусловлено уникальной спецификой конкретного дела, процессуальный эстоппель является эффективным инструментом в качестве уникального правового явления, однако практика иллюстрирует достаточно однотипные примеры применения судами по конкретным делам, что, на наш взгляд, является сигналом именно к законодательной рецепции эстоппеля.

Список литературы

1. Володарский Д. Б., Кашкарова И. Н. К вопросу о рецепции доктрины эстоппель: процессуальный аспект (ч. 1) // Закон. 2021. № 7. С. 106–116.
2. Володарский Д. Б., Кашкарова И. Н. Процессуальный эстоппель в системе общего права // Закон. 2020. № 5. С. 187–201.
3. Лескина Э. И. Эстоппель в российском цивилистическом процессе // Российский юридический журнал. 2018. № 1. С. 108–112.
4. Обзор практики применения арбитражными судами положений процессуального законодательства об обязательном досудебном порядке урегулирования спора от 22.07.2020 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/29136/>.
5. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2015) [Электронный ресурс] // URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/71110872/paragraph/835/doclist/5959/1/0/0/Обзоре%20судебной%20практики%20Верховного%20Суда%20РФ%20N%202%20%202015:17>.

6. Определение Верховного Суда РФ от 19.12.2014 № 305-ЭС14-1618 «Об отказе в передаче жалобы в Судебную коллегия Верховного Суда Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: <https://base.garant.ru/70838586/>.
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 25.07.2017 № 33-КГ17-15 [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-25072017-n-33-kg17-15/>.
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 13.04.2016 № 306-ЭС15-14024 по делу № А57-12139/2011 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.vsrfl.ru/storpdfec.php?id=1431440>.
9. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 22.01.2024 № Ф03-6089/23 [Электронный ресурс] // URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/37250690/paragraph/65/doclist/5895/8/0/0/процессуальный%20эстоппель:15>.
10. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.11.2018 по делу № А40-200515/17 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/I4aOGwR9UOxk/>.
11. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 24.01.2024 № Ф06-11297/23 по делу № А72-19799/2019 [Электронный ресурс] // URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/39300904/paragraph/120/doclist/5895/7/0/0/процессуальный%20эстоппель:14>.
12. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 07.02.2024 № Ф07-20947/23 по делу № А13-11931/2021 [Электронный ресурс] // URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/41457404/paragraph/12/doclist/5895/4/0/0/процессуальный%20эстоппель:11>.
13. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 26.11.2018 по делу № А56-37600/2017 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/RENm03XP5all/>.
14. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 25.01.2024 № Ф08-12911/23 по делу № А32-2075/2023 [Электронный ресурс] // URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/40868274/paragraph/17/doclist/5895/6/0/0/процессуальный%20эстоппель:13>.
15. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 01.02.2024 № Ф10-6893/23 по делу № А08-6831/2021 [Электронный ресурс] // URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/40300724/paragraph/59/doclist/5895/5/0/0/процессуальный%20эстоппель:12>.

16. Постановление Президиума ВАС РФ от 22.03.2011 № 13903/10 по делу № А60-62482/2009-С7 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.zakonrf.info/suddoc/d6ee373e18fed629700982afb12ffa1f/>.
17. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.04.2013 № 1649/13 [Электронный ресурс] // URL: <https://base.garant.ru/70427706/>.
18. Решетникова И. В. Доказывание в гражданском процессе : учебно-практическое пособие для вузов. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2019.
19. Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / под ред. И. В. Решетниковой. 7-е изд., доп. и перераб. М. : Норма : Инфра-М, 2024.
20. Черных И. [и др.] Эстоппель в гражданском судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 12. С. 81–88.
21. Яхимович А. В. Некоторые аспекты проблемы доказывания estoppel в гражданском судопроизводстве // Законодательство. 2021. № 8. С. 42–47.
22. Garner B. A. et al. Black's Law Dictionary. 8th Ed. 2004.
23. Wilken S., Ghaly K. The law of waiver, variation and estoppel. OUP Oxford, 2012.

Солнцева Мария Евгеньевна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
г. Москва

Правовые проблемы реализации права родственников на общение с ребенком

Аннотация. В статье рассматривается право родственников на общение с ребенком. Затрагиваются такие аспекты, как учет мнения ребенка при определении его места жительства с одним из родителей, концепция социального родства, а также право родителей, лишенных родительских прав, на общение с ребенком. Анализируется российская и зарубежная судебная и правоприменительная практика.

Ключевые слова: право на общение с родственниками; социальное родительство; лица, лишенные родительских прав; компенсация морального вреда.

Введение

Общение со взрослыми является одной из базовых потребностей ребенка. Оно приносит ребенку чувство защищенности, удовлетворяет его потребности во внимании и понимании и закладывает необходимую для каждого человека основу для построения отношений с другими людьми.

В то же время отечественное законодательство в данной сфере нельзя назвать совершенным. Так, остается нерешенным вопрос об эффективной защите права отдельно проживающего родителя на общение с ребенком. Кроме того, заслуживает внимания вопрос о том, предоставляет ли российское законодательство достаточные гарантии защиты данного права родственникам, не входящим в круг близких родственников, и лицу, которое не является родственником ре-

бенка, но воспринимается им в качестве родителя (далее — социальный родитель, психологический родитель). Рассмотрим описанные проблемы подробно.

I. Близость родства как критерий различия в праве на общение с ребенком

I.1. Право отдельно проживающего родителя на общение с ребенком

Следует отметить, что статья 66 Семейного кодекса Российской Федерации предоставляет достаточно весомые способы защиты права на общение с ребенком родителю, проживающему отдельно от ребенка. Так, при нарушении этого права другим родителем возможно определение порядка осуществления первым своих прав в судебном порядке, привлечение второго родителя к административной ответственности (административный штраф) и даже передача ребенка отдельно проживающему родителю (исходя из интересов ребенка и с учетом его мнения).

Однако при реализации данного права возникает следующая проблема: родитель, проживающий с ребенком, может приводить множество оправданий для воспрепятствования его общению с другим родителем (мнимые болезнь ребенка, отъезд ребенка и родителя и т.п.), проверить достоверность которых практически невозможно. При этом, учитывая, что ребенок практически всегда находится в сильной зависимости от родителя, с которым он проживает, сложно представить эффективные механизмы защиты его права на общение с другим родителем.

Кроме того, установление графика общения ребенка с отдельно проживающим родителем не требует обязательного согласия несовершеннолетнего, а в случае недостижения им 10 лет — даже учета его мнения¹. В действительности же уровень развития ребенка не всегда прямо пропорционален его возрасту, поэтому, с нашей точки зре-

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 28.04.2023). Ст. 57 // Российская газета. № 17. 27.01.1996.

ния, устанавливать единый критерий для всех детей не вполне правильно. Так, согласно ч. 1 ст. 12 Конвенции о правах ребенка² право свободно выражать свои взгляды по всем вопросам, затрагивающим права ребенка, предоставляется любому ребенку, способному сформулировать такие взгляды, то есть возраст не является определяющим критерием. В данном случае отечественный законодатель, устанавливая дополнительные ограничения, вероятно, стремился обеспечить баланс интересов ребенка, озвученных им в ходе разбирательства, и предполагаемых потребностей каждого ребенка, которые несовершеннолетний не способен осознать. Иными словами, непосредственно выраженному мнению ребенка не уделяется должного внимания, так как считается, что он не способен в полной мере понимать, что для него будет полезным, а что — вредным. Однако мы полагаем, что ограничение ребенка в праве выражать свое мнение до достижения 10 лет вне зависимости от его ментального развития не является обоснованным и предполагает не большую, а меньшую защиту прав и законных интересов несовершеннолетнего.

Верховный Суд РФ в Обзоре практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей³, обращает внимание на то, что при разрешении споров об общении ребенка с отдельно проживающим родителем суды верно учитывали как принцип равенства родительских прав обоих родителей, так и интересы ребенка. Однако в том же Обзоре отмечается, что мнение ребенка по спорам, связанным с воспитанием детей, выясняется судами во многих случаях опосредованно, т.е. через заключение органа опеки и попечительства. Таким образом, ни в суде, ни в каком-либо ином органе ребенок не опрашивается. При этом судебное решение об определении места жительства несовершеннолетнего зачастую основывается на довольно формальных обстоятельствах. Например, в Обзоре отмечается, что суды часто

² Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. 1993.

³ Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7, июль.

учитывают такой фактор, как «длительность периода времени, в течение которого ребенок не общался с родителем». Если родитель долго не общался с ребенком, то ему могут и вовсе отказать в возможности общаться с ним в дальнейшем.

1.2. Право иных родственников на общение с ребенком

Стоит начать с того, что в России наблюдается незащищенность прав родственников, не входящих в категорию близких родственников, на общение с ребенком. Согласно ч. 2 ст. 55 и ч. 1 ст. 67 Семейного кодекса РФ все родственники имеют право на общение с ребенком, однако в ч. 2 и 3 ст. 55 СК РФ указано, что только близкие родственники имеют возможность защитить свое право в органах опеки и попечительства и в суде. На наш взгляд, данное различие в правовой защите не является обоснованным, так как близость родства не всегда коррелирует с близостью человеческих отношений.

Во-вторых, право на общение с ребенком отсутствует у лиц, не являющихся родственниками ребенка, но имеющих важное для него значение, так называемых социальных/психологических родителей. Данная проблема приобрела особую значимость в связи с принятием Европейским Судом по правам человека постановлений по делам «Назаренко против России»⁴ и «Фатхутдинов против России»⁵.

Суть первого спора заключалась в следующем: отдельно проживающий от ребенка отец, Анатолий Назаренко, подал исковое заявление о лишении своей бывшей супруги родительских прав в связи с неоднократно обнаруженными им признаками насилия над дочерью. Мать же подала в суд встречный иск об оспаривании отцовства заявителя. В итоге ДНК-экспертиза установила, что Назаренко не является биологическим отцом ребенка. Ввиду этого суд принял решение о

⁴ Постановление Европейского Суда по правам человека от 16.07.2015 «Дело Назаренко (Nazarenko) против Российской Федерации» (жалоба № 39438/13) [рус., англ.] // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2016. № 2.

⁵ Постановление Европейского Суда по правам человека от 29.09.2020 «Дело Фатхутдинов (Fatkhutdinov) против России» (жалоба № 36335/18) [англ.] [Электронный ресурс] // URL: <http://www.echr.coe.int>.

прекращении отцовства, а значит, лишил истца права на общение с ребенком, а также отклонил его ходатайство о лишении его бывшей супруги родительских прав (поскольку заявитель уже не являлся надлежащим субъектом для предъявления данного требования)⁶. А. Назаренко был не согласен с решением российского суда и подал жалобу в Европейский Суд по правам человека. ЕСПЧ постановил, что лишение заявителя права на общение с ребенком является незаконным, так как «не имея каких-либо сомнений в своем отцовстве, заявитель воспитывал дочь и заботился о ней в течение более пяти лет» и, по заключению консилиума психологов, «между заявителем и А. [дочерью] существовала тесная эмоциональная связь», поэтому их отношения следует приравнивать к семейной жизни⁷, которая защищается статьей 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод⁸.

Дело Венера Фатхутдинова во многом сходно с делом Назаренко, однако, во-первых, в рамках данного разбирательства отцовство было прекращено не по результатам ДНК-теста, а ввиду отказа мужчины от его прохождения, а во-вторых, подача матерью иска об оспаривании отцовства была обусловлена решением суда о предоставлении отдельно проживающему отцу, расторгшему брак с истицей, права встречаться с сыном. Заявитель утверждал, что факт отцовства не имеет определяющего значения, так как «мальчик очень привязан к нему, а предполагаемый биологический отец не собирается принимать участия в воспитании мальчика». Заявитель также утверждал, что он «любит ребенка и хочет его воспитывать независимо от того, является ли он его биологическим ребенком»⁹. Однако ввиду отказа ответчика от прохождения ДНК-теста суд принял решение о прекращении его отцовского статуса и отказал ему в предоставлении права

⁶ Семейный кодекс Российской Федерации, ст. 70.

⁷ Постановление Европейского Суда по правам человека от 16.07.2015 «Дело Назаренко (Nazarenko) против Российской Федерации».

⁸ Бюллетень международных договоров. 2001. № 3.

⁹ Хазова О. А. Понятие социального родительства в контексте российского семейного права // Закон. 2022. № 1. С. 80.

на общение с ребенком¹⁰. ЕСПЧ также посчитал данные действия нарушением ст. 8 Европейской конвенции.

К сожалению, описанные дела не привлекли достаточного внимания к имеющейся в российском семейном праве проблеме. В то же время поставленный вопрос может быть разрешен путем внедрения в российское законодательство понятия так называемого социального, или психологического, родства. Данная категория используется, например, в Великобритании и Германии¹¹, где под психологическим родителем в контексте споров о доступе к ребенку понимается «социально значимый взрослый, который состоял в браке (жил) с матерью/отцом ребенка и в течение значительного времени заботился о нем и принимал активное участие в его жизни, осуществляя родительские обязанности»¹². Иными словами, психологический родитель в зарубежном законодательстве — это человек, который ввиду сложившихся отношений воспринимается несовершеннолетним как родной.

II. Право на общение с ребенком у родителей, лишенных родительских прав

Рассмотрим вопрос о возможности сохранения права на общение с ребенком за родителями, лишенными родительских прав.

Согласно ч. 1 ст. 71 Семейного кодекса РФ родители, лишенные родительских прав, теряют все права, основанные на факте родства с ребенком, в отношении которого они были лишены родительских прав. Соответственно, представляется, что право на общение с ребенком в данном случае также прекращается. Однако некоторые специалисты считают, что ответ на данный вопрос неоднозначен, так как

¹⁰ Хазова О. А. Указ. соч. С. 81.

¹¹ Children Act 1989, s. 10 ; BGB, s. 1685(2).

¹² Петрова М. В. Право на общение с ребенком: какие лица должны иметь право поддерживать отношения с детьми? (комментарий к постановлению ЕСПЧ по делу «Фатхутдинов против России») [Электронный ресурс] // URL: https://zakon.ru/blog/2020/12/14/pravo_na_obschenie_s_rebenkom_kakie_lica_dolzhy_imet_pravo_podderzhivat_otnosheniya_s_detmi_komment#_ftn7 (дата обращения: 10.11.2022).

право на общение с ребенком прямо не поименовано в Семейном кодексе и не относится судами к личным неимущественным правам родителей. Но мы считаем важным заметить, что в абз. 1 ч. 1 ст. 66 СК РФ прямо упомянуто право на общение с ребенком родителя, проживающего отдельно от ребенка. Исходя из этого, можно сделать вывод, что право на общение с ребенком понимается законодателем как одно из личных неимущественных прав родителей, которое они теряют при лишении их родительских прав.

В разъяснении Министерства юстиции¹³ указывается, что родители, лишенные родительских прав, не имеют права на общение со своими детьми, причем «даже при согласии на это законных представителей ребенка, на воспитании у которых он находится». Аргументация, используемая в данном акте, сходна с приведенной нами выше, однако право родителя на общение с ребенком выводится судами из положения СК РФ об обязанности родителей воспитывать своих детей¹⁴ и корреспондирующего этой обязанности права ребенка жить и воспитываться в семье (ч. 2 ст. 54 СК РФ). Полагаем, что ссылка на данное положение Кодекса можно считать обоснованной: хотя общение и представляет собой более широкое понятие, чем воспитание, логику Семейного кодекса это не меняет.

В то же время противоположная позиция содержится в письме Министерства науки и высшего образования России от 15.08.2016¹⁵. В ответе на вопрос 16 министерство рекомендует «сохранять возможность общения детей с родителями, родительские права которых ограничены судом¹⁶, или лишенными родительских прав, в случае

¹³ Информация Минюста России от 20.07.2015 «Ответы на вопросы граждан, связанные с обеспечением прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // Социальный мир. № 32. 24–31.08.2015 (извлечения).

¹⁴ Семейный кодекс Российской Федерации, абз. 1 ч. 1 ст. 63.

¹⁵ Письмо Минобрнауки России от 15.08.2016 № 07-3446 «О направлении информации».

¹⁶ Надо отметить, что в силу ст. 75 Семейного кодекса РФ вопрос о возможности общения с ребенком родителя, ограниченного в родительских правах, возникать не должен. Поэтому здесь, вероятно, имеется в виду, что в случае лишения родительских прав вопрос должен решаться в порядке, предусмотренном СК РФ для ограничения родительских прав.

если это не оказывает на ребенка вредного влияния и при согласии органа опеки и попечительства». Указывается также, что «порядок организации такого общения может быть определен локальным актом организации для детей-сирот».

Заключение

Таким образом, можно выделить следующие проблемы, связанные с реализацией права родственников на общение с ребенком.

Во-первых, открытым остается вопрос о том, достаточно ли в рамках действующего законодательства учитывается мнение ребенка при решении вопроса о его общении с отдельно проживающим родителем.

Иной проблемой российского семейного права, неоднократно поднимавшейся на уровне Европейского Суда по правам человека, является отсутствие права на общение с ребенком у социальных (психологических) родителей — лиц, которые не являются родственниками ребенка, но в силу сложившихся личных взаимоотношений имеют для него большое значение.

Неразрешенным также остается вопрос о возможности сохранения права на общение с ребенком за родителем, лишенным родительских прав. Мы полагаем, что в силу ч. 1 ст. 71 Семейного кодекса РФ данное право не может быть предоставлено родителю, лишенному родительских прав. В то же время разъяснение Министерства науки и высшего образования содержит противоположную позицию. При этом *de lege ferenda*, с нашей точки зрения, в некоторых случаях целесообразно предоставлять родителю, лишенному родительских прав, возможность общения с ребенком.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. № 238-239. 08.12.1994.
2. Информация Минюста России от 20.07.2015 «Ответы на вопросы граждан, связанные с обеспечением прав детей-сирот и детей, оставшихся без

- попечения родителей» // Социальный мир. № 32. 24-31.08.2015 (извлечения).
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод // Бюллетень международных договоров. 2001. № 3.
 4. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. 1993.
 5. Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7, июль.
 6. *Петрова М. В.* Право на общение с ребенком: какие лица должны иметь право поддерживать отношения с детьми? (Комментарий к постановлению ЕСПЧ по делу «Фатхутдинов против России») [Электронный ресурс] // URL: https://zakon.ru/blog/2020/12/14/pravo_na_obschenie_s_rebenkom_kakie_lica_dolzhny_imet_pravo_podderzhivat_otnosheniya_s_detmi_komment#_ftn7 (дата обращения: 10.11.2022).
 7. Письмо Минобрнауки России от 15.08.2016 № 07-3446 «О направлении информации».
 8. Постановление Европейского Суда по правам человека от 16.07.2015 «Дело Назаренко (Nazarenko) против Российской Федерации» (жалоба № 39438/13) [рус., англ.] [Электронный ресурс] // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2016. № 2.
 9. Постановление Европейского Суда по правам человека от 29.09.2020 «Дело Фатхутдинов (Fatkhutdinov) против России» (жалоба № 36335/18) [англ.] [Электронный ресурс] // URL: <http://www.echr.coe.int>.
 10. Семейное право : учебник / Б. М. Гонгало, П. В. Крашенинников, Л. Ю. Михеева [и др.] ; под ред. П. В. Крашенинникова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2019. 318 с.
 11. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Российская газета. № 17. 27.01.1996.
 12. *Хазова О. А.* Понятие социального родительства в контексте российского семейного права // Закон. 2022. № 1.

Федоренко Анастасия Сергеевна
Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова
г. Москва

Субъективный и объективный подходы к понятию «риск» в частном праве

Аннотация. В статье анализируются основные подходы к понятию «риск»: субъективный и объективный. Автором обозначены основные концептуальные проблемы указанных подходов, а также предложены основные направления исследования правовой природы риска в частом праве.

Ключевые слова: риск; субъективный и объективный подходы; негативные имущественные последствия.

Весьма существенную разработку категория риска в отечественной литературе получила в рамках дискуссии об основании безвиновной ответственности и применении принципа причинения.

Доктринальные позиции по вопросу об основании безвиновной ответственности можно условно поделить на три группы.

Первые, ориентируясь на принципы причинения, создавали производные теории безвиновной ответственности на основании теории необычных действий, стимулирования техники безопасности, социальной защиты жертвы, а также профессионального риска.

Вторые пытались подвести случаи безвиновной ответственности под действие начала вины¹.

Третьи — найти иное основание, которое функционально было бы сходно с виной в субъективном смысле, т.е. с психическим отношением субъектов к действию или событию, выражающимся в осознанном допущении отрицательных имущественных последствий.

¹ См., например: *Агарков М. М.* Обязательства из причинения вреда // *Избранные труды по гражданскому праву* : в 2 т. М. : Статут, 2012. Т. 2.

Наиболее фундаментальной работой, посвященной риску в указанном смысле, является докторская диссертация В. А. Ойгензихта «Проблема риска в советском гражданском праве»².

Неотъемлемым признаком вины для В. А. Ойгензихта является противоправность (что отличает ее от субъективного случая)³. В свою очередь, виной и субъективным случаем «не ограничивается всё многообразие психических процессов, психического отношения субъекта к своему действию и результату этого действия. Одним из видов такого психического отношения является риск»⁴. Что немаловажно, вина и риск не противопоставляются, «в определенном смысле вполне оправданно говорить о виновном риске»⁵. В большинстве случаев риск для В. А. Ойгензихта имеет место при правомерном поведении, объективном случае. Таким образом, автор определяет риск в качестве 1) субъективной категории, которая 2) существует параллельно с виной, но может существовать и совместно с ней, как 3) психическое отношение субъектов к результату действий или событий, выражающееся 4) в осознанном допущении 5) отрицательных имущественных последствий⁶.

По мнению автора, риск может являться как одним из оснований (условий) гражданско-правовой ответственности, так и *основанием распределения убытков*. Последнее отличается от гражданско-правовой ответственности *отсутствием противоправности*⁷. Ученый представил свою авторскую интерпретацию того, «почему» возлагается ответственность или распределяются убытки, но, действительно, не ответил на вопросы «как?» и «кто?».

Ответ на вопрос «почему?» лежит в понимании риска в качестве субъективной категории. Однако оговорка автора о неразрывной связанности внутреннего и внешнего не изменяет того факта, что *выяв-*

² Будем основываться на монографии: Ойгензихт В. А. Проблема риска в гражданском праве. Часть общая. Душанбе : Ирфон, 1972.

³ Ойгензихт В. А. Указ. соч. С. 67, 206.

⁴ Ойгензихт В. А. Указ. соч. С. 68.

⁵ Ойгензихт В. А. Указ. соч. С. 75.

⁶ Ойгензихт В. А. Указ. соч. С. 77.

⁷ Ойгензихт В. А. Указ. соч. С. 206–224.

ление вины происходит опять же посредством учета внешних, объективированных факторов⁸. То есть речь идет лишь о расширении совокупности обстоятельств, которые будут иметь значение для решения правового казуса.

В свою очередь, на вопросы о том, кто и каким образом (или в какой мере) должен нести последствия реализации риска, предпринимали попытки ответить сторонники объективного понимания риска. К сторонникам объективного понимания категории «риск» можно отнести О. А. Красавчикова, Я. М. Магазинера, Н. С. Малеина, В. П. Грибанова, А. Г. Зейца, Д. А. Архипова, Ф. А. Вячеславова и др.

В свою очередь, в рамках анализа объективной теории можно выделить основную концептуальную проблему — трудность обособления риска как самостоятельной правовой категории. Риск может рассматриваться как сами негативные имущественные последствия⁹, как событие, которое вызывает данные последствия¹⁰, как вероятность (опасность) наступления данных последствий¹¹, а также как обязанность принять их на себя¹², что, по сути, дает повод для смешения с иными правовыми институтами гражданского права.

Возможно, необходимо продолжать исследование по двум направлениям:

⁸ *Кашанин А. В.* Кауза гражданско-правового договора как выражение его сущности // Журнал российского права. 2001. № 4.

См. также: *Курмашев Н. В.* Учение о воле в юридической сделке в советской и современной российской цивилистической науке // Вестник гражданского права. 2007. № 1.

⁹ *Грибанов В. В.* Договор купли-продажи по советскому гражданскому праву. М., 1956. С. 33.

¹⁰ *Архипов Д. А.* Правовой критерий распределения договорных рисков в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 32.

¹¹ См.: *Собчак А. А.* О некоторых спорных вопросах общей теории правовой ответственности // Правоведение. 1968. № 1. С. 55 ; *Архипов Д. А.* Указ. соч. С. 44 ; *Вячеславов Ф. А.* Распределение рисков в договорных обязательствах : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 32.

¹² См., например: *Красавчиков О. А.* Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. М. : Юрид. лит., 1966. С. 145.

Во-первых, не сто́ит полностью отрицать значение риска как категории субъективной. Формирование субъективного риска во многом происходит под воздействием внешней для субъекта среды, и одинаковые объективные условия, социальный бэкграунд, связанность одной профессией могут определять и «сходные модели поведения разных индивидов»¹³. В связи с этим мы не можем отрицать субъективное отношение определенной группы (например, коммерсантов, профессионально осуществляющих деятельность в одной из областей торговли) к конкретному риску, которое опять же может находить выражение в стандартных практиках договорного регулирования.

В данном случае в миниатюре проявляется взгляд Я. М. Магазинера на связь риска и правового регулирования. Для него право — «система распределения рисков, социальная поправка в интересах господствующего класса»¹⁴. По его мнению, право на уровне нормы права закрепляет распределение возникающих в обществе рисков, при этом оставляя юридическую возможность для распределения правовых рисков в индивидуальном порядке — на уровне отдельного договора¹⁵. Такое распределение рисков очевидно в норме диспозитивной.

Во-вторых, большинство коммерческих договоров, помимо прочего, являются реляционными¹⁶ и направленными не на перераспределение *последствий*, а на разработку *процедуры* предотвращения и разрешения правового риска, способом, позволяющим продолжить сотрудничество сторон.

¹³ Бушев А. Ю. К вопросу о правовой доктрине рисков // Актуальные проблемы науки и практики коммерческого права : сборник науч. статей. Вып. 5 / Санкт-Петербург. гос. ун-т, юрид. фак. ; под общ. ред. В. Ф. Попондопуло и О. Ю. Скворцова. М. : Волтерс Клувер, 2005. С. 125.

¹⁴ Магазинер Я. М. Советское хозяйственное право. Л., 1928. С. 290.

¹⁵ Магазинер Я. М. Указ. соч. С. 292–295.

¹⁶ См., например: Дудко А. Г. Правовая адаптация долгосрочных договоров к изменившимся обстоятельствам : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2002.

Список литературы

1. *Агарков М. М.* Обязательства из причинения вреда // Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. Т. 2. М. : Статут, 2012.
2. *Архипов Д. А.* Правовой критерий распределения договорных рисков в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
3. *Бушев А. Ю.* К вопросу о правовой доктрине рисков // Актуальные проблемы науки и практики коммерческого права : сборник науч. статей. Вып. 5 / Санкт-Петербург. гос. ун-т, юрид. фак. ; под общ. ред. В. Ф. Попондопуло и О. Ю. Скворцова. М. : Волтерс Клувер, 2005.
4. *Вячеславов Ф. А.* Распределение рисков в договорных обязательствах : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
5. *Грибанов В. В.* Договор купли-продажи по советскому гражданскому праву. М., 1956.
6. *Дудко А. Г.* Правовая адаптация долгосрочных договоров к изменившимся обстоятельствам : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2002.
7. *Кашанин А. В.* Кауза гражданско-правового договора как выражение его сущности // Журнал российского права. 2001. № 4. С. 93–104.
8. *Красавчиков О. А.* Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. М. : Юрид. лит., 1966.
9. *Курмашев Н. В.* Учение о воле в юридической сделке в советской и современной российской цивилистической науке // Вестник гражданского права. 2007. № 1. С. 67–83.
10. *Магазинер Я. М.* Советское хозяйственное право. Л., 1928.
11. *Ойгензихт В. А.* Проблема риска в гражданском праве. Часть общая. Душанбе : Ирфон, 1972.
12. *Собчак А. А.* О некоторых спорных вопросах общей теории правовой ответственности // Правоведение. 1968. № 1.

Федоренко Максим Романович

Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону

Постмортемные права в призме цифровизации российского частного права

Аннотация. В последние годы концепция посмертных прав привлекает значительное внимание в юридическом дискурсе, особенно в области российского частного права. Целью данной статьи является всесторонний анализ развития и современного состояния посмертных прав в контексте российского частного права.

Ключевые слова: наследственное право; постмортемные права; право на забвение.

Стремительное развитие цифровых технологий привело к преобразованию и видоизменению различных институтов гражданского права. Искусственный интеллект проник и в одну из самых консервативных сфер — наследственное право. Сегодня активно развиваются целые направления, IT-проекты, в рамках которых осуществляется реализация так называемых постмортемных прав. Речь идет о DeathTech — платформах, создающих цифровые кладбища, мемориальные аккаунты, посмертных двойников человека. Так что это: современная мода или появление технологий, которые дают «цифровую жизнь» после смерти?

Наиболее ярким примером использования цифровых технологий в наследственном праве является платформа Project December, созданная в 2021 г. канадским писателем Джошуа Барбо, который настроил ее функционал, скопировав манеру общения его погибшей невесты. Аналогичным примером является приложение HereAfter AI,

цель которого — оставить после смерти родственникам своего цифрового двойника, обученного искусственным интеллектом на текстовых и голосовых сообщениях, имитирующего покойного.

Кроме того, активно развивается и использование цифрового образа личности после смерти в кинематографе, публичных выступлениях, концертах. Так, с использованием технологии Deepfake были сняты фильмы с умершими актерами, в частности с Полом Уокером — фильм «Форсаж-7», Филипом Сеймуром Хоффманом — «Голодные игры: Сойка Пересмешница», Владиславом Галкиным — телесериал «Диверсант: Идеальный шторм».

С точки зрения гражданского законодательства использование внешности покойного вызывает ряд правоприменительных вопросов. Так, в ГК РФ отсутствуют способы и меры защиты образа личности, включая права не только на имя, изображение, но и на другие идентифицирующие признаки. На наш взгляд, положения, закрепленные в ст. 19 и 152.1 ГК РФ, недостаточны для полноценного регулирования использования изображения гражданина, поскольку они не содержат норм для введения в оборот всех вышеуказанных особенностей внешности личности.

Кроме того, доктрина гласит, что права на имя и на изображение подлежат бессрочной охране и не могут отчуждаться. Но примеры, о которых говорилось ранее, свидетельствуют об обратном, в связи с чем, по нашему мнению, необходимо расширение положений об охране изображения личности путем дополнения нормами о защите иных идентифицирующих признаков.

Наряду с понятием «цифровая жизнь» стало актуальным и понятие «цифровая смерть», или право на забвение, означающее прекращение доступа к персональным данным личности в сети Интернет. Так, согласно ст. 10.3 Закона об информации¹ вводится норма, носящая название «право на забвение», содержание которой сводится

¹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс] // URL: <https://www.zakonrf.info/doc-15964632/>.

к приобретению гражданином права требовать прекращения публикации сведений на странице сайта в сети Интернет.

При этом с точки зрения технической реализации данного положения закона право на забвение не предполагает полного удаления всей информации о пользователе, к ним только затрудняется доступ. На практике право на забвение осуществляется путем удаления ссылок на тот или иной ресурс.

Немаловажным является и этический вопрос реализации проектов «цифровых кладбищ», чат-ботов с умершими и т.д. Данные явления вызывают немало споров и дискуссий о необходимости и разумности их использования.

Список литературы

1. *Матусевич О. А.* Мемориальное законодательство: генезис и противоречия // Труды БГТУ. Серия 6, История, философия. 2014. № 5 (169). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/memorialnoe-zakonodatelstvo-genezis-i-protivorechiya> (дата обращения: 16.02.2024).
2. *Саркисян В. В.* Постмортемные права: понятие, виды, правовые гарантии // Наследственное право. 2023. № 4.

СЕКЦИЯ

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА

Гарипова Айшат Сагитовна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
г. Москва

Применение разработок поведенческой экономики к регулированию персональных данных

Аннотация. Источником современного благосостояния выступают «большие данные», которые генерируются и передаются на постоянной основе. Они повышают качество жизни людей, но одновременно создают риски для частной жизни граждан путем распространения персональных данных. Люди практически не заботятся об обращении с их персональными данными. Поведенческая экономика способна объяснить причину такого иррационального поведения и готова предложить инструменты, которые позволили бы приблизить поведение субъекта к наиболее идеальному с точки зрения классической экономической теории. Автором проведен анализ ситуаций, при которых субъекты действуют в соответствии с паттернами поведения и на основании которых государство формирует

правовое регулирование с целью оказания влияния на адресатов и выбора ими наиболее выгодных позиций.

Ключевые слова: право и экономика; поведенческая экономика; nudge; защита персональных данных.

Неоклассическая экономическая теория гласит, что люди — максимизаторы собственной полезности благодаря стабильному набору предпочтений и накоплению оптимального количества информации входных данных на различных рынках¹. Соответственно, одной из задач права и экономики является направление такого рационального поведения в необходимое русло. На процесс принятия людьми решений систематически влияют психологические факторы. Именно поведенческая экономика² рассматривает существенное количество аномалий, связанных с реальным и гипотетическим выбором экономически рациональных агентов. Человек соответствует трем допущениям: ограниченной рациональности, ограниченной силе воли и ограниченному интересу³. При этом рациональность человека в ее идеальном варианте не представляется реально достижимой. Именно для этого были разработаны инструменты, которые позволяют воздействовать на поведение людей, обусловленное когнитивными ошибками.

Главным инструментом выступает концепция подталкивания (nudge), где архитекторы выбора могут ненавязчиво подтолкнуть нерациональных индивидов к правильному, по их мнению, выбору⁴. Критика данного подхода заключается в лишении людей автономии

¹ *Becker G. S. The economic approach to human behavior. Chicago : University of Chicago press, 1976. P. 14.*

² *Талер П., Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2018 ; Талер П. Новая поведенческая экономика. М. : Издательство «Э», 2017.*

³ *Jolls C., Sunstein C. R., Thaler R. A behavioral approach to law and economics // Stanford Law Review. 1997. Vol. 50. P. 1476.*

⁴ *Hands D. W. Libertarian paternalism: Taking Econs seriously // International Review of Economics. 2020. Vol. 67. No. 4. P. 428.*

путем манипулирования их выбором⁵. Однако на людей всегда влияет контекст выбора, и предпочтительные средства зачастую оправданы, что раскрывается в принципе публичности Джона Ролза. Данная концепция запрещает государству избирать политику, которую оно не готово открыто отстаивать перед своими гражданами⁶. Прозрачность — руководящий принцип для рассмотрения различных нормативных возражений против подталкивания. В связи с этим использование фрейминга — формулирование трактовок выгодным для архитекторов выбора способом⁷ — недопустимо.

Ценность информации о предпочтениях частных лиц заключается в наличии у государства определенных рычагов воздействия на них. Сбор и продажа данных, переданных необдуманно, могут привести к новой форме информационного капитализма, целью которого будет прогнозирование человеческого поведения как средство получения контроля над рынком. Политика европейских государств и законодательство Российской Федерации направлены на сохранение неприкосновенности частной жизни и автономии личности. Фундаментальными актами данной сферы являются Общий регламент защиты персональных данных Европейского Союза от 14.04.2016⁸ и Федеральный закон от 27.06.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»⁹. Каждый из этих нормативных актов направлен на обеспечение безопасной, справедливой и прозрачной обработки персональных данных. Общим подходом выступает предоставление пользова-

⁵ Hansen P. G., Jespersen A. M. Nudge and the manipulation of choice: A framework for the responsible use of the nudge approach to behaviour change in public policy // *European Journal of Risk Regulation*. 2013. Vol. 4. No. 1. P. 5.

⁶ Талер Р., Санстейн К. Указ. соч. С. 211.

⁷ Талер Р., Санстейн К. Указ. соч. С. 44.

⁸ Регламент Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 от 27.04.2016 о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных / General Data Protection Regulation / GDPR) [Электронный ресурс] // URL: <https://gdpr-text.com/ru/> (дата обращения: 19.02.2024).

⁹ СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

телю прав контролировать различные этапы обработки личной информации. При этом возникают вопросы, как субъект должен осознавать свое согласие, ведь в настоящее время многие действия людей «автоматизированы».

На этом этапе возникают проблемы, связанные с эффективностью предоставления информированного согласия: асимметрия информации, операционные издержки и невозможность контроля всех аспектов частной жизни лица¹⁰. В идеальном мире пользователь должен уметь эффективно управлять своими данными и использовать их при заключении соглашений с фирмами. С нормативной точки зрения важно понять причины, которые могли бы объяснить факторы, приводящие к противоречивому поведению субъектов.

Данные проблемы связаны с тем, что люди не уверены в своих предпочтениях и, заботясь о своей конфиденциальности, раскрывают информацию о себе (парадокс конфиденциальности)¹¹. При этом пользователи предпочитают запрашивать рекомендации у своего окружения для снижения социальных ожиданий и волнений. Именно поэтому законодательным органам следует поощрять пользователей давать согласие на обработку персональных данных, совмещая с политикой защиты интересов этих лиц.

Формулирование вариантов согласия также влияет на выбор политики конфиденциальности — как правило, люди придерживаются «настроек по умолчанию»¹². При этом необходимо учитывать предпочтения и желания большинства людей, если бы они рассматривали данную цель как вариант при заключении договора (мажоритарный

¹⁰ Савельев А. И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных» (big data) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 1. С. 55.

¹¹ Svirsky D. Privacy and Information Avoidance: An Experiment on Data-Sharing Preferences // The Journal of Legal Studies. 2022. Vol. 51. No. 1. P. 85.

¹² Zuiderveen Borgesius F. Behavioural Sciences and the Regulation of Privacy on the Internet // Nudge and the Law: a European perspective / A. Alemanno, A.-L. Sibony (eds). Hart, 2015. P. 179–208.

дефолт)¹³. Соответственно, стандартные правила следует адаптировать с учетом иррациональности. Стоит отметить также правило штрафного дефолта¹⁴, в соответствии с которым сторона во избежание санкции вынуждена раскрывать часть своей информации для заключения сделки с другой стороной. Таким образом, технология подталкивания может содействовать законодателям, поскольку дает стимул для выбора конкретных вариантов поведения, которые выгодны государству и самому человеку.

На основе этой технологии работают сайты, аккумулирующие данные, находящиеся в открытом доступе, и предоставляющие исковую информацию на возмездной основе, в частности сайты с государственными номерами автомобилей. С одной стороны, асимметрия информации в данном случае исчезает. С другой — государство, в руках которого находятся персональные данных владельцев автомобилей, может использовать эти данные в других целях. Именно поэтому важны формулировки, способствующие восприятию пользователем своего выбора, отраженного посредством «нажатия на галочку», как избежание дальнейших потерь¹⁵.

Таким образом, применение разработок поведенческой экономики в сфере защиты персональных данных может удовлетворить как интересы государства (регулирование поведения лиц), так и граждан (защита частной жизни, более серьезное отношение к персональным данным). При этом важным преимуществом является то, что инструментарий подталкивания не является жестким, императивным и уважает добровольный выбор субъектов, позволяя сохранить позитивную свободу.

¹³ Porat A., Strahilevitz L. J. Personalizing default rules and disclosure with big data // Michigan Law Review. 2013. Vol. 112. P. 1423.

¹⁴ Porat A., Strahilevitz L. J. Personalizing default rules and disclosure with Big data. P. 1428.

¹⁵ Saeed H. S. Big Data's threat to liberty: surveillance, nudging, and the curation of information. Academic Press, 2021. P. 61–64.

Список литературы

1. Регламент Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 от 27.04.2016 о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных / General Data Protection Regulation / GDPR) [Электронный ресурс] // URL: <https://gdpr-text.com/ru/> (дата обращения: 19.02.2024).
2. Савельев А. И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «больших данных» (big data) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 1. С. 43–67.
3. Талер Р. Новая поведенческая экономика. М. : Э, 2017. 384 с.
4. Талер Р., Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2018. 240 с.
5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 06.02.2023) «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.
6. Becker G. S. The economic approach to human behavior. Chicago : University of Chicago press, 1976. 314 p.
7. Hands D. W. Libertarian paternalism: Taking Econs seriously // International Review of Economics. 2020. Vol. 67. No. 4. P. 419–441.
8. Hansen P. G., Jespersen A. M. Nudge and the manipulation of choice: A framework for the responsible use of the nudge approach to behaviour change in public policy // European Journal of Risk Regulation. 2013. Vol. 4. No. 1. P. 3–28.
9. Jolls C., Sunstein C. R., Thaler R. A behavioral approach to law and economics // Stanford Law Review. 1997. Vol. 50. P. 1471–1550.
10. Porat A., Strahilevitz L. J. Personalizing default rules and disclosure with Big data // Michigan. Law. Review. 2013. Vol. 112. P. 1417–1478.
11. Saetra H. S. Big Data's threat to liberty: surveillance, nudging, and the curation of information. Academic Press, 2021. 147 p.
12. Svirsky D. Privacy and Information Avoidance: An Experiment on Data-Sharing Preferences // The Journal of Legal Studies. 2022. Vol. 51. No. 1. P. 63–92.
13. Zuiderveen Borgesius F. Behavioural Sciences and the Regulation of Privacy on the Internet // Nudge and the Law: a European perspective / A. Alemanno, A.-L. Sibony (eds). Hart, 2015. P. 179–208.

Логвинова Кристина Алексеевна

Всероссийская академия внешней торговли
при Министерстве экономического развития
Российской Федерации
г. Москва

Российское авторское право в конце XIX — начале XX века

Аннотация. Авторское право представляет огромный интерес, потому что регулирует самую неоднозначную сферу жизни — духовную. Изначально не ясно, нужно ли вообще регулировать искусство. Эта мысль наталкивает на один важный вопрос — почему человечество все-таки решило подчинить творчество правилам. В этом можно разобраться, окунувшись в историю авторского права, с которой предстоит познакомиться в этой работе.

Ключевые слова: авторское право; Российская империя; история авторского права; исключительные права; автор.

Стоит отметить, что несмотря на отдаленность рассматриваемого времени, тема является актуальной. На данный момент действующее авторское право в России часто меняется. Любому юристу нужно понимать, почему произошло изменение и как оно отразится на работе законодательства. Обладая глубокими знаниями в области истории права, профессионалу легче анализировать правки законов, так как он может опираться на опыт предков, находить похожие события в истории и на основании этого составлять свое мнение.

В конце XIX в. Россия освобождается от действия международных конвенций, которые были заключены с Францией и Бельгией в 1861 и 1862 гг. Это происходит из-за недовольства народа. Все были уверены в том, что подписанные документы создавались исключительно для реализации интересов Франции и не были выгодными для России, так как усложняли процесс создания дешевых переводов

и распространение образования в империи. Это сильно отражалось на положении отечественных писателей и книготорговцев. Российские авторы находились в крайне бедственном положении: их произведения пользовались большой популярностью за рубежом, но никакой прибыли с этого они не получали. А вот жизнь продавцов в книжных лавках улучшилась. С появлением большого количества переводов иностранных книг торговля в литературных магазинах пошла в гору, и торговцы смогли хорошо заработать на этом. Для писателей это стало большой проблемой, потому что их произведения стали покупать реже, чем переведенную литературу, что сказало как на материальном состоянии авторов, так и в целом на качестве их произведений.

Что касается законодательства, то в него в конце XIX в. были внесены некоторые изменения. Так, многие статьи из Цензурного устава¹ переместились в Свод законов гражданских. Это изменение оказало большое влияние на последующее развитие права авторов, оно во многом определило место рассматриваемой отрасли в российской правовой системе, установило связь права авторов с правом гражданским. После этого имущественные интересы сочинителей начали охраняться еще сильнее: издание книги без соблюдения Цензурного устава грозило лишением права на нее. Сама цензура была довольно жесткой. Стоит отметить, что наиболее значимыми в Цензурном уставе стали статьи, посвященные правам сочинителей. Авторы теперь могли пользоваться своим произведением как имуществом благоприобретенным. Это давало им полную свободу распоряжения своими работами.

Далее в авторском праве не происходило каких-либо существенных изменений до 1911 г. А уже 20 марта 1911 г. был введен в действие первый существенный НПА «Об авторском праве»². В самой первой главе объяснялось значение основных терминов и понятий: субъекты

¹ Высочайше утвержденный Устав о цензуре от 22.04.1828 // ПСЗ РИ. Изд. 2-е. СПб., 1830. Т. 3 (1828). № 1979.

² Высочайше утвержденный одобренный Государственным советом и Государственной думой закон «Об авторском праве» от 20.03.1911 // ПСЗ РИ. Изд. 3-е. СПб., 1885. Т. 31 (1911). № 34935.

и объекты авторского права, способы защиты интересов творческого деятеля. Так, самым главным преимуществом Закона была его детальность, он затрагивал те стороны рассматриваемой отрасли права, которые еще не регулировались прошлыми нормативными правовыми актами. Ясность была внесена в процесс судебного разбирательства по поводу нарушений, касающихся правоотношений в области искусства и творчества. Теперь тяжбу мог начать только истец, представив жалобу. Помимо этого, в начале XX в. Россия возобновила международные отношения в области авторского права.

Как известно, в 1917 г. все законы Российской империи были отменены. Эта участь постигла и законы об авторском праве.

Можно заключить, что в конце XIX — начале XX в. интересы творческих людей стали защищаться не только на бумаге, но и на деле. В этот период авторское право уверенно утвердилось как составная часть российской правовой системы.

Список литературы

1. *Афанасьева Е. С.* Становление законодательства, регулирующего авторское право в правоохранительных органах российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3. С. 128–130.
2. *Володькова Е. Н.* Становление и развитие авторского права в Российской империи // Закон и право. 2019. № 9. С. 47–49.
3. Высочайше утвержденный одобренный Государственным советом и Государственной думой закон «Об авторском праве» от 20.03.1911 // ПСЗ РИ. Изд. 3-е. СПб., 1885. Т. 31 (1911). № 34935.
4. Высочайше утвержденный Устав о цензуре от 22.04.1828 // ПСЗ РИ. Изд. 2-е. СПб., 1830. Т. 3 (1828). № 1979.
5. *Давыдова Н. Ю.* К вопросу об эволюции авторских правоотношений в истории российского права XVIII — начала XX в. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2011. № 6. С. 330–335.

6. *Ильницкий К. О.* Ограничения прав сочинителей по законодательству Российской империи (XIX – начало XX в.) // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 2. С. 27–31.
7. *Кубышко М. В.* Становление законодательства Российской империи в области авторского права // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 3. С. 46–48.
8. *Нагорный Р. С.* История развития норм о свободном использовании объектов авторских и смежных прав до принятия четвертой части гражданского кодекса Российской Федерации // Журнал российского права. 2010. № 2. С. 113–123.
9. *Оганян В. А.* Историко-правовые основы регулирования авторских прав России в сравнении с опытом зарубежных стран // Вестник Костромского государственного университета. 2019. № 1. С. 239–242.
10. *Шершеневич Г. Ф.* Авторское право на литературныя произведения. Казань : Типографія Императорскаго унив., 1891.

Киляков Иван Владимирович

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
г. Москва

Гражданское неповиновение в либеральной философии права

Аннотация. В статье рассматриваются правовые проблемы, связанные с гражданским неповиновением как формой политического активизма, предполагающей нарушение закона. Раскрываются доводы в пользу существования права на неповиновение в философии права и политической теории либерализма, предлагается определение его места в конституционной демократии.

Ключевые слова: гражданское неповиновение; либерализм; демократия; политическое обязательство.

Джон Ролз, классик американской политической философии, понимал гражданское неповиновение как форму политического активизма, публичное, ненасильственное, политически мотивированное нарушение закона, к которому возможно прибегнуть после исчерпания легальных средств защиты нарушенных прав¹. Его цель — выражение несогласия с определенным законом или государственной политикой и их последующее изменение, требуя которого, гражданин не стремится к изменению правопорядка в целом².

Важнейшая черта гражданского неповиновения — публичность, понимаемая двояко. Требование публичности в инструментальном смысле означает, что неповиновение как акт должно быть открытым

¹ Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск : Издательство Новосибирского университета, 1995. С. 327–328.

² Ролз Дж. Указ. соч. С. 319–320.

и коммуникативным³. Однако не всякая коммуникация, пусть и открытая, и честная, является публичной. Она становится такой, если ее участники отсылают к публичным целям, политическим идеалам, разделяемым всеми или большинством взглядам на справедливость⁴, то есть если происходит публичное обсуждение (*public reasoning*).

Из публичности следуют другие выделяемые Ролзом и прочими черты этой практики. Ненасилие, например, нужно не потому, что насилие в принципе недопустимо как политическая практика, но потому, что его применение снижает шансы активистов быть услышанными, переводит внимание с их тезисов на их действия⁵. Важность именно публичной коммуникации также определяет и выбор закона для нарушения. Нарушение закона необходимо исходя из определения, но допустимо как прямое неповиновение, так и косвенное, то есть с нарушением иного закона, а не того, против которого осуществляется протест⁶.

Это определение было итогом споров в академии и вне ее о событиях, мимо которых в американские шестидесятые не мог пройти по большому счету никто. Протесты против войны во Вьетнаме, движение за гражданские права на американском Юге. Никто не говорил о революции, правопорядок оставался прежним, но при этом активная

³ Ролз Дж. Указ. соч. С. 321.

О коммуникативности гражданского неповиновения как его центральной черте см.: *Brownlee K. Conscience and Conviction: The Case for Civil Disobedience.* Oxford : Oxford University Press, 2012. P. 18–21.

⁴ Это не единственный взгляд на проблему. Ролз в данном случае исключает из дискуссий о неповиновении совесть и проблему истины в политике, сводя всё к нарушению прав. Критику данного подхода с разных позиций можно найти у республиканских, коммунитаристских и радикально-демократических авторов. Некоторые направления критики см.: *Cooke M. The Ethical Dimension of Civil Disobedience // The Cambridge Companion to Civil Disobedience / ed. by W. E. Scheuerman. Cambridge : Cambridge University Press, 2021 ; Markovits D. Democratic Disobedience // The Yale Law Journal. Vol. 114. 2005.*

⁵ *Shklar J. N. On political Obligation. London : Yale University Press, 2019. P. 178 ; Kaufman A. Liberalism: John Rawls and Ronald Dworkin // The Cambridge Companion to Civil Disobedience / ed. by W. E. Scheuerman. Cambridge : Cambridge University Press, 2021. P. 91.*

⁶ *Brownlee K. Op. cit. P. 19.*

дискуссия о неразрешенных политических противоречиях всё чаще принимала именно форму гражданского неповиновения — активисты и обычные граждане нарушали законы, считая, что те несправедливы, предлагая их изменить.

В нормативной политической философии эта ситуация нашла отражение в дискуссии о существовании политического обязательства. Джон Ролз и магистральная либеральная мысль (Г. Л. А. Харт, Рональд Дворкин, Джозеф Раз) искали ответ на вопрос: почему в принципе следует подчиняться закону? Харт предложил выводить обязанность подчиняться закону из обязательств «честной игры»⁷. Когда граждане пользуются благами, которые они получают в результате реализации законов, было бы нечестной игрой, если бы они не несли издержки, связанные с законами, которые несут остальные, при этом издержки должны распределяться равномерно. В такой форме данный аргумент в пользу существования обязательства ничего не говорит о моральной стороне практик, по отношению к которым оно возникает, поэтому Джон Ролз с определенного момента использовал термин не «честная игра» (*fair play*), а «честность» (*fairness*), которая даже в обыденном понимании включает в себя некоторые моральные коннотации⁸. Проблема подчинения законам для Ролза, таким образом, тесно связана с ее легитимностью и справедливостью.

Легитимность может пониматься просто как соответствие процедуре. Справедливость же — более сложное понятие. Сам Ролз выделял два ее принципа. Первый принцип — равенства свобод — предполагает, что все люди обладают равными правами и свободами. Второй — равенства возможностей — направлен на установление такого устройства общества, при котором все граждане будут, даже при наличии экономического и социального неравенства, а также неравенства врожденных способностей, равны в возможности реализовывать свои жизненные проекты, а существующее неравенство при этом

⁷ Hart H. L. A. Are There Any Natural Rights? // *The Philosophical Review*. Vol. 64. No. 2, 1955. P. 185.

⁸ Критику такого подхода можно найти в работе: *Dagger R. Playing Fair: Political Obligation and the Problems of Punishment*. New York, NY : Oxford University Press, 2018. P. 58–63, 69.

будет наилучшим из возможных для наименее обеспеченных слоев населения⁹.

При этом легко представить ситуацию, когда легитимный закон оказывается несправедливым: когда он принимается без учета мнения меньшинства или ущемляет его права или очевидно дискриминационен, то есть когда нарушается первый принцип справедливости¹⁰. У меньшинства в этом случае возникает право на протест. При этом с позиций верховенства права (rule of law) и принципов справедливости, принятых в сообществе, которые, как отстаивают неповинующиеся, находятся на их стороне, а не с большинством¹¹. Они нарушают закон, чтобы защитить право¹².

Последняя позиция особенно важна для Рональда Дворкина. Тезис Ролза о том, что гражданское неповиновение — это способ публичной коммуникации по поводу несправедливых законов в демократическом сообществе, Дворкин поддерживает, но рассматривает его с правовой точки зрения. Действительно ли мы можем говорить о нарушении законов как практике коммуникации? Если всегда нарушать законы, с которыми не согласен, тогда зачем парламент, обсуждения, законотворческие инициативы?

Однако представленные ранее критерии оценки законов — их легитимность и справедливость — демонстрируют необходимость дискуссий о законах как важное положение либеральной философии права. На самом деле либеральные или конституционные демократии уже своей структурой часто отражают это наше предпочтение¹³. Например, функция Верховного суда в правовой системе США состоит в том, чтобы предлагать трактовки законов, отменять неконституционные акты, часто — изменять направление правовой политики.

⁹ Ролз Дж. Указ. соч. С. 66.

¹⁰ Ролз Дж. Указ. соч. С. 326–327.

¹¹ Kaufman A. Op. cit. P. 90–91.

¹² Shklar J. N. Op. cit. P. 190 ; Ролз Дж. Указ. соч. С. 322.

¹³ См.: Дворкин Р. О правах всерьез. М. : Роспэн, 2004. С. 284–293.

Для Дворкина и либеральных теоретиков демократия ценна как форма политического устройства, наиболее соответствующая реализации прав и свобод граждан, но при этом есть и другие, не менее важные соображения¹⁴. Диктатура большинства в данном случае ничем не лучше, чем диктатура одного, поскольку те же права и свободы каждого гражданина, соображения политической справедливости могут нарушаться и одним, и всеми.

Гражданское неповиновение против такой политики в этом смысле не противоречит демократии, говорят исследователи, а, наоборот, становится одним из немногих доступных механизмов для обсуждения и потенциального пересмотра несправедливых решений. Демократия понимается делиберативно — не как продвижение воли большинства, а как форма обсуждения политических вопросов, публичной дискуссии. Для этого в системах либеральных демократий существуют механизмы внедемократического контроля за законами, такие как судебный надзор (контроль)¹⁵, нуллификация закона присяжными¹⁶.

Оба института предполагают некую оценку законов, и даже их пересмотр внедемократическим путем, при этом оба признаются важными для работы конституционной демократии. Можно возразить, что у политического активиста нет компетенций, необходимых, чтобы стать судьей. Однако и полномочиями судьи он не наделяется. Политический активист может посредством неповиновения выразить несогласие с законом, поставить вопрос на обсуждение, сделать известной проблему, о которой большинство может или не знать, или не обращать на нее должного внимания. Но при этом он не может сам изменить закон, всегда рискует быть наказанным за правонарушение, его могут попросту не поддержать.

Гражданское неповиновение как коммуникативная практика строится, таким образом, не на навязывании решений, но на инициировании обсуждения, постановке проблем, которые легальными

¹⁴ Kaufman A. Op. cit. P. 85–86.

¹⁵ Dworkin R. A Matter of Principle. London : Harvard University Press. 1985. P. 111.

¹⁶ Об этой аналогии: Christie G. C. Lawful Departures from Legal Rules: «Jury Nullification» and Legitimated Disobedience // California Law Review. Vol. 62. No. 4, 1974.

способами донести до большинства не удалось. Неповиновение, будучи экстраординарной формой политического участия, требует ответственности, рациональной оценки поводов для такого акта и может при таких ограничениях выступать средством контроля за демократическими процессами, а также политическим механизмом, позволяющим не допустить тирании большинства и отступления от ключевых принципов справедливости и права, лежащих в основании конституционной демократии.

Список литературы

1. *Дворкин Р.* О правах всерьез. М. : Российская политическая энциклопедия (Роспэн), 2004. 392 с.
2. *Ролз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск : Издательство Новосибирского университета, 1995. 538 с.
3. *Brownlee K.* Conscience and Conviction: The Case for Civil Disobedience. Oxford : Oxford University Press, 2012. 266 p.
4. *Christie G. C.* Lawful Departures from Legal Rules: «Jury Nullification» and Legitimated Disobedience // California Law Review. 1974. Vol. 62. No. 4. P. 1289–1310.
5. *Cooke M.* The Ethical Dimension of Civil Disobedience // The Cambridge Companion to Civil Disobedience / ed. by W. E. Scheuerman. Cambridge : Cambridge University Press, 2021. P. 231–253.
6. *Dagger R.* Playing Fair: Political Obligation and the Problems of Punishment. New York, NY : Oxford University Press, 2018. 321 p.
7. *Dworkin R.* A Matter of Principle. London : Harvard University Press, 1985. 397 p.
8. *Hart H. L. A.* Are There Any Natural Rights? // The Philosophical Review. 1955. Vol. 64. No. 2. P. 175–191.
9. *Kaufman A.* Liberalism: John Rawls and Ronald Dworkin // The Cambridge Companion to Civil Disobedience / ed. by W. E. Scheuerman. Cambridge : Cambridge University Press, 2021. P. 80–104.
10. *Markovits D.* Democratic Disobedience // The Yale Law Journal. 2005. Vol. 114. P. 1897–1952.
11. *Shklar J. N.* On political Obligation. London : Yale University Press, 2019. 234 p.

СЕКЦИЯ

КОРПОРАТИВНОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Гордиенко Денис Александрович

Российский государственный университет правосудия
г. Москва

К отдельным проблемам применения принципа каузальности в контексте оспаривания решения общего собрания участников

Аннотация. В рамках настоящего очерка анализируются как существующая, так и должная сфера применения принципа каузальности оспаривания решений общих собраний по российскому праву.

Ключевые слова: принцип каузальности; оспаривание решения общего собрания.

Текущее состояние принципа каузальности в российском праве

В 2009 г. разработчики Концепции развития гражданского законодательства РФ¹, озадаченные выработкой унифицированного регулирования решений собраний в части их оспаривания, провозгласили руководящим так называемый принцип каузальности. В интерпретации, нашедшей отражение в тексте Концепции, сущность указанного принципа состоит в том, что если голосование лица, права которого нарушены оспариваемым решением, не могло повлиять на его принятие, то решение не должно признаваться судом недействительным.

В дальнейшем этот подход был закреплен в п. 4 ст. 181.4 ГК РФ, повторившем вышеприведенную формулировку Концепции, за исключением одного важного дополнения: для того, чтобы остаться действительным, решение также не должно влечь существенных последствий для «пострадавшего» лица.

С этой точки зрения вызывает интерес позиция А. А. Кузнецова, утверждающего, что п. 4 ст. 181.4 ГК РФ абсолютно безоговорочно закрепляет в российском праве жесткий принцип каузальности². Это утверждение нам представляется как минимум дискуссионным, учитывая, что сам указанный пункт, как мы убедились, прямо говорит об одном исключении. Кроме того, если обратиться к специальным по отношению к п. 4 ст. 181.4 ГК РФ нормам «корпоративных» законов³, применительно к общим собраниям участников (акционеров) добавляется еще одно ограничение, а именно существенность нарушения.

¹ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

² Кузнецов А. А. Оспаривание решений общих собраний участников (акционеров) // Корпоративное право в ожидании перемен : сборник статей к 20-летию Закона об ООО / отв. ред. А. А. Кузнецов. М. : Статут, 2020. С. 240.

³ Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»; Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

К каким порокам решения собрания применим принцип каузальности

Для российского права будет справедливо утверждение о том, что принцип каузальности фактически полностью игнорирует какие-либо нюансы, связанные со спецификой отдельных пороков, которыми может быть поражено решение общего собрания участников.

Так, проводя аналогию с недействительностью сделок — институтом, безусловно, смежным с недействительностью решений собраний, — мы можем отметить, что решения собраний в той же степени способны страдать, например, от пороков содержания, как и любые сделки. В частности, несмотря на отсутствие в открытом перечне ст. 181.4 ГК РФ каких-либо конкретных примеров таких содержательных пороков, можно вспомнить позицию Верховного Суда РФ по резонансному делу «Яна Тормыш»⁴, в котором для целей признания недействительным решения о внесении в устав изменений, предполагавших бессрочную блокировку участника в обществе, к такому решению была напрямую применена статья 168 ГК РФ⁵. Похожую параллель между сделками и решениями собраний несложно отыскать и применительно к порокам формы, где в отношении решений собраний роль фактически единственного состава оспаривания будет выполнять нарушение правил составления протокола (пп. 4 п. 1 ст. 181.4 ГК РФ).

Представляется, что в силу своего содержания и регулятивной направленности принцип каузальности при его последовательном применении едва ли может сочетаться с вышеуказанными группами пороков. В частности, как справедливо замечают А. Н. Кучер и А. А. Хнальков, суть принципа каузальности сводится к тому, что

⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 по делу № А65-3053/2019.

⁵ При этом, учитывая, что как ГК РФ, так и «корпоративные» законы позволяют беспрепятственно оспаривать любые решения общего собрания, противоречащие закону, данный судебный «маневр», по нашему мнению, следует считать не более чем искусственным осложнением ситуации, призванным лишней раз укрепить в практике позицию о том, что решение собрания является сделкой.

суды должны оценивать с точки зрения голосования, что бы произошло, если бы дефекта решения не было⁶. В свою очередь, А. В. Егоров, рассуждая об истоках данного принципа, утверждает, что он исходит из обыкновенного здравого смысла, ведь «нет смысла оспаривать решение, если второе решение будет таким же»⁷. Иными словами, в основе принципа каузальности лежит достаточно строгий и однозначный тест, состоящий в ответе на вопрос: «Было бы оспариваемое решение принято, если бы соответствующее нарушение применительно к голосованию отсутствовало?» В такой постановке не остается места для анализа ни содержательной, ни формальной стороны решения, ведь какими бы они ни были, сама процедура голосования от них не зависит и повлиять на них никак не может.

С этой точки зрения применение принципа каузальности можно считать обоснованным лишь в отношении пороков, непосредственно связанных с процессом принятия решения. Такие дефекты могут носить процедурный характер (например, пп. 1 п. 1 ст. 181.4 ГК РФ) или иметь иную природу (например, пп. 2 п. 1 ст. 181.4 ГК РФ). В данной ситуации принцип каузальности должен выполнять роль своеобразного фильтра, не допуская оспаривания решения, если соответствующий порок хотя и имел место, но объективно не мог повлиять на формирование и выражение истинной воли сообщества (например, миноритарий, чей голос не был учтен, обладал незначительной долей, с которой он никак не мог повлиять на мнение большинства).

Пределы применимости принципа каузальности для процедурных нарушений

Развивая вышеизложенную логику, далеко не бесспорным представляется избранный отечественным законодателем и судебной практи-

⁶ Кучер А. Н., Хнальков А. А. Недействительность решений общих собраний участников (акционеров) в сравнительно-правовом контексте // Двадцать пять лет российскому акционерному закону: проблемы, задачи, перспективы развития / отв. ред. Д. В. Ломакин. М. : Статут, 2021. С. 292–332.

⁷ Егоров А. В. Решения собраний кредиторов при банкротстве: комментарий к Обзору судебной практики Верховного Суда // Журнал РШЧП. 2019. № 5. С. 77.

кой подход, предполагающий введение ограничителя принципа каузальности в виде существенности допущенного нарушения (п. 7 ст. 49 Закона об АО; п. 2 ст. 43 Закона об ООО).

Данная проблематика не была обделена вниманием Верховного Суда РФ, не так давно окончательно закрепившего позицию, согласно которой миноритарий вне зависимости от размера его доли участия может успешно оспорить решение общего собрания, если в связи с допущенными нарушениями он не смог принять в нем участия⁸.

В литературе такой подход был встречен в основном одобрительно. При этом необходимо отметить, что аргументы, приводимые авторами в его поддержку, по большей части исходят из стойкого неприятия ситуации, при которой правопорядок может так просто отказаться от защиты миноритариев. Например, И. С. Чупрунов пишет, что право вряд ли должно позволять мажоритарии «цинично выбирать, кого уведомлять о проведении собрания, а кого нет, а затем не менее цинично возражать против оспаривания принятых решений»⁹. Аналогичную, в сущности, позицию приводит и А. А. Кузнецов, указывающий, что ценность данного ограничителя принципа каузальности заключается в том, что таким образом не допускается «превращения прав миноритариев в пустую формальность»¹⁰. Д. И. Степанов, в свою очередь, полагает, что политико-правовое обоснование здесь кроется в необходимости принуждения мажоритария к соблюдению «корпоративных формальностей»¹¹.

⁸ См.: пункт 5 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019); определение СКЭС ВС РФ от 16.11.2023 № 305-ЭС23-13487 по делу № А40-219032/2022.

⁹ Глазунов А. Ю., Горчаков Д. С., Чупрунов И. С. Комментарий к Обзору судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 10. С. 79-134.

¹⁰ Кузнецов А. А. Оспаривание решений общих собраний участников (акционеров) // Корпоративное право в ожидании перемен : сборник статей к 20-летию Закона об ООО / отв. ред. А. А. Кузнецов. М. : Статут, 2020. С. 241.

¹¹ Степанов Д. И. Недействительность корпоративных решений: статьи по проблемным вопросам. М. : Статут, 2021. 284 с.

В определенной степени соглашаясь с процитированными учеными, нам хотелось бы предложить альтернативный взгляд на данную проблему, а именно сквозь призму экономического анализа права. Так, представляется, что недопустимость ограничения принципа каузальности для пороков воли решения общего собрания может быть достаточным образом объяснена с точки зрения теории режимов защиты субъективного права¹², выдвинутой Г. Калабреззи и А. Д. Меламедом в их знаковой работе «Property Rules, Liability Rules and Inalienability: One View of the Cathedral»¹³.

Указанная теория предполагает, что любое субъективное право защищается правом порядком в одном из трех режимов, при этом из них, как правило, друг другу противопоставляются два. Первый режим (property rule) предполагает, что право может быть защищено «в натуре», т.е. результатом такой защиты будет непосредственное восстановление релевантного блага в распоряжении субъекта (например, оспаривание сделки, vindicatio вещи, восстановление корпоративного контроля). В рамках же второго режима (liability rule) субъекту в качестве защиты будет доступна лишь монетарная компенсация (например, сквиз-аут, недопустимость понуждения к исполнению в натуре определенных обязательств, реквизиция имущества).

Считается, что правом порядок должен придерживаться защиты права в режиме property rule, однако в отдельных случаях такая защита «в натуре» становится сопряженной с издержками, делающими ее в существенной степени экономически неэффективной (представьте, что вместо сквиз-аута мажоритарному акционеру для консолидации пакета акций пришлось бы искать всех миноритариев и пытаться с ними договориться). В таком случае в качестве альтернативы property rule на помощь как раз и приходит liability rule.

¹² Необходимо учитывать, что в рамках рассматриваемой концепции термин «защита права» не обязательно предполагает наличие какого-либо нарушения, а связывается с фактом лишения субъекта его права помимо его воли, что может быть результатом как правомерных действий, так и неправомерных.

¹³ Calabresi G. Melamed A. D. Property Rules, Liability Rules, and Inalienability // Harvard Law Review. 1972. Vol. 85. P. 1089–1128.

В нашей ситуации предоставление миноритариям способа защиты в режиме *property rule* (т.е. путем оспаривания решения) будет Парето-неэффективным, поскольку как минимум потребует расходов на проведение нового общего собрания, результат голосования на котором останется абсолютно таким же. Иными словами, миноритарий, не достигнув для себя какого-либо значимого полезного эффекта, заставит само общество и косвенно его участников (включая этого миноритария) нести дополнительные издержки. Соответственно, устранение таких издержек через исключение возможности оспаривания решений с нерелевантными пороками определенно не ухудшит положения миноритария, при этом объективно улучшит положение общества и его участников.

Таким образом, принцип каузальности, если он не стеснен какими-либо ограничениями, представляет собой инструмент, позволяющий при описанных обстоятельствах перенести право миноритария на участие в управлении обществом из категории прав, подлежащих защите по *property rule*, в категорию защиты по *liability rule*. Вопрос о применимых механизмах монетарной компенсации (убытки, компенсация морального вреда) стоит считать открытым и подлежащим уточнению законодателем и судебной практикой, если в итоге российским правопорядком будет избран путь снятия ограничений в применении рассмотренного принципа.

Выводы

Проведенный анализ позволяет нам сделать следующие основные выводы:

1. Принцип каузальности, исходя из его содержания и регулятивной направленности, *de lege ferenda* должен применяться исключительно к порокам воли решений общих собраний, но никак не содержательным или формальным порокам.
2. Ограничение принципа каузальности какими-либо дополнительными условиями (включая отсутствие существенности нарушения) не является экономически эффективным.

Список литературы

1. Глазунов А. Ю. Горчаков Д. С. Чупрунов И. С. Комментарий к Обзору судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 10. С. 79–134.
2. Егоров А. В. Решения собраний кредиторов при банкротстве: комментарий к Обзору судебной практики Верховного Суда // Журнал РШЧП. 2019. № 5.
3. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
4. Кузнецов А. А. Оспаривание решений общих собраний участников (акционеров) // Корпоративное право в ожидании перемен : сборник статей к 20-летию Закона об ООО / отв. ред. А. А. Кузнецов. М. : Статут, 2020.
5. Кучер А. Н., Хнальков А. А. Недействительность решений общих собраний участников (акционеров) в сравнительно-правовом контексте // Двадцать пять лет российскому акционерному закону: проблемы, задачи, перспективы развития / отв. ред. Д. В. Ломакин. М. : Статут, 2021. С. 292–332.
6. Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019).
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 по делу № А65-3053/2019.
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16.11.2023 № 305-ЭС23-13487 по делу № А40-219032/2022.
9. Степанов Д. И. Недействительность корпоративных решений: статьи по проблемным вопросам. М. : Статут, 2021. 284 с.
10. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
11. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
12. Calabresi G. Melamed A. D. Property Rules, Liability Rules, and Inalienability // Harvard Law Review. 1972. Vol. 85. P. 1089–1128.

Нахушев Азрет Анзорович

Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов

К вопросу о перспективах формирования комплаенс-политики в РФ как инструмента противодействия коррупционным факторам

Аннотация. В статье автор анализирует потенциал комплаенс-функции как механизма, направленного на предупреждение формирования коррупционных условий в обязательствах, возникающих между хозяйствующими субъектами. Акцентируется внимание на актуальности применения антикоррупционной оговорки, целью которой становится повышение предсказуемости деловых отношений и недопущение двусмысленности, с целью упреждающего воздействия в отношении коррупционных рисков. Обоснованы перспективы разработки и повсеместного внедрения субъектами предпринимательской деятельности корпоративных комплаенс-программ и, в частности антикоррупционной оговорки.

Ключевые слова: противодействие коррупции; корпоративная комплаенс-программа; правовая защита; коррупционные факторы; превентивные меры; антикоррупционная оговорка; комплаенс-функция.

На современном этапе российской антикоррупционной политики представляется релевантным достижение целей, поставленных в Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы¹. Однако помимо заданного в Национальном плане курса и задач, содержащихся в нем, видится необходимым осветить сущность и перспективы широкого применения такого механизма, как антикоррупционный комплаенс-контроль.

¹ Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

Основным элементом в любых деловых отношениях является действие принципа добросовестности сторон, который вместе с тем играет важную роль в преддоговорных переговорах. Есть два аспекта, обеспечение которых обуславливает установление доверия между хозяйствующими субъектами на преддоговорном этапе. Во-первых, сторонам необходимо убедиться в отсутствии прямых или косвенных следов проявления форм коррупции во время переговоров или составления проекта договора. Во-вторых — апробация контрагентом превентивных мер, позволяющих избежать на данной стадии отношений разного рода рисков, например вовлечения третьих лиц договора в коррупционную деятельность.

По данным White & Case, самым серьезным коррупционным риском, с которым сталкивались крупные компании в 2023 г., является именно привлечение третьих лиц в целях совершения действий коррупционной направленности².

Согласно статистике, наиболее эффективной мерой, позволяющей избежать подобных рисков, является внедрение эффективной корпоративной программы комплаенса³.

Под термином «корпоративная программа комплаенса» подразумевается корпоративная политика, направленная на предупреждение противоречащих закону действий сотрудников компании и внедрение мер по их превенции. Данная политика представляет собой комплекс принятых в организации положений и инструкций, базирующихся на действующем национальном и зарубежном законодательстве⁴. Она выходит за рамки общепринятых правил поведения

² 2023 Global compliance risk benchmarking survey [Электронный ресурс] // URL: <https://www.whitecase.com/insight-our-thinking/2023-global-compliance> (дата обращения: 15.02.2024).

³ The 2023 Thomson Reuters Risk & Compliance Survey Report [Электронный ресурс] // URL: <https://www.thomsonreuters.com/en-us/posts/investigation-fraud-and-risk/risk-compliance-survey-report-2023/> (дата обращения: 15.02.2024).

⁴ *Таум С. В., Овечкина М. А.* Антикоррупционный комплаенс как инструмент профилактики правовых рисков и эффективной защиты имущественных прав компаний // Имущественные отношения в РФ. 2021. № 3. С. 101.

внутри организации, поскольку представляет собой структурированную программу взаимодействия с контрагентами, которая, помимо прочего, исключает заключение сделок, содержание которых противоречит политике организации. Принятие подобной программы не только способствует снижению риска коррупционных проявлений, но и защищает репутацию организации в случае совершения правонарушений со стороны контрагентов или третьих лиц.

Отдельным способом обеспечения антикоррупционного комплаенса является внедрение в соглашения, заключаемые между хозяйствующими субъектами, антикоррупционной оговорки.

Антикоррупционная оговорка — это условие, в соответствии с которым стороны, заключающие договор, обязуются соблюдать правила по борьбе с коррупцией или внедрить в свою корпоративную политику программу соблюдения антикоррупционных требований.

Деловые отношения между субъектами предпринимательской деятельности не могут быть лишены риска нарушения антикоррупционного законодательства, если ими не соблюдаются меры превенции, предупреждающие коррупционное содержание этих отношений.

Для более наглядного анализа проблемы и выявления значения и роли антикоррупционной оговорки в корпоративных спорах следует рассмотреть пример из судебной практики. Непубличное акционерное общество «СВЕЗА Усть-Ижора», обратилось в арбитражный суд с исковым заявлением о взыскании с ООО «Псковский Лесной Дом» штрафа в размере 1 000 000 руб.⁵

Основанием для обращения в суд явилось нарушение одной из сторон условий договора поставки, а именно совершение поставщиком действий, которые были истолкованы другой стороной как «недружественное влияние». По сведениям истца, старшему кладовщику НАО «СВЕЗА Усть-Ижора» через социальную сеть поступило предложение от представителя ответчика предоставить ее реквизиты

⁵ Решение Арбитражного суда Костромской области от 15.03.2018 по делу № А31-7988/2017 [Электронный ресурс] // URL: <https://kostroma.arbitr.ru/> (дата обращения: 15.02.2024).

для зачисления дивидендов за старание «не занижать объемы», а также предложение стать доверенным лицом при приемке машин с лесом. В подтверждение факта переписки истец предоставил ее распечатку, удостоверенную нотариусом.

Не согласившись с требованиями истца, ответчик представил отзыв, в котором указал, что действий, направленных на оказание недружественного влияния, он как самостоятельно, так и с привлечением сторонних и аффилированных лиц не предпринимал. Однако из непосредственного содержания переписки усматриваются обстоятельства, свидетельствующие о попытке оказания представителем ответчика недружественного влияния на работника покупателя с целью получения экономических преимуществ, вытекающих из гражданско-правовых отношений сторон и создающих угрозу возникновения конфликта интересов между указанными лицами и покупателем. Судом содержание переписки было истолковано как предложение некоего материального вознаграждения от поставщика работнику покупателя за совершаемые последним действия при приемке товара, что подпадает под понятие «оказание недружественного влияния». Таким образом, наличие в договоре условий об антикоррупционной оговорке позволило суду квалифицировать действия поставщика как оказание недружественного влияния.

Важно также обратить внимание на зарубежную практику применения антикоррупционной оговорки. Так, Правила ИСС (Международной торговой палаты) по борьбе с коррупцией содержат типовые договорные положения, включение которых в заключаемые контрагентами соглашения обеспечивает превенцию коррупционных нарушений на преддоговорном этапе, в течение срока действия договора и после его прекращения⁶.

Правила МТП наглядно демонстрируют, как антикоррупционная оговорка может влиять на порядок и последствия заключения договора и какими юридическими особенностями она обладает. Данные

⁶ ICC Rules on Combating Corruption [Электронный ресурс] // URL: <https://iccwbo.org/wp-content/uploads/sites/3/2011/10/ICC-Rules-on-Combating-Corruption-2011.pdf> (дата обращения: 15.02.2024).

Правила предусматривают, во-первых, установление доверия между сторонами, во-вторых, достижение баланса между заинтересованностью сторон в недопущении коррупционных проявлений и их потребностью обеспечить достижение целей договора.

Значение антикоррупционной оговорки весьма существенно, так как, несмотря на то, что она не регламентирована законодательством РФ, безусловный отказ от ее включения в соглашение может негативно отразиться на репутации организации⁷.

Резюмируя вышесказанное, можно заключить, что обеспечение соблюдения антикоррупционных положений повышает предсказуемость деловых отношений и не допускает двусмысленности, тем самым оказывая превентивное воздействие на коррупциогенные факторы.

Закрепление на законодательном уровне обязательного характера разработки хозяйствующими субъектами корпоративной антикоррупционной программы комплаенса и антикоррупционной оговорки может стать краеугольным камнем антикоррупционной деятельности, выступая как в качестве инструмента саморегулирования бизнеса, так и в качестве механизма содействия усилиям государства в борьбе с вымогательством и взяточничеством.

Разумеется, комплаенс-функция в настоящее время не находит прямого отражения в законодательстве РФ, однако учитывая специфику и практическую значимость данного регуляторного инструмента, представляется, что по мере его постепенной имплементации в российскую правовую систему кратно ускорится процесс пресечения онтогенеза коррупциогенных факторов и оптимизируется антикоррупционное законодательство.

⁷ Филатова Е. В. Антикоррупционная оговорка в гражданско-правовых договорах: теоретические и практические аспекты использования // Юридические исследования. 2023. № 6. С. 61.

Список литературы

1. Решение Арбитражного суда Костромской области от 15.03.2018 по делу № А31-7988/2017 [Электронный ресурс] // URL: <https://kostroma.arbitr.ru/> (дата обращения: 15.02.2024).
2. *Таут С. В., Овечкина М. А.* Антикоррупционный комплаенс как инструмент профилактики правовых рисков и эффективной защиты имущественных прав компаний // Имущественные отношения в РФ. 2021. № 3.
3. Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».
4. *Филатова Е. В.* Антикоррупционная оговорка в гражданско-правовых договорах: теоретические и практические аспекты использования // Юридические исследования. 2023. № 6.
5. 2023 Global compliance risk benchmarking survey [Электронный ресурс] // URL: <https://www.whitecase.com/insight-our-thinking/2023-global-compliance> (дата обращения: 15.02.2024).
6. ICC Rules on Combating Corruption [Электронный ресурс] // URL: <https://iccwbo.org/wp-content/uploads/sites/3/2011/10/ICC-Rules-on-Combating-Corruption-2011.pdf> (дата обращения: 15.02.2024).
7. The 2023 Thomson Reuters Risk & Compliance Survey Report [Электронный ресурс] // URL: <https://www.thomsonreuters.com/en-us/posts/investigation-fraud-and-risk/risk-compliance-survey-report-2023/> (дата обращения: 15.02.2024).

Филипенко Виктор Александрович

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
г. Москва

Проблемы ответственности директоров в группе компаний

Аннотация. В статье рассматриваются сложные вопросы привлечения к ответственности директоров в холдинговых структурах. Все они не имеют однозначного решения вследствие неразработанности доктрины об интересе юридического лица и групповых интересах. Особого внимания заслуживают нетривиальные проблемы, отмеченные в судебной практике.

Ключевые слова: корпоративное право; ответственность директоров; холдинги; групповые интересы.

Директора корпораций, согласно п. 1 ст. 53.1 ГК РФ, несут ответственность за причиненные корпорации убытки, возникшие вследствие их недобросовестного или неразумного поведения. Требование о возмещении убытков может быть предъявлено директору самой корпорацией, а также участниками корпорации, выступающими в ее интересах.

В соответствии с общепринятой точкой зрения юридическое лицо является отдельным субъектом гражданского права, от своего имени приобретает и осуществляет гражданские права и несет обязанности (ст. 48 ГК РФ). Соответственно, юридическое лицо (корпорация) имеет собственные интересы¹, а директор отвечает за наруше-

¹ Veress E. Company Groups and Group Interest — the Case of Romania // Acta Universitatis Sapientiae. Legal Studie. 2016. Vol. 5. No. 1. P. 50.

ние интересов юридического лица именно перед ним. Данное обстоятельство отражено в корпоративном праве Великобритании, США и Германии².

Однако тезис о наличии у юридического лица своих собственных интересов, оторванных от интересов участников, является небесспорным³. Еще сложнее определить, какие интересы преобладают в группах компаний (холдингах). Известно, что группа компаний не признается отдельным субъектом права, ее составляют отдельные юридические лица⁴. В то же время между субъектами группы компаний существуют правовые и экономические связи. Материнская организация, используя корпоративный контроль и прикрываясь интересами группы, может управлять дочерней организацией в ущерб последней. Проблема недобросовестности директоров, назначенных контролирующими лицами, в группах компаний становится более сложной, чем в рамках одной корпорации⁵. При этом дочерние компании вправе реализовывать свои интересы, а их участники — требовать восстановления нарушенных прав путем возмещения убытков материнской компанией (п. 3 ст. 67.3 ГК РФ). Но как происходит привлечение к ответственности директоров в группе компаний и чьи интересы в данном вопросе могут защищаться?

Типовые ситуации, связанные с привлечением к ответственности директоров в корпоративных группах, можно условно разделить на несколько блоков:

1. Возмещение убытков директором материнской компании в ее пользу в случае привлечения к ответственности самой материнской

² Comparative Company Law. Text and Cases on the Laws Governing Corporations in Germany, the UK and the USA. 2nd ed. / A. Cahn, D. C. Donald. Cambridge University Press, 2018. P. 396–398.

³ Степанов Д. И. Интересы юридического лица и его участников // Вестник экономического правосудия РФ. 2015. № 1.

⁴ Суханов Е. А. Акционерные общества и другие юридические лица в новом гражданском законодательстве // Хозяйство и право. 1997. № 1.

⁵ Багманова А. Т. Ответственность в группах компаний как инструмент защиты миноритарных участников и кредиторов // Корпоративное право: проблемы и решения / под ред. И. С. Чупрунова. Вып. 2. М.: Ассоциация выпускников РШЧП, 2023. С. 66.

компании. Такая ситуация может сложиться, если дочерняя компания обратилась с исковым заявлением о возмещении убытков к материнской компании на основании п. 3 ст. 67.3 ГК РФ и иск был удовлетворен⁶.

2. Возмещение убытков директором материнской компании в ее пользу в случае совершения директором убыточной сделки в интересах дочерней организации⁷.

3. Возмещение убытков директором дочерней компании по ее иску. Эта опция доступна дочерней компании и ее участникам на основании общей нормы п. 1 ст. 53.1 ГК РФ, если директор исполнял указания холдинговой компании, но при этом действовал недобросовестно или неразумно в отношении управляемой им компании⁸.

4. Возмещение убытков директором дочерней компании в пользу материнской.

Каждая из рассмотренных моделей имеет свои теоретические и практические проблемы. Но если первые три в целом находят отражение в законодательстве и судебной практике, то четвертая вызывает большие вопросы.

Несмотря на отсутствие разъяснений высших судов и устойчивой доктрины по этому вопросу, некоторые суды креативно подходят к проблеме и подробно мотивируют свои выводы. Так, миноритарный акционер ПАО «Кокс» пытался взыскать с директора дочерней организации (ООО УК «ПМХ») почти 2 млрд руб. убытков в виде несанкционированной заработной платы и премий, назначенных директором самому себе. Нижестоящие суды отказали в удовлетворении тре-

⁶ Блэк Б., Фарукшина А. В. Привлечение к ответственности членов органов управления акционерных обществ за действия в отношении дочерних и зависимых обществ // Акционерное общество: вопросы корпоративного управления. 2009. № 9 (64). С. 11.

⁷ См., например, фактические обстоятельства, изложенные в постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 13.06.2017 № Ф09-2173/17 по делу № А60-19440/2015.

⁸ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.02.2018 № Ф05-21923/2017 по делу № А40-13997/2017.

бований, сославшись на отсутствие у миноритария холдинговой компании как у участника другого уровня корпоративной структуры права на иск; причинение убытков дочернему обществу не означает причинение убытков основному обществу; директор имел право на самостоятельное определение размера своего вознаграждения.

Однако суд округа не согласился с данным подходом⁹:

1. Интерес юридического лица произведен от интересов его участников и предопределяется ими; удовлетворение интересов общества обеспечивает удовлетворение интересов участников (акционер имел право на иск).

2. Директор дочерней компании, пользуясь своим положением в холдинге (он являлся также мажоритарием ПАО «Кокс»), выводил денежные средства из ПАО «Кокс» путем выплаты себе большого вознаграждения в качестве директора ООО УК «ПМХ». При этом дивиденды в ПАО «Кокс» не выплачивались.

3. Директор дочерней компании являлся фактически контролирующим лицом по отношению к основному обществу (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ), действовал в состоянии конфликта интересов (п. 2 постановления Пленума ВАС РФ № 62), т.е. недобросовестно, и может быть привлечен к ответственности.

Судам необходимо исследовать структуру управления в холдинге и устанавливать, кому такая структура выгодна. Кроме того, необходимо учитывать, что действия директора могут причинять ущерб интересам группы в целом, а взыскание убытков в пользу одной компании может затрагивать права других участников группы. Этим лиц следует привлекать к участию в деле.

К сожалению, описываемая проблематика не получила дальнейшего развития, поскольку на третьем круге рассмотрения спора стороны подписали мировое соглашение. Однако данное дело демонстрирует пробельность отечественного законодательства в ча-

⁹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16.06.2020 по делу № А27-4513/2019 ; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18.11.2021 по делу № А27-4513/2019 (по результатам нового рассмотрения).

сти регулирования групп компаний и критическую нехватку теоретических наработок по этому и другим вопросам взаимоотношений в холдингах.

Список литературы

1. *Багманова А. Т.* Ответственность в группах компаний как инструмент защиты миноритарных участников и кредиторов // Корпоративное право: проблемы и решения / под ред. И. С. Чупрунова. Вып. 2. М. : Ассоциация выпускников РШЧП, 2023. С. 56–118.
2. *Блэк Б., Фарукишина А. В.* Привлечение к ответственности членов органов управления акционерных обществ за действия в отношении дочерних и зависимых обществ // Акционерное общество: вопросы корпоративного управления. 2009. № 9 (64). С. 10–16.
3. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16.06.2020 по делу № А27-4513/2019.
4. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18.11.2021 по делу № А27-4513/2019.
5. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.02.2018 № Ф05-21923/2017 по делу № А40-13997/2017.
6. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 13.06.2017 № Ф09-2173/17 по делу № А60-19440/2015.
7. *Степанов Д. И.* Интересы юридического лица и его участников // Вестник экономического правосудия РФ. 2015. № 1. С. 29–83.
8. *Суханов Е. А.* Акционерные общества и другие юридические лица в новом гражданском законодательстве // Хозяйство и право. 1997. № 1. С. 90–100.
9. Comparative Company Law. Text and Cases on the Laws Governing Corporations in Germany, the UK and the USA. 2nd ed. / A. Cahn, D. C. Donald (eds). Cambridge University Press, 2018. 1060 p.
10. *Veress E.* Company Groups and Group Interest — the Case of Romania // Acta Universitatis Sapientiae. Legal Studie. 2016. Vol. 5. No. 1. P. 47–62.

СЕКЦИЯ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Касумян Артем Арсенович

Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова
г. Москва

Причинность и ответственность по международному праву: историко-доктринальный аспект

Аннотация. В статье исследуется учение о причинности в контексте ответственности по международному праву. Автор рассматривает классические труды по международному праву и оценивает их влияние на результаты кодификации ответственности по международному праву. Автор сопоставляет подходы к причинности в советской и зарубежной доктрине.

Ключевые слова: ответственность по международному праву; причинность.

Статья 31(1) Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния (далее — Проект статей об ответственности государств) устанавливает принцип, согласно которому ответственное государство обязано предоставить полное возмещение

вреда, причиненного международно-противоправным деянием¹. Эта лаконичная формулировка отражает длительные обсуждения, имевшие место в науке международного права.

Понимание, что причинность является условием для возмещения вреда, можно обнаружить впервые в науке международного права, по всей видимости, у Г. Гроция. Он писал, что из противоправного деяния проистекает установленное естественным законом обязательство по возмещению причиненного вреда².

Хотя Г. Гроций и не выдвинул систематического учения о причинности, он обозначил некоторые понятия, актуальные и по сей день. Так, Г. Гроций делает акцент на разумной предсказуемости последствий вреда. Он приводит пример из собственной юридической практики: выдача Нидерландами каперского свидетельства лицам, впоследствии ограбившим союзников Нидерландов. Г. Гроций приходит к выводу, что Нидерланды не являются причинителем этого вреда. Каперское свидетельство не может быть причиной вреда, так как частные лица могли снарядить пиратское судно и без него, а риск набора на службу «беззаконных людей» по определению неизбежен: в противном случае ни одно государство не могло бы собрать армию³.

Отрывочные утверждения о причинности можно обнаружить и у С. Пуфендорфа. Он пишет, что каждый обязан возместить другому ущерб, причиненный по его вине, а если ущерб произошел по причине злого умысла, то он обязан дать гарантию о том, что такое не повторится впредь⁴. Уместно сравнить это утверждение со ст. 30(b)

¹ Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния с комментарием, принят Комиссией международного права ООН на 53-й сессии, 2001. Генеральная Ассамблея ООН. Официальные отчеты 53-й сессии. Дополнение № 10 (A/56/10).

² *Grotius G. P. The Rights of War and Peace. Book II.* Indianapolis: Liberty Fund, 2005. P. 884.

³ *Grotius G. P. The Rights of War and Peace.* P. 894.

⁴ *Pufendorf S. The Elements of Universal Jurisprudence.* Indianapolis: Liberty Fund, 2009. P. 269–270.

Проекта статей об ответственности государств, обязывающей ответственное государство «предоставить надлежащие заверения и гарантии неповторения деяния, если того требуют обстоятельства».

Весьма важен вклад Д. Анциллотти, автора первой монографии по ответственности в международном праве. Он утверждает, что проблема заключается в неопределенном множестве отношений, которые могут существовать между двумя фактами, и которые позволяют утверждать, что один из этих фактов полностью или частично является причиной другого. Между ситуацией, в которой вред является непосредственно необходимым и исключительным последствием противоправного акта, и ситуацией, в которой связь между этими двумя событиями является тонкой и практически неразличимой, находится неопределенное и неопределимое множество точек⁵.

Д. Анциллотти, следовательно, обратил внимание на ключевую характеристику причинности: ее обусловленность фактическими обстоятельствами дела. Ученый приходит к выводу, что вопрос причинности не может решаться иначе, чем от случая к случаю, и полагает, что он должен оставаться в рамках дискреции международных судов и арбитражей⁶.

К. Иглтон, автор второй монографии по ответственности в международном праве, обращает внимание на то, что вред может быть причинен множеством причин, одной из которых может быть международно-противоправное деяние. В таком случае возмещение вреда должно быть пропорциональным вкладу той причины, за возникновение которой ответственно государство⁷.

Примечательны рассуждения Ж. Рипера, который посвятил работу применению частноправовых норм и принципов в международном праве. Ж. Рипер утверждает, что принцип причинности в между-

⁵ *Anzilotti D. Cours De Droit International. Paris, 1929. P. 531.*

⁶ *Anzilotti D. Op. cit. P. 532.*

⁷ *Eagleton C. The Responsibility of States in International Law. NY: New York University Press, 1928. P. 203.*

народном праве не имеет каких-либо особенностей и что при установлении причинно-следственной связи стóбит руководствоваться законами логики⁸.

О причинности рассуждал Ш. Вишер, рассматривая такое международно-противоправное деяние, как отказ в правосудии. Он заявляет, что в таком случае причиной вреда является бездействие государства (невыполнение им своей обязанности по надлежащему управлению правосудия)⁹.

Ш. Вишер отдельно исследует следующую ситуацию: иностранному гражданину был причинен вред (не государством), а государственное правосудие не смогло его возместить, что повлекло за собой отказ в правосудии. Ш. Вишер приходит к выводу, что в таком случае от государства не требуется возмещение первоначального вреда, так как его действия не являются причиной этого вреда (в отличие от отказа в правосудии)¹⁰.

Уместно упомянуть исследование Р. Аго¹¹, одного из специальных докладчиков в отношении Проекта статей об ответственности государств. Принцип причинности рассматривается ученым в контексте форм международно-противоправного деяния: действие или бездействие. Так, если деяние выражено в форме действия, то оно является естественной причиной вреда, чего не скажешь о бездействии. Р. Аго приводит следующие примеры. Так, когда летчик одной страны сбрасывает бомбу на госпиталь другой страны, то действия этого летчика являются естественной причиной вреда (разрушение госпиталя и гибель тех, кто в нем находится). Но когда полиция страны остается безучастной к убийству иностранца разъяренной

⁸ *Ripert G. Les règles du droit civil applicables aux rapports internationaux (Contribution à l'étude des principes généraux du droit visés au Statut de la Cour permanente de Justice internationale) // Recueil des cours = Collected courses of the Hague Academy of International Law. 1933. Vol. 44. P. 620.*

⁹ *Visscher C. Le déni de justice en droit international // Recueil des cours = Collected courses of the Hague Academy of International Law. 1935. Vol. 52. P. 428.*

¹⁰ *Visscher C. Op. cit. P. 502-503.*

¹¹ *Ago R. Le délit international // Recueil des cours = Collected courses of the Hague Academy of International Law. 1939. Vol. 68.*

толпой, то такую безучастность нельзя назвать естественной причиной этого убийства¹².

Упомянутое различие, утверждает Р. Аго, в самом деле влияет на процесс привлечения к ответственности. Если деяние выражено в форме действия, то достаточно установить лишь только то, что оно является естественной причиной вреда. В свою очередь, если речь идет о бездействии, то необходимо удостовериться, что совершение искомых действий смогло бы помешать наступлению естественной причины вреда. Р. Аго заключает, что в случае бездействия речь идет только о юридической причинности. Реальная же причинность в таком случае отсутствует¹³. Р. Аго делает важную оговорку, что установление связи между деянием и вредом вовсе не тождественно совпадению двух элементов международно-противоправного деяния: присвоения поведения и нарушения международно-правового обязательства государства¹⁴.

Важной вехой в развитии учения о причинности в международном праве стала работа английского ученого Б. Ченга «Общие принципы права в их применении международными судами и арбитражами» (1953 г.)¹⁵. Среди принципов, относящихся к ответственности государств, Б. Ченг выделяет, в частности, принцип непосредственной причинности («the principle of proximate causality»)¹⁶.

Б. Ченг проводит вдумчивый анализ арбитражной практики. Он делает предварительное замечание, что речь идет именно о юридической причинности. Могут существовать различные философские позиции (вплоть до отрицания причинных связей между явлениями окружающей действительности, а также этой действительности как таковой). Таким образом, уместно говорить лишь о принципе юридической связи между причиной и следствием¹⁷.

¹² *Ago R. Op. cit.* P. 448.

¹³ *Ago R. Op. cit.* P. 503.

¹⁴ *Ago R. Op. cit.* P. 503.

¹⁵ *Cheng B. The General Principles of Law as Applied by International Courts and Tribunals.* Stevens, 1953.

¹⁶ *Cheng B. Op. cit.* P. 241.

¹⁷ *Cheng B. Op. cit.* P. 245.

Исследуя арбитражную практику, Б. Ченг утверждает, что есть два критерия для установления юридической причинности: объективный и субъективный.

Суть объективного критерия заключается в том, что последствия деяния должны быть естественными, нормальными. Б. Ченг приводит одно из решений Германско-Американской смешанной комиссии, где американские страховые компании не смогли взыскать свои убытки с Германии в связи со смертью страхователей и последовавшими страховыми выплатами, так как отсутствовала причинная связь¹⁸. Б. Ченг заключает, что возмещению подлежит только тот вред, который является естественным последствием деяния. Для определения того, какое последствие является естественным, Б. Ченг предлагает арбитрам или судьям обращаться к обычаям и законам цивилизованных народов¹⁹.

Что касается субъективного критерия, то речь идет о предсказуемости или об умысле со стороны государства. Если, действуя разумно, вред можно было предвидеть, то государство подлежит ответственности за него, утверждает Б. Ченг. Ученый признает, что этот критерий в некоторой степени тоже можно признать объективным, так как устанавливается некий стандарт оценивания. Впрочем, «едва ли можно отрицать, что, позволяя судье оценивать отношения причины и следствия с точки зрения правонарушителя на момент совершения деяния... мы делаем существенную уступку субъективному элементу»²⁰.

В свете политико-правовых оснований Б. Ченг рекомендует судьям отдавать предпочтение второму критерию. Он утверждает, что могут быть ситуации, когда вред является естественным последствием деяния, но предвидеть его было невозможно. Могут быть и обратные ситуации, когда вред нельзя назвать следствием деяния в строгом смысле слова, но политико-правовые соображения говорят в пользу ответственности государства. Б. Ченг приводит в качестве

¹⁸ Cheng B. Op. cit.

¹⁹ Cheng B. Op. cit. P. 246–247.

²⁰ Cheng B. Op. cit. P. 250.

примера спор между Португалией и Германией, когда Германия устроила рейд по португальской колонии, что привело к восстанию коренного населения. Арбитраж пришел к выводу, что всего несколько лет до этого португальцам уже пришлось подавлять восстание коренного населения, так что Германия могла разумно предвидеть последствия своего рейда, пусть она и не инспирировала восстание непосредственно²¹.

Следует упомянуть работу Б. Грэфрата «Ответственность и причиненные убытки» (1984 г.)²². Б. Грэфрат справедливо пишет, что при определении размера денежной компенсации есть запутанные вопросы, а именно: до какой степени возмещение должно покрывать опосредованные и косвенные последствия противоправного деяния; следует ли принимать во внимание косвенные убытки; следует ли принимать во внимание поведение потерпевшей стороны и т.д.²³

Б. Грэфрат — сторонник разграничения международно-противоправных деяний на «обычные» международные правонарушения и международные преступления. Он утверждает, что причинность должна пониматься по-разному для каждой из разновидностей международно-противоправного деяния. К примеру, если совершается акт агрессии, то это приводит к «смерти людей, разрушению домов, вследствие чего возникают новые убытки: ухудшается снабжение пищей, невозможно собирать урожай, требуются большие траты на восстановление территории». Следовательно, заключает Б. Грэфрат, все последствия международных преступлений подлежат возмещению²⁴.

В случае «обычных» международных правонарушений неуместно проследивать цепочку причинности столь далеко, поэтому следует руководствоваться принципом нормальной или естественной

²¹ Cheng B. Op. cit. P. 251.

²² Graefrath B. Responsibility and Damages Caused: Relationship between Responsibility and Damages // Recueil des cours = Collected courses of the Hague Academy of International Law. 1984. Vol. 185.

²³ Graefrath B. Op. cit. P. 93.

²⁴ Graefrath B. Op. cit. P. 94–95.

причинности. Кроме того, надлежит руководствоваться субъективным критерием предсказуемости вреда²⁵.

Что касается зарубежной доктрины XXI в., то прежде всего следует упомянуть коллективную монографию «Право международной ответственности» под редакцией Д. Кроуфорда, А. Пеллет, С. Оллесон и К. Парлетт²⁶.

Соответствующая глава написана Б. Штерн. Она критически оценивает результат, зафиксированный в ст. 31(1) Проекта статей об ответственности государств — «вред, причиненный международно-противоправным деянием». Об этом свидетельствует и заголовок «Призрак причинности» («The ghost of causation»)²⁷.

Б. Штерн подчеркивает, что вопрос причинности, в сущности, оставлен на усмотрение государств и международных судов и арбитражей²⁸. Б. Штерн утверждает, что заявления Комиссии международного права ООН о том, что вопрос о причинности разрешается, как правило, на основе первичных норм, некорректны. Причинность, которая содержится в первичных нормах, совершенно не тождественна той причинности, которую можно обнаружить в ответственности по международному праву. Б. Штерн приходит к выводу, что Комиссия международного права, в сущности, уклонилась от вопроса причинности²⁹.

Нельзя также не упомянуть монографию Д. Кроуфорда «Ответственность государств. Общая часть»³⁰. Раздел монографии Д. Кроуфорда, посвященный принципу причинности, в некотором смысле представляет собой ответ на критические замечания, высказанные

²⁵ Graefrath B. Op. cit. P. 95.

²⁶ Crawford J., Pellet A., Olleson S., Parlett K. The Law of International Responsibility. Oxford : Oxford University Press, 2010.

²⁷ Crawford J., Pellet A., Olleson S., Parlett K. Op. cit. P. 539.

²⁸ Crawford J., Pellet A., Olleson S., Parlett K. Op. cit. P. 569–570.

²⁹ Crawford J., Pellet A., Olleson S., Parlett K. Op. cit. P. 570.

³⁰ Crawford J. State Responsibility. The General Part. Cambridge : Cambridge University Press, 2013.

Б. Штерн. Уместно в связи с этим подчеркнуть, что именно Д. Кроуфорд являлся заключительным специальным докладчиком в отношении Проекта статей об ответственности государств.

Д. Кроуфорд заявляет, что невозможно разработать более четкие критерии причинности, нежели они выражены в Проекте статей об ответственности государств. Причинность может различаться в зависимости от характера нарушенного обязательства по международному праву, и в связи с этим уместно ограничиться невысокой степенью детализации³¹.

Целесообразно также привести обзор отечественной (советской) доктрины международного права по вопросу причинности.

Так, в 1966 г. Д. Б. Левин акцентирует внимание на необходимости кодификации этого вопроса: «Очевидно, международное право должно выработать собственные критерии классификации убытков от международно-неправомерного действия или бездействия и более или менее твердые правила их возмещения, и это должно составить одну из задач будущей кодификации международно-правовых норм об ответственности»³². Д. Б. Левин подчеркивает, что именно оценка характера причинной связи между данным действием или бездействием и причиненным ущербом должна быть положена в основу классификации убытков³³.

Значительную ценность представляет замечание Д. Б. Левина в части возможной кодификации причинности в контексте ответственности государств по международному праву. Он пишет, что те общие правила, которые могут быть на этот счет установлены, не должны слишком стеснять свободы усмотрения тех международных инстанций (представители государств при переговорах, смешанные комиссии, третейские суды и т.д.), которые будут решать вопрос о возмещении с учетом всех конкретных обстоятельств дела³⁴.

³¹ Crawford J. Op. cit. P. 493.

³² Левин Д. Б. Ответственность государств в современном международном праве. М. : Международные отношения, 1966. С. 118.

³³ Левин Д. Б. Указ. соч. С. 118.

³⁴ Левин Д. Б. Указ. соч. С. 119.

Рассуждая об ответственности в международном праве, П. М. Курис отмечает, что проблема причинности относится к числу самых трудных и спорных проблем в современной правовой науке³⁵.

Обоснование причинности П. М. Курис находит в идеологии марксизма-ленинизма, который «учит, что любое явление в природе и обществе может быть познано лишь во взаимосвязи с другими явлениями»³⁶. П. М. Курис отрицает «юридическую», «логически-мыслительную» причинную связь как особенную категорию, утверждая, что не может быть иной причинной связи, чем та, которая существует в объективной реальности³⁷.

Пользуясь инструментариумом марксистско-ленинской идеологии, В. А. Василенко также приходит к выводу, что без связи между противоправным деянием как причиной и вредным его последствием как следствием не бывает и не может быть международных правонарушений и ответственности за них³⁸. Причинная связь, утверждает ученый, «является реальным, объективным и закономерным отражением соотношения противоправности и ущерба как основных элементов образуемого ими целостного явления — международного правонарушения»³⁹.

В. А. Василенко делает ценную ремарку: общее согласие о том, что причинность необходима для возмещения вреда, приводит к тому, что этому вопросу уделяется слабое внимание в международно-правовой доктрине. Он подчеркивает, что специальные докладчики Ф. Гарсиа-Амадор и Р. Аго не раскрыли этот вопрос и он остался «вне поля зрения Комиссии международного права»⁴⁰. Ученый делает весьма глубокий вывод, почему Комиссия международного права не

³⁵ Курис П. М. Международные правонарушения и ответственность государства. Вильнюс, 1973. С. 215.

³⁶ Курис П. М. Указ. соч. С. 216.

³⁷ Курис П. М. Указ. соч. С. 218.

³⁸ Василенко В. А. Ответственность государства за международные правонарушения. Киев, 1976.

³⁹ Василенко В. А. Указ. соч. С. 140.

⁴⁰ Василенко В. А. Указ. соч. С. 141.

уделила должное внимание вопросу причинности. Дело в том, утверждает В. А. Василенко, что с отказом считать ущерб элементом международного правонарушения утрачивался всякий смысл даже самой постановки вопроса о причинно-следственной связи между ущербом и ответственностью⁴¹.

Необходимо отметить, что В. А. Василенко подтверждает значимость деления ущерба на прямой и косвенный в свете марксистско-ленинской диалектики «необходимого» и «случайного»⁴².

В завершение приведенного обзора отечественной и зарубежной доктрины по вопросу причинности следует отметить как минимум два отличия советской доктрины от западной. Представляется, что каждое из этих отличий коренится скорее в идеологических, нежели в юридических предпосылках.

Во-первых, это приверженность советской доктрины делению убытков на прямые и косвенные в свете учения о «необходимом» и «случайном». Во-вторых, это описание каузальности как фактического, а не правового явления. Западная доктрина в основном стоит на противоположных позициях: понятие косвенных убытков отрицается, а каузальность рассматривается как юридическое явление.

Доктринальные исследования сформировали текст ст. 31(1) Проекта статей об ответственности, которую можно рассматривать как обычную норму международного права.

Представляется, что лаконичный текст этого положения Проекта статей является единственно возможным решением.

Список литературы

1. *Василенко В. А.* Ответственность государства за международные правонарушения. Киев, 1976.
2. *Курис П. М.* Международные правонарушения и ответственность государства. Вильнюс, 1973.

⁴¹ Василенко В. А. Указ. соч. С. 141.

⁴² Василенко В. А. Указ. соч. С. 144.

3. *Левин Д. Б.* Ответственность государств в современном международном праве. М. : Международные отношения, 1966.
4. Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, принят Комиссией международного права ООН на 53-й сессии, 2001 г.
5. *Ago R.* Le délit international // Recueil des cours = Collected courses of the Hague Academy of International Law. 1939. Vol. 68.
6. *Anzilotti D.* Cours De Droit International. Imprimerie Cadoret, 1929.
7. *Cheng B.* The General Principles of Law as Applied by International Courts and Tribunals. Stevens, 1953.
8. *Crawford J.* State Responsibility. The General Part. Cambridge : Cambridge University Press, 2013.
9. *Crawford J., Pellet A., Olleson S., Parlett K.* The Law of International Responsibility. Oxford : Oxford University Press, 2010.
10. *Eagleton C.* The Responsibility of States in International Law. The New York University Press, 1928.
11. *Graefrath B.* Responsibility and Damages Caused: Relationship between Responsibility and Damages // Recueil des cours = Collected courses of the Hague Academy of International Law. 1984. Vol. 185.
12. *Grotius H.* The Rights of War and Peace. Book II. Liberty Fund, 2005.
13. *Pufendorf S.* The Elements of Universal Jurisprudence. Liberty Fund, 2009.
14. *Riper G.* Les règles du droit civil applicables aux rapports internationaux (Contribution à l'étude des principes généraux du droit visés au Statut de la Cour permanente de Justice internationale) // Recueil des cours = Collected courses of the Hague Academy of International Law. 1933. Vol. 44.
15. *Visscher C.* Le déni de justice en droit international // Recueil des cours = Collected courses of the Hague Academy of International Law. 1935. Vol. 52.

Смирнова Мария Исмаиловна

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва

К вопросу о защите прав ассистированного свидетеля при оказании правовой помощи по уголовным делам

Аннотация. В статье раскрывается правовой статус ассистированного свидетеля в правовой доктрине Французской Республики, положение ассистированного свидетеля в нормах международных конвенций и договоров при оказании правовой помощи в форме допроса свидетеля, а также его вызова на территорию запрашивающего государства для производства следственных и иных действий.

Ключевые слова: ассистированный свидетель; допрос свидетеля; вызов свидетеля; правовая помощь по уголовным делам.

Единого определения понятия «ассистированный свидетель» в настоящее время не существует, поскольку отсутствует универсальный подход к его правовому статусу как в национально-правовых системах, так и в международных соглашениях по вопросам правовой помощи. Так, в Российской Федерации официально не закреплено понятие и правовой статус ассистированного свидетеля. В юридической доктрине ассистированный свидетель именуется также «свидетель под подозрением»¹.

Рассматривая опыт иностранных государств, следует отдельно выделить французскую правовую доктрину, которая под ассистированным свидетелем (*témoïn assisté*) понимает лицо, участвующее в уголовном деле и имеющее промежуточный правовой статус между

¹ Морозова О. С. Некоторые особенности уголовно-процессуального статуса свидетеля // Сибирское юридическое обозрение. 2023. № 3. С. 323–332.

статусом свидетеля и статусом обвиняемого. В силу ст. 113-2 Уголовно-процессуального кодекса Французской Республики (далее — УПК ФР) любое лицо, которому свидетель предъявляет обвинение или против которого имеются доказательства, позволяющие предположить, что оно могло участвовать в качестве исполнителя или соучастника преступления, рассматриваемого следственным судьей, может быть заслушано в качестве ассистированного свидетеля (свидетеля, которому оказывается помощь)².

Согласно ст. 113-3 УПК ФР статус ассистированного свидетеля наделяет лицо специфическими для свидетеля правами перед следственным судьей, а именно: право на защиту; право на помощь адвоката, который заблаговременно уведомляется о слушаниях и имеет доступ к материалам дела; право на перевод процессуальных документов; право на проведение очной ставки с лицом или лицами, которые его обвиняют, или на подачу ходатайства об аннулировании показаний на основании ст. 173 УПК ФР. Кроме того, в ходе судебного расследования следственный судья самостоятельно может назначить человека в качестве свидетеля, которому оказывается помощь³. При этом в ходе следствия они могут меняться: в следственном протоколе судьи должны быть достаточные доказательства вины в совершении преступления⁴.

Что касается правового статуса ассистированного свидетеля с позиции норм международных соглашений, то наиболее часто на практике возникают проблемы при реализации механизма правовой помощи по уголовным делам. Так, в соответствии с рядом положений международных конвенций и двусторонних договоров о правовой по-

² Code de procédure pénale République Française. Livre Ier. Titre III. Chapitre Ier. Section 4: Des auditions de témoins (Articles 101 à 113-8) [Электронный ресурс] // Légifrance — le service public de la diffusion du droit. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006071154/LEGISCTA000006182888/#LEGISCTA000006182888 (дата обращения: 13.02.2024).

³ Code de procédure pénale République Française. Livre Ier. Titre III. Chapitre Ier. Section 4: Des auditions de témoins (Articles 101 à 113-8).

⁴ Ургалкин А. С. Предъявление обвинения в уголовном процессе // Военно-юридический журнал. 2009. № 12. С. 12–15.

мощи, возможно направление запроса о допросе свидетеля на территории иностранного государства его компетентными органами, к которому прилагается перечень вопросов (например, п. «г» ч. 2 ст. 60 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (далее — Кишиневская конвенция)⁵, п. «i» ч. 3 ст. 4 Договора между Российской Федерацией и Объединенными Арабскими Эмиратами о взаимной правовой помощи по уголовным делам⁶).

В указанном запросе часто содержится вопрос к свидетелю, планирует ли он прибыть на территорию Российской Федерации для проведения следственных и иных процессуальных действий с его участием, сформулированный таким образом, что может восприниматься допрашиваемым как вызов следственными органами запрашивающей стороны на территорию Российской Федерации в рамках производства предварительного расследования, однако возможность и правовые последствия отказа от прибытия, а также гарантии, предусмотренные статьей 456 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статьей 9 Кишиневской конвенции, указанному лицу не разъясняются.

Обстоятельства, указанные в описательной части запроса, а также характер вопросов, приложенных к нему, свидетельствуют о подозрении лица, подлежащего допросу в качестве свидетеля, в совершении преступления.

В случае добровольного прибытия (явки) на территорию Российской Федерации в ответ на подобное приглашение лицо лишается гарантий, предусмотренных международными договорами в отношении официального вызова в установленном порядке (например, о невозможности привлечения на ее территории к уголовной ответствен-

⁵ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Кишиневе 07.10.2002) // СЗ РФ. 2023. № 30. Ст. 5501.

⁶ Договор между Российской Федерацией и Объединенными Арабскими Эмиратами о взаимной правовой помощи по уголовным делам (подписан в г. Абу-Даби 25.11.2014) // СЗ РФ. 2016. № 33. Ст. 5162.

ности, взятия под стражу и наложения наказания за деяние, совершенное им до пересечения ее государственной границы, — ч. 1 ст. 9 Кишиневской конвенции).

В целях охраны прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, обеспечения допустимости доказательств при постановке таких вопросов в запросах о правовой помощи следует сопровождать их указанием на цели, а также разъяснением гарантий, которыми они будут обладать в случае последующего вызова.

При организации направления российских запросов о производстве допросов в качестве свидетелей лиц, фактически подозреваемых в совершении преступлений, но в отношении которых на момент составления запроса отсутствуют предусмотренные национальным законом основания для наделения их процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого, предлагается учитывать следующее.

Допрос такого лица, подпадающего под признаки ассистированного свидетеля, то есть имеющего право на защиту, адвоката и отказ от дачи показаний, производится в порядке, не допускающем ущемления его прав, гарантий и иммунитетов, предоставляемых законодательством как запрашиваемого, так и запрашивающего государства, с целью недопущения нарушения права подозреваемого лица на защиту как составную часть справедливого судебного разбирательства путем обеспечения его подробной информированности о выдвинутом против него подозрении, дачи показаний в установленном уголовно-процессуальным законом порядке и иного участия в собирании и исследовании доказательств.

Считаем, что в рассмотренных случаях свидетель не должен предупреждаться об ответственности за отказ от дачи показаний или дачу заведомо ложных показаний, а также ему должны быть разъяснены и обеспечены права, в частности предусмотренные пунктами 2–3 ч. 4 ст. 46 Уголовно-процессуального кодекса РФ, включая право на помощь, в том числе в силу положений ч. 5 ст. 189 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Список литературы

1. Договор между Российской Федерацией и Объединенными Арабскими Эмиратами о взаимной правовой помощи по уголовным делам (подписан в г. Абу-Даби 25.11.2014) // СЗ РФ. 2016. № 33. Ст. 5162.
2. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Кишиневе 07.10.2002) // СЗ РФ. 2023. № 30. Ст. 5501.
3. Морозова О. С. Некоторые особенности уголовно-процессуального статуса свидетеля // Сибирское юридическое обозрение. 2023. № 3. С. 323–332.
4. Ургалкин А. С. Предъявление обвинения в уголовном процессе // Военно-юридический журнал. 2009. № 12. С. 12–15.
5. Code de procédure pénale République Française. Livre Ier. Titre III. Chapitre Ier. Section 4: Des auditions de témoins (Articles 101 à 113-8) [Электронный ресурс] // Légifrance – le service public de la diffusion du droit. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006071154/LEGISCTA000006182888/#LEGISCTA000006182888.

СЕКЦИЯ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Зайцева Татьяна Сергеевна

Рожков Степан Алексеевич

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
г. Москва

Влияние санкционного режима на судьбу договорных обязательств

Аннотация. Санкции — эффективный механизм управления обязательственными отношениями, который приобрел в настоящее время двойственную природу и может как обогатить, так и разорить контрагента. Судебная практика по вопросу до сих пор не сформировалась однозначно, нельзя точно сказать: санкции — это форс-мажор или нет.

Ключевые слова: санкционный режим; форс-мажор; непреодолимая сила.

Санкции становятся эффективным инструментом в руках того, кто может ими пользоваться, а порой даже и злоупотреблять. Судебная практика давно сформировала подход, защищающий российских контрагентов, против которых ввели санкции, путем признания их

форс-мажорными обстоятельствами по смыслу п. 3 ст. 401 ГК РФ. Санкции помогают контрагентам избежать имущественной ответственности уже почти 10 лет¹. Однако очевидно, что популярность этого механизма возросла в последние 2 года.

Санкции могут выступать в качестве обстоятельств, которые накладывает на одну из сторон гражданских отношений большее бремя по исполнению обязательства. В настоящее время причиной увеличения объема действий для надлежащего исполнения обязательства одной из сторон является контрсанкционный режим, введенный в Российской Федерации. Огромный блок регулирования со стороны как исполнительных органов власти, так и Президента России накладывает на российских контрагентов еще больший объем обязательств, чем тот, на который они могли рассчитывать перед реализацией сделки. Для того чтобы показать, как на самом деле увеличивается бремя одной из сторон обязательственных отношений, предлагаем разделить следующую часть исследования на три блока: корпоративные отношения, инвестиции в России, проведение финансовых операций с санкционными лицами.

В корпоративных отношениях вследствие введения контрсанкционного регулирования у участников обществ стали возникать проблемы с выходом или исключением участника из состава юридического лица. Так, в одном показательном деле регистрирующий орган отказался регистрировать выход участника общества, поскольку он является гражданином недружественного государства². В свою очередь, операции с такими субъектами подпадают под регулирование Указа Президента РФ от 08.09.2022 № 618, который обязывает участников из недружественных юрисдикций получать разрешение Правительственной комиссии при выходе из состава юридического лица. Результатом рассмотрения дела стало признание отказа регистрирующего органа законным, поскольку украинский участник не получил

¹ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.03.2015 по делу № А 32-14814/2014.

² Постановление Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 21.12.2023 № 21АП-3852/2023 по делу № А83-20705/2022.

разрешения на выход из общества. Негативным следствием наложения дополнительного обременения является сложная и достаточно длительная процедура получения разрешения Правительственной комиссии на осуществление такой сделки. Процесс реализации корпоративных прав может затянуться на неопределенное время, а также наложить на одну из сторон дополнительное бремя по осуществлению своего права. В ряде других случаев суды признавали корпоративные сделки с участием стороны из недружественной юрисдикции недействительными снова из-за отсутствия разрешения Правительственной комиссии³.

Инвестиционный фон в России также пострадал ввиду контрсанкционного регулирования. В одном из дел Росреестр не зарегистрировал сделку по приобретению права собственности, сославшись на отсутствие разрешения Правительственной комиссии, необходимое для таких сделок, если ее участником является лицо из недружественного государства, предусмотренного Указом Президента от 01.03.2022 № 81⁴. При этом под действие этого указа подпадают также сделки, влекущие за собой возникновение права собственности на ценные бумаги или недвижимое имущество. Таким образом, необходимость получения разрешения Правительственной комиссии для лиц из недружественных юрисдикций, приобретающих право собственности на территории России, осложнилась дополнительным элементом административного характера. Увеличение транзакционных издержек, на наш взгляд, может лишь ухудшить инвестиционный климат в России.

С другой стороны, законодатель прямо позволяет приток инвестиций в Россию, даже если участником сделки является субъект из недружественных стран. Так, в одном из дел суд разрешил Росреестру зарегистрировать право собственности за кипрской компанией, которая построила объекты жилой недвижимости на территории России. Обоснованием такого решения стало сообщение Минфина от

³ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.06.2023 № 13АП-12743/2023 по делу № А56-95580/2022.

⁴ Постановление Арбитражного суда Северо-западного округа от 30.11.2023 № Ф07-18352/2023 по делу № А21-4482/2023.

26.05.2022 № 05-06-10/ВН-26829, согласно которому министерство разрешило лицам, которые находятся под контролем иностранных лиц из недружественных юрисдикций и при этом являются застройщиками по смыслу Градостроительного кодекса РФ, осуществление сделок с резидентами, влекущих за собой возникновение права собственности на недвижимое имущество у резидентов России⁵. Таким образом, настоящим контрсанкционным регулированием создается ситуация, при которой отток инвестиций из России при участии лиц из недружественных юрисдикций затрудняется получением ими разрешений от Правительственной комиссии. А приток инвестиций в Россию не обременяется для этих лиц обязанностью получать разрешение Правительственной комиссии.

Такая же ситуация видится и в финансовой сфере. Суды признают сделки по предоставлению займов недружественным лицам недействительными⁶, а также отказывают в регистрации большого количества финансовых операций, например в регистрации ипотеки⁷. Согласно п. 1.2 официального разъяснения Банка России от 18.03.2022 № 2-ОР при проведении платежей, имеющих целью предоставление резидентом займа в рублях или в иностранной валюте, кредитная организация обязана предпринять необходимые меры для установления обстоятельства, относится ли получатель займа к лицам из недружественных стран. Так, с 1 марта 2022 г. запрещено предоставление резидентами в пользу нерезидентов займов в иностранной валюте.

Судебной практике также известны случаи, когда санкции признавались форс-мажорными обстоятельствами. Так, в ряде дел с участием «Альфа-банка» суды пришли к выводу, что на момент заключения договоров банковского счета банку не было известно о возможных рисках блокирования денежных средств клиентов в результате

⁵ Постановление Арбитражного суда Северо-западного округа от 15.06.2023 № Ф07-6303/2023 по делу № А56-79745/2022.

⁶ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 25.09.2023 № Ф03-4059/2023 по делу № А73-5302/2022.

⁷ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.06.2023 № Ф05-4235/2023 по делу № А40-101226/2022.

применения ограничительных мер ряда государств против него⁸. Суды пришли к выводу, что введение экономических/блокирующих санкций является обстоятельством непреодолимой силы. Когда суды признают санкции форс-мажорными обстоятельствами, они часто обосновывают это решение тем, что введение санкционного режима со стороны ряда стран невозможно было предусмотреть и это не является закономерным условием гражданского оборота. И при этом в таких делах суды снижают необходимый уровень доказывания наличия форс-мажорных обстоятельств. Так, в одном из дел суд пришел к выводу, что сам факт введения санкций и сообщение об этом второй стороне обязательственных отношений может являться достаточным доказательством объективной невозможности исполнить обязательство ввиду обстоятельств непреодолимой силы⁹.

Вместе с тем на данный момент существует уже множество введенных санкций. Информация о мерах ограничительного характера в отношении системообразующих отраслей промышленности и резидентов РФ содержится в имеющихся в открытом доступе нормативных актах США и ЕС начиная с весны 2014 г.¹⁰ Документ содержит формулировку, что ЕС готов вводить пакеты существенных ограничительных мер, так как представляется целесообразным увеличение издержек России. Эти меры будут постоянно пересматриваться и дополняться. Российская Федерация значительный период времени находится в режиме секторальных санкций со стороны иностранных государств, данное обстоятельство нельзя отнести к обстоятельствам, которые стороны не могли предвидеть при заключении сделок¹¹.

⁸ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.09.2023 № Ф05-16026/2023 по делу № А40-131293/2022.

⁹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.12.2023 № Ф05-31206/2023 по делу № А40-99031/2023.

¹⁰ Указ Президента США № 13662 от 20.03.2014 «О блокировке собственности новых лиц, способствующих ситуации на Украине» (Executive Order № 13662 Blocking Property of Additional Persons Contributing to the Situation Ukraine), Регламент Совета Европейского Союза от 24.02.2024 № 833/2014.

¹¹ Определение Верховного Суда РФ от 23.01.2023 № 306-ЭС22-26228 по делу № А65-27730/2020 ; постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного

Суды также указывают на невозможность признания подобных санкций форс-мажорными обстоятельствами¹².

В постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда указано, что договор между сторонами был заключен в 2021 г. уже с учетом различных санкций, массово вводившихся ЕС в отношении РФ и ее резидентов с 2014 г. Следовательно, вопреки доводам ответчика, сам факт введения санкций не может быть признан «обстоятельством непреодолимой силы», ибо в противном случае введение любых санкций может способствовать умышленному неисполнению обязательств и нарушению прав второй стороны¹³.

Кроме того, суды полагают, что если контракт заключен в период, когда ограничительные меры (санкции) США и ЕС действуют в отношении отдельных российских юридических и физических лиц, то критерий предвидимости отсутствует. Вместе с тем для признания обстоятельства форс-мажорным требуется установление фактора непредвиденности, которого суды не обнаруживают при рассмотрении сходных дел¹⁴. Уже имеющиеся санкции лишают ограничительные меры сходного характера таких неотъемлемых признаков непреодолимой силы, как чрезвычайность и непредвидимость¹⁵.

Следовательно, стороны могут предвидеть введение санкций, что исключает их характеристику как обстоятельств непреодолимой силы ввиду отсутствия чрезвычайности.

суда от 26.05.2020 по делу № А53-38223/2019, постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13.09.2018 по делу № А53-3447/2018 ; постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.12.2022 по делу № А55-20412/2022.

¹² Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.06.2018 № 15АП-7443/2018 по делу № А53-3447/2018.

¹³ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 23.10.2023 № 09АП-32252/2023 по делу № А40-279005/2022.

¹⁴ Арбитражного суда Центрального округа от 12.01.2021 № Ф10-5236/2020 по делу № А83-2804/2020.

¹⁵ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 05.04.2023 № Ф05-3628/2023 по делу № А40-109469/2022.

Важно также отметить, что в соответствии с законодательством РФ само по себе следование санкциям противоречит публичному порядку. В соответствии со ст. 1193 Гражданского кодекса РФ норма иностранного права в исключительных случаях не применяется, когда последствия ее применения явно противоречили бы публичному порядку РФ с учетом характера отношений, осложненных иностранным элементом. В этом случае при необходимости применяется соответствующая норма российского права¹⁶. Публичное право не обладает экстерриториальным характером, а потому санкционное законодательство США и ЕС не порождает прав и не налагает обязанностей на российских граждан и юридических лиц¹⁷.

В соответствии со ст. 1 п. 1 Федерального закона «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств»: «Политические или экономические санкции в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц представляют угрозу территориальной целостности Российской Федерации, направлены на экономическую и политическую дестабилизацию Российской Федерации»¹⁸. В решении Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-132383/21-51-890 указано, что экономические санкции иностранного государства не могут выступать в качестве основания для нарушения прав российского юридического лица, в том числе посредством одностороннего отказа от договора, поскольку экономические санкции противоречат публичному порядку Российской Федерации и не подлежат применению на ее территории

¹⁶ Ст. 1193 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2023).

¹⁷ Постановление Арбитражного суда г. Москвы от 20.04.2021 по делу № А40-155367/20-12-102.

¹⁸ Федеральный закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ (ред. от 19.12.2023) «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств». Ч. 1 ст. 1 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

в силу прямого указания закона¹⁹. В судебной практике подчеркивается неприемлемость санкций иностранного государства в качестве оснований для нарушения прав российской фирмы, в том числе посредством одностороннего отказа от оказания услуг. Подобные санкции противоречат публичному порядку Российской Федерации и не применяются на ее территории в силу прямого указания закона²⁰. Следовательно, само по себе следование указанным санкциям может считаться незаконным и расцениваться как злоупотребление правом.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Суды тщательно исследуют обстоятельства дела, прежде чем сделать вывод о наличии форс-мажорных обстоятельств или об их отсутствии. Сложившийся правопорядок в большей степени старается защитить российских контрагентов. Контрмеры накладывают дополнительное бремя для надлежащего исполнения обязательств для сторон, что осложняет их деятельность.

Список литературы

1. *Горячева А. И.* Форс-мажор и существенное изменение обстоятельств. Практика российских судов // *Право и государство: теория и практика.* 2023. № 2 (218). С. 131–132.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2023) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
3. *Казаченок О. П., Степанова И. А.* Правовые последствия влияния экономических санкций на исполнение внешнеэкономических контрактов // *Legal Concept.* 2022. № 4. С. 77–82.

¹⁹ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 28.03.2022 по делу № А40-132383/21-51-890.

²⁰ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.08.2023 по делу № А40-102670/2022, постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.08.2023 по делу № А40-74085/2022, постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.07.2023 по делу № А40-100553/2022, постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 25.07.2023 по делу № А40-138158/2022.

4. Кузнецова В. А. Санкции и контрсанкции как обстоятельства непреодолимой силы в обязательстве // Вопросы российской юстиции. 2022. № 21. С. 134–138.
5. Определение Верховного Суда РФ от 23.01.2023 № 306-ЭС22-26228 по делу № А65-27730/2020.
6. Постановление Арбитражного суда г. Москвы от 20.04.2021 по делу № А40-155367/20-12-102.
7. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 25.09.2023 № Ф03-4059/2023 по делу № А73-5302/2022.
8. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 19.04.2022 № Ф04-1021/2022 по делу № А03-3053/2021.
9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.08.2023 по делу № А40-74085/2022.
10. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.08.2023 по делу № А40-102670/2022.
11. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 05.04.2023 № Ф05-3628/2023 по делу № А40-109469/2022.
12. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 05.12.2023 № Ф05-28016/2023 по делу № А40-53828/2023.
13. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.06.2023 № Ф05-4235/2023 по делу № А40-101226/2022.
14. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.09.2023 № Ф05-16026/2023 по делу № А40-131293/2022.
15. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.07.2023 по делу № А40-100553/2022.
16. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.12.2023 № Ф05-31206/2023 по делу № А40-99031/2023.
17. Постановление Арбитражного суда Северо-западного округа от 15.06.2023 № Ф07-6303/2023 по делу № А56-79745/2022.
18. Постановление Арбитражного суда Северо-западного округа от 30.11.2023 № Ф07-18352/2023 по делу № А21-4482/2023.
19. Постановление арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13.09.2018 по делу № А53-3447/2018
20. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 12.01.2021 № Ф10-5236/2020 по делу № А83-2804/2020.

21. Постановление Двадцать первого Арбитражного апелляционного суда от 21.12.2023 № 21АП-3852/2023 по делу № А83-20705/2022.
22. Постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда от 19.04.2023 № 09АП-664/2023-ГК, 09АП-667/2023-ГК по делу № А40-101687/2022.
23. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 23.10.2023 № 09АП-32252/2023 по делу № А40-279005/2022.
24. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 25.07.2023 по делу № А40-138158/2022.
25. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.12.2022 по делу № А55-20412/2022.
26. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.06.2018 № 15АП-7443/2018 по делу № А53-3447/2018.
27. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.05.2020 по делу № А53-38223/2019.
28. Постановление Тринадцатого Арбитражного апелляционного суда от 29.06.2023 № 13АП-12743/2023 по делу № А56-95580/2022.
29. Регламент Совета Европейского Союза от 24.02.2024 № 833/2014.
30. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 28.03.2022 по делу № А40-132383/21-51-890.
31. *Старженецкий В. П.* Экономические санкции глазами российских судей: между защитой публичного порядка и интересов бизнеса // *Международное правосудие.* 2018. № 4 (28). С. 126–140.
32. Указ Президента США № 13662 от 20.03.2014 «О блокировке собственности новых лиц, способствующих ситуации на Украине» (Executive Order № 13662 Blocking Property of Additional Persons Contributing to the Situation in Ukraine).
33. Федеральный закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ (ред. от 19.12.2023) «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

Талыбова Ирада Захид кызы

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва

Международно-правовая проблематика незаконного усыновления (удочерения)

Аннотация. Актуальность темы статьи обусловлена прогрессирующей негативной практикой в вопросе международного усыновления, которая возникает по причине несовершенства законодательства, регулирующего процедуры усыновления как на национальном уровне, так и в аспекте трансграничного контроля. В данной статье автор рассматривает способы эффективного регулирования процедуры международного усыновления.

Ключевые слова: международное усыновление; негативная практика международного усыновления; специализированные органы; процедура усыновления; безопасность детей; адаптация детей; наилучшие интересы ребенка; права детей.

Вопрос установления опеки над ребенком является очень важным и деликатным как с точки зрения принципов морали, так и с позиции правового регулирования. Общественное восприятие такого явления вызывает множество противоречий, связанных с последствиями, которым подвержены дети. Актуальность данного вопроса вызвана большим массивом негативной практики, которая формируется под влиянием различных факторов, оказывающих влияние на построение среды для воспитания ребенка в иностранном государстве. По мнению автора, наиболее эффективным способом регулирования данного вопроса является принятие существования данного института со стороны национальной политики путем выработки наиболее эффективного механизма.

Первостепенность обеспечения наилучших интересов ребенка регламентируется ст. 21 Конвенции о правах ребенка 1989 г.¹ Следует понимать, что это не просто перечень формально установленных требований, которые необходимы для нормального проживания ребенка, а исполнение индивидуальных условий с учетом особенностей и потребностей каждого ребенка в отдельности. Это связано со спецификой правового регулирования усыновления — каким бы эффективным и прогрессивным ни было развитие как международного, так и национального законодательств, в данном вопросе невозможно учесть все обстоятельства, поэтому исключительно индивидуальный подход способен обеспечить безопасность и защиту прав и свобод ребенка.

Важным аспектом усыновления является защита и сохранение прав детей, в ст. 24 Африканской хартии прав и основ благосостояния ребенка 1990 г.² и ст. 4 Европейской конвенции об усыновлении детей 2008 г.³ отмечается важность учета наилучших интересов ребенка. Данные положения являются вектором в создании реальных условий формирования механизма усыновления как безопасного процесса с мерами обеспечения информационной транспарентности.

Наибольшее внимание следует уделить государственному регулированию деятельности органов, ответственных за проведение процедуры на разных этапах: от сбора необходимых документов, их проверки до контроля за адаптацией и безопасностью уже усыновленного ребенка. Так называемое независимое усыновление развивается по причине вводимых ограничений и недостаточной регламентации стандартов процедуры усыновления⁴. Создание единых национальных систем аккредитованных агентств по усыновлению, формирующих информационную базу о детях под государственным контролем,

¹ Конвенция о правах ребенка от 20.11.1989.

² Африканская хартия прав и благополучия ребенка от 07.1990 г.

³ Европейская конвенция об усыновлении детей от 27.11.2008 № ETS 202.

⁴ Ходырева Е. Б. Проблемы международного и внутреннего усыновления на современном этапе // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2013. № 1.

с учетом взаимного международного взаимодействия по предоставлению корректной информации — наиболее эффективное решение для обеспечения безопасного усыновления. Формирование негативной практики на примерах таких инцидентов, как «дело Димы Яковлева», повлекшее создание одноименного закона, является показательным примером острой необходимости внедрения подобных мер⁵.

Эффективным решением проблемы является формирование специализированных субъектов, системы регулирования и мероприятий, позволяющих обеспечить безопасное внедрение ребенка в новую для него среду. Важной особенностью формирования такой системы является ее обеспечение на двухуровневой основе.

На первом уровне важно обеспечить внешнее регулирование: создание органов контроля за адаптацией ребенка в целях защиты его прав и законных интересов, установление международного регламента по адаптивному воспитанию ребенка в новых условиях. Формирование международного института адаптации позволит ребенку безболезненно воспринимать новую реальность, научиться выстраивать коммуникацию в обществе, преодолевать языковой барьер, получать психологическую поддержку и др. Вопрос отмены усыновления и его актуальность также часто рассматривается на фоне инцидентов, таких как дело Артема Савельева, вызвавшее широкий общественный резонанс. Второй уровень связан с формированием внутренней системы, позволяющей каждому государству контролировать усыновление детей из иностранных государств, предупреждая негативные последствия, например контроль государства, гражданином которого является ребенок, и государства, гражданами которого являются потенциальные опекуны, за прохождением процедуры установления опеки.

Для решения проблемы правового регулирования процедуры международного усыновления необходимо укреплять международ-

⁵ Качалова Е. Ю. Актуальные проблемы международного усыновления // Закон и право. 2019. № 2.

ное сотрудничество, разрабатывать стандарты и механизмы контроля, а также обеспечивать наилучшие интересы ребенка как приоритетное направление в процессе усыновления.

Список литературы

1. Африканская хартия прав и благополучия ребенка 1990 г.
2. Европейская конвенция об усыновлении детей от 27.11.2008 № ETS 202.
3. Качалова Е. Ю. Актуальные проблемы международного усыновления // Закон и право. 2019. № 2.
4. Конвенция о правах ребенка от 20.11.1989.
5. Ходырева Е. Б. Проблемы международного и внутреннего усыновления на современном этапе // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2013. № 1.

Чехлатова Дарья Романовна

Всероссийская академия внешней торговли
при Министерстве экономического развития
Российской Федерации

Некоторые аспекты отказа в признании и приведении в исполнение решений международных арбитражных судов на основании положений о публичном порядке РФ

Аннотация. В статье рассмотрена российская судебная практика о признании и приведении в исполнение решений международных арбитражных судов, в соответствии с которыми в пользу иностранных компаний взыскивается имущество компаний, подконтрольных Российской Федерации. Актуальность выбранной темы заключается в необходимости обеспечения единства подхода судов и обоснованности их решений при исполнении иностранных судебных решений даже в условиях напряженных международных отношений. Проанализированы аргументы и выводы судов относительно положений о публичном порядке РФ при рассмотрении трех различных дел. Сделан вывод о непоследовательности российских судов при вынесении решений по этим делам и недостаточности приведенной аргументации, что ведет к формированию противоречивой судебной практики и настороженности иностранных контрагентов при вступлении в правоотношения с компаниями, подконтрольными РФ.

Ключевые слова: признание и приведение в исполнение арбитражных решений; противоречие публичному порядку; судебная практика; международный коммерческий арбитраж.

Институт международного коммерческого арбитража зарекомендовал себя как эффективное средство разрешения споров, возникающих из отношений между контрагентами из разных государств. Он пред-

ставляет собой удобную альтернативу национальным судам, выступая в качестве независимого института урегулирования споров, исход которых может во многом зависеть от выбора страны суда.

При этом решения международных арбитражных судов в определенной степени зависят от норм той или иной национальной системы права. Это находит свое отражение во многих аспектах. Например, арбитражные учреждения не могут создавать материальные нормы, которым бы подчинялись отношения сторон спора. Свои решения арбитры основывают на нормах, закрепленных в существующих международных договорах, нормах применимого национального законодательства и/или мягкого права и др.

Другой особенностью арбитражного разбирательства является тот факт, что сама юрисдикция суда, как и степень обязательности его решений, зависит от воли сторон спора, выраженной в заключенном ими контракте. Стороны могут ограничить содержание арбитражного решения путем предоставления перечня вопросов, которые нуждаются в рассмотрении. Вопросы, не отнесенные сторонами к компетенции арбитражного суда, он разрешать не в праве.

Решения арбитражных учреждений являются документами, обязательными для сторон в силу договора. Однако при неисполнении соответствующих положений договора и неподчинении стороны вынесенному решению арбитражное учреждение не имеет возможности обеспечить его принудительное исполнение. В этом случае возникает необходимость обращаться к публично-правовым институтам, обладающим силой государственного принуждения. Правовые механизмы признания и принудительного исполнения решений третейских судов составляют основу стабильного функционирования трансграничных экономических отношений.

Правовая база для признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений обеспечена национальным законодательством и международными договорами. Так, наиболее важным международно-правовым источником в рассматриваемой сфере является Конвенция о признании и приведении в исполнение ино-

странных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958 г.)¹ (далее — Конвенция). В соответствии с п. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации Конвенция является составной частью правовой системы России, поскольку Россия является полноценной участницей данной Конвенции². На уровне национального законодательства основные нормы, обеспечивающие рассматриваемые правоотношения, содержатся в гл. 31 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации³, а также в Законе РФ от 07.07.1993 № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже»⁴.

При этом в перечисленных актах указаны также основания для отказа в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений. Эти основания призваны обеспечить интересы сторон спора и государства. Одним из самых спорных таких оснований является противоречие публичному порядку (ст. 5 Конвенции, ст. 244 АПК РФ, ст. 36 Закона «О международном коммерческом арбитраже»). Оно выделяется среди остальных тем, что применяется судом *ex officio*, т.е. независимо от того, ссылаются ли на него стороны. Императивный характер полномочий суда в отношении отказа в исполнении решения исходя из нарушения публичного порядка подчеркивается в том числе в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража»⁵. Его особен-

¹ URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/new-york-convention-r.pdf> (дата обращения: 15.02.2024).

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 15.02.2024).

³ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 15.02.2024).

⁴ URL: <https://www.consultant.ru/law/doc/5338/> (дата обращения: 15.02.2024).

⁵ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_340189/ (дата обращения: 15.02.2024).

ность также в том, что определение публичного порядка не закреплено в законодательстве напрямую и может толковаться как узко, так и расширительно.

В России сложилась достаточно однозначная практика отказа в признании и приведении в исполнение решений третейских судов на основании их противоречия публичному порядку Российской Федерации в отношении специфической категории дел, а именно дел с участием компаний, подконтрольных Российской Федерации. Так, суды отказывают в приведении в исполнение решений третейских судов об обращении взыскания на имущество компаний, конечным бенефициаром которых является Российская Федерация.

Далее будет рассмотрено и проанализировано несколько дел, где по решению третейского суда взысканию в пользу иностранного лица подлежало имущество подконтрольных Российской Федерации компаний. Несмотря на то что в трех приведенных делах фактические обстоятельства не совпадали, а суды приходили к разным выводам, изучение этих дел позволяет понять комплекс аспектов, которые суды учитывают при разрешении подобных дел.

Примечательным является дело № А40-117326/18-63-830 об исполнении решения Лондонского международного третейского суда (LCIA) от 05.04.2018 по делу № 173596, получившее рассмотрение в кассационной инстанции трижды⁶. Истцом в третейском разбирательстве являлась компания Vanwell International Limited (Британские Виргинские острова), а ответчиком — АО «Росшельф», спор между которыми возник, поскольку ответчиком был нарушен порядок расчетов по договору купли-продажи акций от 24.04.2018, в связи с чем на стороне ответчика образовалась задолженность, наличие которой он не оспаривал, а также зафиксировал ее в своей финансовой отчетности по состоянию на март 2017 г. После неисполнения АО

⁶ Дело № А40-117326/18-63-830 [Электронный ресурс] // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/7175bf9e-3b16-4737-b654-04e870eed850> (дата обращения: 15.02.2024).

«Росшельф» решения третейского суда в добровольном порядке иностранной компанией в российский суд было подано заявление о его признании и принудительном приведении в исполнение⁷.

Заявляя ходатайство о привлечении к участию в деле Росфинмониторинга, АО «Росшельф» указало, что входит в госкорпорацию АО «Объединенная судостроительная корпорация» («ОСК»), в связи с чем признание и приведение в исполнение иностранного арбитражного решения может нарушить публичный порядок РФ. Однако арбитражный суд первой инстанции пришел к выводу, что учредителями общества являются компания «КНРГ Инвестмент Лимитед» (Кипр) и гражданин И. Н. Кокарев, и принял определение о признании и приведении в исполнение решения третейского суда, не найдя оснований для отказа в удовлетворении соответствующего заявления.

Не согласившись с решением суда первой инстанции, российская компания подала кассационную жалобу, в которой просила об отмене этого решения. Заявитель ссылался на нарушение и неправильное применение норм права, указывая, что суд не учел, что приведение в исполнение решения иностранного арбитражного суда противоречит публичному порядку Российской Федерации, поскольку конечным бенефициаром АО «Росшельф» является Российская Федерация, при этом АО «Росшельф» является акционером ряда предприятий, также входящих в государственную корпорацию АО «ОСК», в связи с чем в процессе исполнения судебного акта может быть обращено взыскание на акции и доли таких предприятий, кроме того, АО «ОСК» входит в перечень стратегических предприятий в соответствии с Указом Президента РФ от 04.08.2004 № 1009 «Об утверждении Перечня

⁷ Определение Арбитражного суда города Москвы от 23.11.2018 по делу № А40-117326/18-63-830 [Электронный ресурс] // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/7175bf9e-3b16-4737-b654-04e870eed850/1b341524-7360-40f4-b1fb-c7bee616bbfb/A40-117326-2018_20181123_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 15.02.2024).

стратегических предприятий и стратегических акционерных обществ»⁸. Кассационная коллегия, рассмотрев аргументы заявителя, пришла к выводу об отмене определения суда первой инстанции и направлении дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции⁹.

При новом рассмотрении дела в суде первой инстанции доводы, изложенные кассационным судом, были учтены¹⁰. Суд в том числе сослался на информационное письмо Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 № 156, содержащее определение публичного порядка и порядка применения его положений, связанных с ним¹¹.

Под публичным порядком понимаются фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы государства. К таким началам относится, в частности, запрет на совершение действий, прямо запрещенных сверхимперативными нормами законодательства Российской Федерации (ст. 1192 Гражданского кодекса Российской Федерации), если этими

⁸ Указ Президента РФ от 04.08.2004 № 1009 (ред. от 25.12.2023) «Об утверждении Перечня стратегических предприятий и стратегических акционерных обществ» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48777/ (дата обращения: 15.02.2024).

⁹ Постановление Арбитражного суда московского округа от 21.02.2019 по делу № А40-117326/18 [Электронный ресурс] // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/7175bf9e-3b16-4737-b654-04e870eed850/odcc6af1-9acb-4dcb-945b-ffb0f16f46b4/A40-117326-2018_20190221_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 15.02.2024).

¹⁰ Определение Арбитражного суда города Москвы от 18.07.2019 по делу № А40-117326/18-63-830 [Электронный ресурс] // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/7175bf9e-3b16-4737-b654-04e870eed850/011f348c-fe5d442de-89fo-1e71681e3ed2/A40-117326-2018_20190718_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 15.02.2024).

¹¹ Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26.02.2013 № 156 «Об обзоре практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144311/99e2aae02efe1499103e38398c34fee649e0c8e1/ (дата обращения: 15.02.2024).

действиями наносится ущерб суверенитету или безопасности государства, затрагиваются интересы больших социальных групп, нарушаются конституционные права и свободы частных лиц.

Суд также указал на ст. 1993 ГК РФ, содержащую оговорку о публичном порядке, согласно которой норма иностранного права, подлежащая применению, в исключительных случаях не применяется, когда последствия ее применения явно противоречили бы основам правопорядка (публичному порядку) Российской Федерации с учетом характера отношений, осложненных иностранным элементом. В этом случае при необходимости применяется соответствующая норма российского права¹².

В обоснование позиции суда также легли ст. 1, 10 ГК РФ. Опираясь на них, суд подчеркнул, что к основополагающим принципам российского права, в частности, относятся принципы, нашедшие свое отражение в Конституции РФ, а также основных началах гражданского права. Суд пришел к выводу, что приведение в исполнение решения третейского суда, ответчиком по которому выступает организация, конечным бенефициаром которой является Российская Федерация, и в рамках которого обращается взыскание на имущество такой организации, может нанести ущерб бюджету Российской Федерации в результате вывода денежных средств на счета иностранных компаний, в связи с чем могут быть нарушены общие принципы права (принцип добросовестности и запрет злоупотребления правом).

Иностранная компания решила обжаловать данное решение, ссылаясь на неправильное применение судом норм права, несоответствие выводов суда обстоятельствам дела и доказательствам, а также указывая на ложность вывода о нарушении публичного порядка¹³.

¹² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/51df7b13dfa906d886ed6401acb92bad98c17c8c/ (дата обращения: 15.02.2024).

¹³ Постановление Арбитражного суда московского округа от 29.08.2019 по делу № А40-117326/18 [Электронный ресурс] // URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/7175bf9e-3b16-4737-b654-04e870eed850/66436319-ea1d4c21-bo4d-d68adbcb629/A40-117326->

Кассационная инстанция вновь подчеркнула, что конечным бенефициаром лиц, на имущество которых, согласно решению третейского суда, может быть обращено взыскание, является Российская Федерация, и подтвердила обоснованность выводов суда первой инстанции. Более того, было указано, что доводы заявителя кассационной жалобы направлены на переоценку обстоятельств, установленных судом первой инстанции, что недопустимо при рассмотрении дела в суде кассационной инстанции исходя из положений гл. 35 АПК РФ.

В передаче дела для пересмотра в Судебную коллегию по экономическим спорам ВС РФ заявителю было отказано в связи с отсутствием оснований для такого пересмотра. Верховный Суд подтвердил правильность применения норм материального и процессуального права нижестоящими инстанциями¹⁴.

Для того чтобы понять логику судов при отказе в исполнении решения третейского суда, следует подробнее рассмотреть корпоративную структуру ответчика, в отношении которого было назначено взыскание. Так, судами было установлено, что АО «Росшельф» входит в АО «ОСК», а предметом взыскания в рамках арбитражного решения являются акции акционерного общества «ССЗ Лотос», которое также входит в АО «ОСК». АО «ОСК», в свою очередь, входит в перечень стратегических предприятий в соответствии с Указом Президента РФ от 04.08.2004 № 1009 «Об утверждении Перечня стратегических предприятий и стратегических акционерных обществ», а его конечным бенефициаром является Российская Федерация.

Важно также указать, что законодатель вкладывает в понятие стратегического предприятия. В Федеральном законе от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального

2018_20190829_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 15.02.2024).

¹⁴ Определение Верховного Суда РФ от 21.01.2020 № 305-ЭС19-22345 [Электронный ресурс] // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/7175bf9e-3b16-4737-b654-04e870eed850/1f7b5c4f-a141-4847-9617-817b362d2495/A40-117326-2018_20200121_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 15.02.2024).

имущества»¹⁵ определение такого предприятия дается в п. 1 ст. 6 через полномочия правительства РФ в сфере приватизации. Так, в перечень стратегических предприятий и акционерных обществ входят акционерные общества, акции которых находятся в федеральной собственности, и участие Российской Федерации в управлении которыми обеспечивает стратегические интересы государства, обороноспособность и безопасность государства, защиту нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан РФ, а также федеральные государственные унитарные предприятия, осуществляющие производство продукции, имеющей стратегическое значение для обеспечения указанных стратегических интересов. Определения таких предприятий содержатся и в ст. 190 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹⁶ и ст. 3 Федерального закона от 29.04.2008 № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства»¹⁷. Каждый из названных источников включает определение стратегических предприятий для собственных целей регулирования, которые включают реализацию единой государственной политики в сфере приватизации, предупреждение банкротства и установление особенностей осуществления процедур банкротства стратегических предприятий, установление изъятий для иностранных инвесторов при их участии в уставных капиталах хозяйственных обществ, имеющих стратегическое значение для обеспечения обороны и безопасности государства.

Несмотря на отсутствие в названных выше законодательных актах положений об особом порядке несения стратегическими предприятиями ответственности по их обязательствам перед частными

¹⁵ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35155/ (дата обращения: 15.02.2024).

¹⁶ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 15.02.2024).

¹⁷ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76660/ (дата обращения: 15.02.2024).

контрагентами или особом порядке обращения взыскания на их имущество, исходя из критериев отнесения организаций к стратегическим предприятиям, можно сделать вывод, что обращение взыскания на их имущество в действительности может повлечь негативные последствия для публичного порядка в силу специфики деятельности таких предприятий и возможности причинения существенного ущерба государственным интересам из-за уменьшения объема средств, которые стратегические предприятия могут направить на обеспечение целей своей деятельности. Подобное обоснование укладывается в смысл п. 1 информационного письма Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 № 156, на который суды также ссылались.

Однако в решении от 18.07.2019, вынесенном при повторном рассмотрении дела в первой инстанции, суд обосновал отказ в приведении рассматриваемого решения иным образом, мотивируя его принципами, закрепленными в ст. 10 ГК РФ. Суд указал, что в результате вывода денежных средств на счета иностранных компаний и нанесения ущерба бюджету РФ могут быть нарушены принцип добросовестности и запрет злоупотребления правом. При этом суд не аргументирует, как именно данные принципы будут нарушены.

Под злоупотреблением правом принято понимать заведомо недобросовестное осуществление прав с одним лишь намерением причинить вред другому лицу, совершая формально правомерное, но заведомо недобросовестное действие¹⁸. Что касается принципа добросовестности, Пленум ВС РФ в постановлении от 23.06.2015 № 25¹⁹ указал, что, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные

¹⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Ст. 10 [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/62129e15ab0e6008725f43d63284aefobb12c2cf/ (дата обращения: 15.02.2024).

¹⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 15.02.2024).

интересы другой стороны. При этом добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются.

Учитывая, что, воспользовавшись своим правом на обращение за признанием решения третейского суда и приведением его в исполнение, иностранная компания имела целью не причинение вреда ответчику или его конечному бенефициару — Российской Федерации, а стремилась возместить ущерб, наступивший в результате ненадлежащего исполнения договора со стороны АО «Росшельф», что не противоречит принципам гражданского законодательства, ее действия нельзя квалифицировать в качестве злоупотребления правом. Более того, такое поведение соответствует принципу добросовестности, т.к. от участников гражданского оборота ожидается, что они воспользуются своим правом на возмещение причиненных им убытков.

В своих выводах суд не указывает, как нарушение принципа добросовестности и запрета злоупотребления правом связано с тем, что российская компания относится к стратегическим предприятиям, и в чем принципиальная важность статуса стратегического предприятия, закрепленного за компанией, при решении вопроса о возможности обращения взыскания на ее имущество.

В качестве разъяснения вывод о том, что вывод средств на счета иностранных компаний нарушает публичный правопорядок, суд назвал возможность наступления ущерба для бюджета РФ. Однако полное исключение возможности обращения взыскания на бюджетные средства означало бы освобождение государства от имущественной ответственности по принятым частноправовым обязательствам. Порядок участия государства в гражданских правоотношениях определен статьями 124–127 ГК РФ. Предполагается, что в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, публичные образования выступают на равных началах с иными участниками этих отношений. Таким образом обеспечивается соблюдение принципов гражданского законодательства, а также защита прав частных лиц от возможных злоупотреблений государством правами, вытекающими из его суверенного статуса. Отказ в возможности получить возмещение убытков, возникших из нарушения обязательств, допущенных

публичными образованиями или лицами, им подконтрольными, означал бы нарушение основных принципов частного права, составляющих основу социально-экономических отношений.

Суд кассационной инстанции в постановлении от 29.08.2019 полностью подтвердил выводы суда первой инстанции. Также ссылаясь на положения ст. 10 ГК РФ о запрете действий в обход закона, суд указал на противоречие возможности признания решения третейского суда публичному порядку РФ из-за негативных последствий для ее бюджета.

Верховный Суд в определении от 21.01.2020 об отказе в передаче дела для рассмотрения в заседании Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ также поддержал выводы суда первой инстанции, однако причины противоречия публичному порядку приведения в исполнение арбитражного решения изложил несколько иначе. Как следует из текста определения, обращение взыскания на имущество АО «ОСК» не может быть осуществлено именно из-за статуса стратегического предприятия, закрепленного за этим обществом, но не из-за негативных последствий для бюджета РФ: АО «ОСК», в свою очередь, входит в перечень стратегических предприятий в соответствии с Указом Президента РФ от 04.08.2004 № 1009 «Об утверждении Перечня стратегических предприятий и стратегических акционерных обществ», следовательно, приведение в исполнение решения международного коммерческого арбитража может привести к нарушению публичного порядка Российской Федерации. При таких обстоятельствах доводы заявителя не могут служить основанием для передачи заявления на рассмотрение в порядке кассационного производства Судебной коллегией Верховного Суда РФ.

В выводах судов разных инстанций прослеживается непоследовательность, несмотря на их согласие относительно сути результата рассмотрения дела. Недостаточная аргументированность рассмотренных постановлений препятствует и пониманию причин, по которым исполнение решение коммерческого арбитража могло бы нанести ущерб публичному порядку РФ. Существование подобных прецедентов способствует дальнейшему формированию судебной практики широкого толкования норм о публичном порядке. Более того,

неясность, вызванная отсутствием пояснений судов к сделанным ими выводам, влечет в том числе возникновение сомнений сторон в законности и обоснованности судебного решения, что, в свою очередь, ведет к увеличению нагрузки на судебный аппарат, а также излишние расходы сторон, связанные с обжалованием судебных решений, умножение правовой неопределенности относительно применения некоторых положений нормативных актов.

Отмечается, что подход, избранный российскими судами, соответствует общему тренду на предоставление бюджетным средствам абсолютной защиты от претензий со стороны иностранных компаний, даже в случаях, когда шанс фактического обращения взыскания на них довольно низок. Последствием этого является формирование мнения, что наличие даже незначительного публичного элемента в споре представляет собой большой риск для признания и приведения в исполнение в России иностранных арбитражных решений, что является предметом критики в арбитражном сообществе²⁰.

Так, складывается судебная практика отказа в приведении в исполнение решений иностранных арбитражных судов на основании их противоречия публичному порядку. Суды приводят недостаточную и неясную аргументацию, отказывая в исполнении решений, что вызывает сомнения в обоснованности их выводов. Комплекс этих причин ведет к возникновению предположений, что отказ в исполнении решения на основании наличия возможности обращения взыскания на имущество компании, подконтрольной РФ, и противоречие этого решения публичному порядку может иметь место и в делах, где суды прямо не приводили эти аргументы. Данный тезис иллюстрирует дело № А41-90912/18²¹.

²⁰ Recognition and enforcement of foreign arbitral awards in Russia – remarkable cases of 2019–2020, April 2021, Vegas Lex [Электронный ресурс] // URL: https://www.vegaslex.ru/upload/medialibrary/560/VEGAS_LEX_int_litigation_en.pdf (дата обращения: 15.02.2024).

²¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.05.2019 по делу № А41-90912/2018 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/DWW1Hqg5lv6P/> (дата обращения: 15.02.2024).

Государственное предприятие «Производственное объединение “Южный машиностроительный завод” имени А.М. Макарова» (Украина) обратилось в Арбитражный суд Московской области с заявлением о признании и приведении в исполнение решения Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Украины по делу АС № 319р/2017 от 22.05.2018 о взыскании денежных средств с ООО «НПП ИНКОС» (Российская Федерация), ненадлежаще исполнившего обязательства по договору № 696132 от 12.09.2011. Причиной обращения в МКА послужило нарушение ответчиком положений о поставке предварительно оплаченных товаров.

Суд выявил, что при принятии решения в пользу истца третейский суд не учел положения договора о зависимости возможности и сроков поставки от результатов обязательных в соответствии с законом РФ экспертиз и о применимом праве, а также не дал должной оценки роли дополнительных к договору документов. Более того, проанализировав отношения сторон, суд пришел к выводу, что предметом спора являлись обязательства не только по поставке продукции, указанной в договоре, но и по оформлению документации на продукцию военного назначения, прямо не значившихся в договоре.

Учитывая вышесказанное, суд установил, что международный арбитражный суд не учел все фактические отношения между сторонами при вынесении решения. При принятии решения не было принято во внимание, что поставляемая продукция входит в перечень видов продукции, свободная реализация которых запрещена и регулируется постановлением Правительства РФ от 15.09.2008 № 691.оборот этой продукции связан с получением от компетентных органов РФ необходимых документов и проведением специальных экспертиз, что должно учитываться при определении возможности надлежащего исполнения обязательств в соответствии с договором.

На основании выявленных фактов суд пришел к выводу, что признание и исполнение такого решения будет противоречить публичному порядку РФ. В подтверждение своих выводов суд приводит положения информационного письма Президиума ВАС РФ № 156 и ст. 244 АПК РФ.

В тексте решения отсутствуют указания на то, что ООО «НПП ИНКОС» является компанией, подконтрольной государству или имеющей статус стратегического предприятия, однако в действительности участие Российской Федерации в лице Федерального агентства по управлению государственным имуществом в компании составляло 30 %, в то время как иностранная компания также контролировалась Украиной через Государственное космическое агентство Украины.

Суд кассационной инстанции определением от 03.04.2019 оставил поступившую от украинской компании жалобу без удовлетворения как основанную на доводах, направленных на переоценку установленных в первой инстанции обстоятельств. Верховный Суд РФ в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ также отказал.

Из решения российского суда неясно до конца, как именно исполнение решения третейского суда повлечет нарушение публичного порядка Российской Федерации. Суд, не приводя четких пояснений, лишь указал, что фактическим предметом договора являлись не только товары, но и ограниченная в обороте документация. При этом решение третейского суда не содержало непосредственно указаний на необходимость совершения операций с такой документацией, что могло бы указывать на выход судом за пределы его полномочий или привести к совершению сторонами противозаконных действий по обращению такой документации в ненадлежащем порядке в результате исполнения решения. В арбитражном решении разрешался лишь спор об уплате задолженности за ненадлежащее исполнение договора. Однако российский суд и здесь критикует рассматриваемое решение, указывая на то, что в нем не были учтены положения договора об особенностях порядка поставки и необходимости получения надлежащих документов от компетентных органов Российской Федерации.

В ходе рассмотрения дела о признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения суд изучил обстоятельства дела, характер отношений сторон и провел анализ доказательств. Та-

ким образом, российский суд фактически пересмотрел решение арбитражного суда по существу. Именно недопустимость такого пересмотра легла в основу кассационной жалобы на решение суда первой инстанции. Заявитель указал, что арбитражное решение было вынесено в отношении спора о возврате аванса. Спор в отношении документации арбитражным судом не рассматривался. Однако суд кассационной инстанции подтвердил выводы о противоречии решения арбитражного суда публичному порядку РФ. Более того, он самостоятельно указал на недопустимость пересмотра арбитражного решения по существу, сославшись на п. 1 информационного письма Президиума ВАС РФ № 156.

Явная заинтересованность российского суда в разрешении спора по существу, а также неясность изложенных им выводов о противоречии арбитражного решения публичному порядку создали основания предполагать, что при принятии решения он руководствовался мотивами защиты бюджета Российской Федерации, являющейся конечным бенефициаром ООО «НПП ИНКОС», от взыскания²².

Отмечается, что, российские суды, подвергшись критике за подход, применяемый при разрешении подобных дел в прошлом, и будучи непоследовательными при изложении решений по этим делам, несут повышенную ответственность, применяя противоречие публичному порядку в качестве основания для отказа в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений. От судов требуется подробное и убедительное обоснование отказа, которое не могло бы быть истолковано неоднозначно и не могло бы привести к правовой неопределенности при формировании судебной практики в будущем²³.

²² Cheredova A., Ovchinnikova D. Foreign Arbitral Awards in Russia — Public Policy Issue, 23 August 2021 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.mondaq.com/russianfederation/arbitration--dispute-resolution/1104076/foreign-arbitral-awards-in-russia-public-policy-issue> (дата обращения: 15.02.2024).

²³ Recognition and enforcement of foreign arbitral awards in Russia — remarkable cases of 2019–2020, April 2021, Vegas Lex.

Противопоставить приведенным примерам можно дело, где суды пришли к выводу о возможности выдачи исполнительного листа в отношении арбитражного решения по обращению взыскания на имущество подконтрольной государству компании. Однако в основании данной позиции лежало то, что решение было вынесено российским арбитражным учреждением.

В деле № А06-5031/2021, где был выдан исполнительный лист на решение Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (далее — МКАС при ТПП РФ), в соответствии с которым с подконтрольного уже упомянутой компании «Росшельф» российского общества в пользу иностранной компании взыскивались денежные средства²⁴.

Так, между литовской компанией Closed Joint-Stock Company «Aros Marine» (продавец) и ООО «Каспийская энергия проекты» (ООО «КНРГ Проект», покупатель) был заключен договор поставки. Впоследствии покупатель не исполнил свои обязательства по оплате товара, в связи с чем продавец обратился в МКАС при ТПП РФ. Третейский суд вынес решение в пользу истца, который по неисполнении ответчиком решения в добровольном порядке обратился в арбитражный суд РФ с заявлением о выдаче исполнительного листа. Суд первой инстанции удовлетворил заявление, суд кассационной инстанции оставил определение без изменений.

Оспаривая решение суда первой инстанции, российская компания ссылалась на тот факт, что 99 % ее уставного капитала принадлежит АО «Росшельф», конечным бенефициаром которого является Российская Федерация, одновременно ООО «КНРГ Проект» является владельцем 25,0055 % акций АО «Росшельф», обе компании входят в государственную корпорацию АО «ОСК», которая входит в перечень стратегических предприятий. ООО «КНРГ Проект» также заявило о недостаточности у него денежных средств для погашения задолжен-

²⁴ Постановление Арбитражного суда поволжского округа от 16.11.2021 по делу № А06-5031/2021 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/qSUQJd6xsDUX/> (дата обращения: 15.02.2024).

ности и об отсутствии иного имущества, на которое возможно обратиться взыскание, помимо акций АО «Росшельф». Так, приведение в исполнение решения третейского суда могло бы привести к нарушению публичного порядка вследствие нанесения ущерба бюджету РФ.

Возражая относительно возможности выдачи исполнительного листа, заявитель ссылался на норму, закрепленную в п. 2 ч. 4 ст. 239 АПК РФ, согласно которой в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда может быть отказано в случае, если приведение в исполнение решения третейского суда противоречит публичному порядку РФ. Формулировка нормы совпадает с той, что приведена в ст. 244 АПК РФ.

Рассмотрев этот аргумент, суд пришел к выводам, противоположным тем, что были сделаны судами в предыдущих делах. Суд подчеркнул, что спор между сторонами возник на основании частноправового отношения. ООО «КНРГ Проект», заявляя требование об отказе в исполнении решения МКАС при ТПП РФ, ссылалось только на отсутствие денежных средств для добровольного исполнения решения суда и на наличие права собственности на акции компании с государственным участием. Суд привел положения закона, обосновывающие возможность обращения взыскания на акции, принадлежащие компании, в случае недостаточности денежных средств для погашения задолженности, тем самым отклонив аргументы общества. Дополнительно суд указал на то, что достаточных доказательств невозможности погасить обязательства ООО «КНРГ Проект» не предоставило. Более того, используя открытые источники, суд установил, что на основании бухгалтерской отчетности общество располагает достаточным имуществом для расчетов по своим долгам.

В деле № А40-117326/2018, где ответчиком выступала сама компания «Росшельф», она также ссылалась на недостаточность у нее имущества для удовлетворения требований кредиторов. В судебных актах по делу этот аргумент не был изложен ясно и непосредственно. Более того, при отсутствии в решениях судов ссылок на представленные обществом доказательства, подтверждающие недостаточность имущества, суд не указал на необходимость предоставления таких до-

казательств и на необходимость доказывания соответствующего обстоятельства в целом. Вероятнее всего, это обстоятельство не доказывалось вовсе, а суды не сочли его существенным и основывали свои решения исключительно на том факте, что АО «Росшельф» подконтрольно компании, имеющей статус стратегического предприятия, что стало наиболее ярко выражено в определении об отказе в передаче кассационной жалобы в Судебную коллегия по экономическим спорам ВС РФ.

В обоснование своих требований ООО «КНРГ Проект» привело судебную практику по делу № А40-117326/2018 и аналогичному ему делу № А40-117331/2018. Суд указал, что для рассматриваемого спора эта практика не является преюдициальной, поскольку дела рассмотрены между иными сторонами и касаются иных обстоятельств, а именно признания и приведения в исполнение решений иностранных арбитражных судов в отношении акций.

Согласно ст. 69 АПК РФ преюдициальными являются обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом арбитражного суда по ранее рассмотренному делу, они не доказываются вновь при рассмотрении арбитражным судом другого дела, в котором участвуют те же лица.

Из текста постановления суда кассационной инстанции не следует, что, приводя указанную судебную практику, ООО «КНРГ Проект» стремилось доказать обязательность обстоятельств, установленных в ней, поскольку в эти обстоятельства действительно не имели непосредственной связи с правоотношением сторон. Однако сходство фактических обстоятельств дел очевидно, и, указывая на наличие практики Верховного Суда по аналогичным делам, общество стремилось указать на противоречие оспариваемого решения устоявшемуся подходу.

Обосновывая необязательность приведенной практики для рассматриваемого дела, суд в особенности подчеркнул, что практика касается решений иностранных третейских судов, в то время как ООО «КНРГ Проект» оспаривает возможность приведения в исполнение

решения МКАС при ТПП РФ, который осуществляет свою деятельность в рамках юрисдикции Российской Федерации на основании Закона «О международном коммерческом арбитраже». Установлено также, что при рассмотрении спора МКАС применял исключительно нормы законодательства РФ.

Способ изложения вышеуказанных тезисов, а также содержание требований, на опровержение которых они направлены, позволяют выдвинуть некоторые предположения о подходе суда к разрешению спора. В судебных актах по делам № А40-117331/2018, № А40-117326/2018 о приведении в исполнение решения иностранного арбитражного суда отсутствует указание на значимость для дела места расположения этого суда, юрисдикции, которой он подчиняется, и права, которое он применял при разрешении спора. Вне зависимости от этих факторов российские суды приходили к выводу, что приведение его решения в исполнение будет противоречить публичному порядку РФ. Однако аналогичное решение, вынесенное по делу со сходными обстоятельствами, было приведено в исполнение с особым указанием на то, что МКАС является российским арбитражным учреждением. Так иностранные третейские суды и решения, выносимые ими, противопоставляются российским. Из аргументов суда по делу с участием ООО «КНРГ Проект» может быть сделан вывод, что, даже имея негативные последствия для публичных интересов, решения, вынесенные МКАС, не могут противоречить публичному порядку РФ на том лишь основании, что этот суд находится в РФ и осуществляет свою деятельность в соответствии с российским правом. При применении данного подхода ключевым фактором при принятии решения о возможности признания и приведения в исполнение арбитражного решения является не соответствие этого решения нормам права РФ, а юрисдикция, в которой находится третейский суд, выносивший решение.

Подводя итог, суд установил, что ООО «КНРГ Проект» не представило необходимых доказательств для удовлетворения требования об отказе в исполнении арбитражного решения, а также что доводы кассационной жалобы направлены на переоценку выводов суда первой инстанции.

Указывая на отсутствие оснований для отмены арбитражного решения, суд первой инстанции сослался на ст. 36 Федерального закона «О международном коммерческом арбитраже», а также на ст. 239 АПК РФ, формулировка которой в части положений о публичном порядке совпадает с положениями ст. 244 АПК РФ. В деле, где заинтересованным в отказе в приведение в исполнение арбитражного решения лицом выступало АО «Росшельф», суд приводил соответствующие положения, вынося противоположные решения.

Суд кассационной инстанции по делу ООО «КНРГ Проект» привел определение публичного порядка, содержащееся в информационном письме № 156, несмотря на то что положения письма касаются иностранных арбитражных решений. Это позволяет сделать вывод, что при признании решений иностранных и российских арбитражных судов используется один объем понятия публичного порядка. Суд особо подчеркнул, что оговорка о публичном порядке применяется в исключительных случаях, не подменяя специальных оснований для отказа. Суды по делу АО «Росшельф» также использовали это положение в обоснование своего решения.

В описанном деле содержатся свидетельства того, что суды при рассмотрении дел о признании и приведении в исполнение решений третейских судов принимают неоднородные решения. Объем понятия «публичный порядок» толкуется по-разному, что проявляется, например, в отношении к предприятиям стратегического значения. Суды по-разному определяют пределы доказывания по делам со сходными обстоятельствами, а также излагают аргументы, позволяющие делать неоднозначные выводы о причинах принятых ими решений.

Описанные проблемы правоприменения влекут негативные последствия для статуса России в качестве арбитражной юрисдикции, ее отнесения к так называемым *arbitration friendly jurisdictions*. Отсутствие единого подхода к приведению в исполнение арбитражных решений может создавать сомнения в надежности правовых гарантий в этой сфере. Недостаток средств восстановления нарушенных прав, выраженных в возможности обратиться к силе государственного принуждения, не способствует росту заинтересованности в заключении

сделок, которые лежали бы в основании указанных прав. Иными словами, иностранный бизнес, в отношении с которым чаще всего прибегают к заключению арбитражных соглашений, отказывается от сотрудничества с российскими компаниями из-за потенциальной возможности защитить свои законные интересы.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 15.02.2024).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/62129e15aboe6008725f43d63284aefobb12c2cf/ (дата обращения: 15.02.2024).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/51df7b13dfa906d886ed6401acb92bad98c17c8c/ (дата обращения: 15.02.2024).
4. Закон РФ от 07.07.1993 № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» [Электронный ресурс] // URL: <https://www.consultant.ru/law/doc/5338/> (дата обращения: 15.02.2024).
5. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26.02.2013 № 156 «Об обзоре практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144311/99e2aae02ef1499103e38398c34fee649e0c8e1/ (дата обращения: 15.02.2024).
6. Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958 г.) [Электронный ресурс] // URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/new-york-convention-r.pdf> (дата обращения: 15.02.2024).

7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 15.02.2024).
8. Определение Арбитражного суда города Москвы от 18.07.2019 по делу № А40-117326/18-63-830 [Электронный ресурс] // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/7175bf9e-3b16-4737-b654-04e870eed850/011f348c-fe5d142de-89fo-1e71681e3ed2/A40-117326-2018_20190718_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 15.02.2024).
9. Определение Арбитражного суда города Москвы от 23.11.2018 по делу № А40-117326/18-63-830 [Электронный ресурс] // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/7175bf9e-3b16-4737-b654-04e870eed850/1b341524-7360-40f4-b1fb-c7bee616bbfb/A40-117326-2018_20181123_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 15.02.2024).
10. Определение Верховного Суда РФ от 21.01.2020 № 305-ЭС19-22345 [Электронный ресурс] // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/7175bf9e-3b16-4737-b654-04e870eed850/1f7b5c4f-a141-4847-9617-817b362d2495/A40-117326-2018_20200121_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 15.02.2024).
11. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.02.2019 по делу № А40-117326/18 [Электронный ресурс] // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/7175bf9e-3b16-4737-b654-04e870eed850/odcc6afi-9acb-4dc8-945b-ffbof16f46b4/A40-117326-2018_20190221_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 15.02.2024).
12. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.05.2019 по делу № А41-90912/2018 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/DWW1Hqg5lv6P/> (дата обращения: 15.02.2024).
13. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.08.2019 по делу № А40-117326/18 [Электронный ресурс] // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/7175bf9e-3b16-4737-b654-04e870eed850/66436319-ea1d14c21-b04d-d68adbcb629/A40-117326-2018_20190829_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 15.02.2024).
14. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 16.11.2021 по делу № А06-5031/2021 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/qSUqJd6xsDUX/> (дата обращения: 15.02.2024).

15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_340189/ (дата обращения: 15.02.2024).
16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 15.02.2024).
17. Указ Президента РФ от 04.08.2004 № 1009 (ред. от 25.12.2023) «Об утверждении Перечня стратегических предприятий и стратегических акционерных обществ» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48777/ (дата обращения: 15.02.2024).
18. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 15.02.2024).
19. Федеральный закон от 29.04.2008 № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76660/ (дата обращения: 15.02.2024).
20. Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35155/ (дата обращения: 15.02.2024).
21. *Cheredova A., Ovchinnikova D.* Foreign Arbitral Awards In Russia – Public Policy Issue, 23 August 2021 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.mondaq.com/russianfederation/arbitration--dispute-resolution/1104076/foreign-arbitral-awards-in-russia--public-policy-issue> (дата обращения: 15.02.2024).
22. Recognition and enforcement of foreign arbitral awards in Russia – remarkable cases of 2019–2020, April 2021, Vegas Lex [Электронный ресурс] // URL: https://www.vegaslex.ru/upload/medialibrary/560/VEGAS_LEX_int_litigation_en.pdf (дата обращения: 15.02.2024).

СЕКЦИЯ

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Баранов Никита Максимович

Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов

Искусственный интеллект — автор или инструмент

Аннотация. В статье раскрывается актуальный и важный вопрос о наличии авторских прав у искусственного интеллекта. Таковым он является как для сферы творчества (создателей объектов интеллектуальной собственности), так и для юридической науки и практики в целом. Поставленный вопрос рассматривается с учетом опыта и исследований зарубежных стран.

Ключевые слова: искусственный интеллект; авторское право; творческий труд.

Искусственный интеллект представляет собой сложную совокупность коммуникационных и технологических взаимосвязей, он обладает способностью логически мыслить, управлять своими действиями и корректировать свои решения в случае изменения внешних условий. С развитием современных технологий искусственный интеллект

научился самостоятельно производить различный контент — литературные произведения, произведения изобразительного искусства, музыку и т.д. При этом делается это без какого-либо контроля за выполнением соответствующих работ.

Согласно п. 1 ст. 1228 ГК РФ «автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат», также об этом упоминается в ст. 1257, 1259 ГК РФ.

Из смысла статей можно понять, что авторское право может претендовать на охрану, если оно выражено в объективной форме, создано человеком (гражданином) в результате творческого труда.

Поскольку понятие творческого труда в законе отсутствует, пробуем дать ему юридическое содержание самостоятельно.

Творческий труд — это процесс создания нового, уникального, оригинального продукта, выраженного в объективной форме, в процессе которого гражданин (автор) использовал опыт, знания, поиск и комбинирование полученных данных, в результате чего был достигнут конечный результат.

Данное определение затрагивает юридические и психологические аспекты творческого процесса. Для психологии важен внутренний процесс, происходящий в ходе творческой деятельности, а для юриспруденции важен конечный результат творческой работы. Их объединяет только уникальность, новизна и оригинальность продукта, полученного от творческого акта¹.

Возможности ИИ развиваются, и уже сейчас в его код можно заложить творческий процесс и за счет имитации, моделирования или воспроизводства повторить феномен творческой деятельности человека.

¹ Макаров Т. Г. Понятие творчества в психологии и юриспруденции // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2018. Т. 160, кн. 2. С. 302–308. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-tvorchestva-v-psiologii-i-yurisprudentsii> (дата обращения: 20.02.2024)

Ученые считают ИИ инструментом творчества, но всё же это нечто большее, воплощающее в себе границы и потенциал творчества, например понимание стилей живописи и ее истории, физических границ двухмерной поверхности.

Ненароком возникает мысль, а осуществляет ли художник тот самый творческий процесс, используя только возможности ИИ. Если исходить из предложенного нами определения, то можно сказать, что нет, скорее это похоже на соавторство (ст. 1258 ГК РФ), а если исходить из п. 1 ст. 1228 ГК РФ, то авторство человека и вовсе исключается: «Не признаются авторами результата интеллектуальной деятельности граждане, не внесшие личного творческого вклада в создание такого результата, в том числе оказавшие его автору только техническое, консультационное, организационное или материальное содействие или помощь либо только способствовавшие оформлению прав на такой результат или его использованию, а также граждане, осуществлявшие контроль за выполнением соответствующих работ».

Процесс, который осуществляют авторы при работе с ИИ, можно разделить на следующие виды: 1) традиционный — в данном процессе автор должен подробно описать в коде, что должно получиться в результате, и искусственный интеллект на основе заложенного кода это осуществляет; 2) алгоритмический (GAN) — пользователь загружает определенные данные, а ИИ из полученных dataset генерирует новое изображение; 3) автономный (AICAN) — данный процесс создания искусства основан на психологической теории, при которой ИИ имитирует то, как работает художник.

Машина обучается и создает произведение практически самостоятельно при наличии двух противоборствующих сил: одна придерживается уже знакомых стилей искусства, а другая следит за тем, чтобы отсутствовало подражание. По сути, процесс AICAN можно назвать творчеством².

² Ладоса Е. Н., Коструб М. И. Искусственный интеллект: потенциал развития на пути создания нового цифрового искусства // Молодой ученый. 2022. № 48 (443). С. 1-4. URL: <https://moluch.ru/archive/443/97204/> (дата обращения: 20.02.2024).

А. Сантос также выделяет классификации систем ИИ: генерирующие изображения; исследующие или прогнозирующие эстетическое качество или ценность; классифицирующие их по стилю или автору; обнаруживающие объекты в художественных образах.

Такая ситуация происходит и в музыкальной индустрии.

Процесс создания искусственным интеллектом музыкальных произведений можно разделить на следующие виды: 1) музыка создается путем текстового запроса, при котором нейросеть за счет сонোগраммы визуализирует текст в звуковой ряд (RIFFUSION); 2) генерация музыки за счет имеющихся семплов, звуков, музыкальных инструментов, а также выбора жанра, настроения, мероприятия. Возможно также написание текста (который поет выбранный исполнитель) и создание видеоклипа (Mubert, Melobytes, Soundraw); 3) преобразование напева в мелодию (Humtap); 4) музыка создается по загруженной картинке (Image to Music).

В создании литературных произведений оппонентом человека также может выступить ИИ. Уже сейчас многие разработчики создают нейросети, которые способны написать стихотворение, книгу: Google — Verse by Verse; OpenAI — ChatGPT и т.д. Отличие от классического написания произведения заключается в том, что ИИ занимается обобщением имеющихся данных и сочетанием стилей других писателей³.

В отечественной и зарубежной науке существует несколько подходов к определению правового статуса ИИ как автора:

1. *Теория абсолютного авторства ИИ (машиноцентрический концепт)*. Для реальной осуществимости данной теории ИИ нужно признать субъектом права, но для этого нужно, чтобы он выполнял интеллектуальные и творческие функции человека, самостоятельно находил способы решения задач, умел делать выводы и принимал решения.

³ Максимов А. Г. Искусственный интеллект как автор и соавтор литературного произведения // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2021. № 1. С. 108–110. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-kak-avtor-i-soavtor-literaturnogo-proizvedeniya> (дата обращения: 08.04.2023).

В этом случае созданные искусственным интеллектом объекты будут признаваться и подлежать правовой охране.

В России данная концепция на данный момент неприменима, но некоторые правовые нормы, применяемые в нашем государстве, направлены на включение ИИ в рамки правового поля (Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”»; Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»; распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2120-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года»).

В мире уже существуют прецеденты, когда ИИ признавали автором произведения. Так, в 2019 г. Народным судом округа Наньшань, Шэньчжэнь, провинция Гуандун, Юэ 0305 Мин Чу № 14010, было вынесено гражданское решение о признании авторских прав у ИИ (Dreamwriter)⁴. Стоит обратить внимание на то, что авторство хотя и признанно за ИИ, но истцом в суде была компания, создавшая ИИ, она же и получила выплату от ответчика.

Существует и отрицательная практика, где суд не встал на сторону ИИ и не признал его право на авторство. Примером является решение австралийского суда по делу IceTV Pty Limited v. Nine Network Australia Pty Limited HCA 14 (22 April 2009)⁵.

⁴ Tencent v. Yingxun Tech [Электронный ресурс] // China Law Portal. URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/law/x/2019-yue-0305-min-chu-14010/intro> (дата обращения: 20.02.2024)

⁵ IceTV Pty Limited v. Nine Network Australia Pty Limited HCA 14 (22.04.2009) [Электронный ресурс] // High Court of Australia. URL: <https://www.jade.io/article/92554> (дата обращения: 20.02.2024).

Если о наделении ИИ личными неимущественными правами еще можно говорить, то предположение о наличии у него имущественных прав можно считать почти невозможным на данном этапе технологического развития. Нам представляется, что это будет осуществляться через представителей разработчика, правообладателя, по аналогии с законными представителями ограниченно дееспособного или недееспособного⁶.

2. *Теория абсолютного авторства человека.* Можно сказать, что она работает на данный момент — автором является разработчик, правообладатель, пользователь, а ИИ выступает как инструмент для создания объектов авторского права.

Данную теорию поддерживает как законодатель (Гражданский кодекс РФ в качестве автора рассматривает только человека), так и суд, но она также может быть раскритикована. Данная теория не учитывает ИИ, который самообучается, и изначально заложенная в код идея создателя никаким образом не соответствует тому, что создает уже обученный ИИ. Нет ответа и на вопрос, кто будет конечным автором созданного произведения — разработчик (лицо написавшее код); владелец (кому принадлежат права на ИИ); пользователь (лицо, которое свободно или платно воспользовалось ИИ и за счет него создало картину, музыку, стихотворение и т.д.).

3. *Теория соавторства.* Теория предполагает, что искусственный интеллект выступает наравне с человеком, что возможно лишь при развитии «сильного» искусственного интеллекта, независимого от человека. У субъектов должно быть волеизъявление, юридическая возможность заключать договоры и делать публичные заявления. Наделение искусственного интеллекта авторскими правами.

Данная теория не отвечает на важные вопросы: в каких пределах должен быть творческий характер ИИ? Как ИИ может осуществлять личные имущественные права, связанные с соавторством?

⁶ Васильева А. С. К вопросу о наличии авторских прав у искусственного интеллекта // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. Вып. 4 (38). С. 107-116. URL: <http://ipcmagazine.ru/asp/on-the-issue-of-copyright-in-artificial-intelligence> (дата обращения: 20.02.2024).

4. *Теория общественного достояния.* Данная теория, по нашему мнению, утопична, так как она снизит желание разработчиков создавать ИИ из-за невозможности получать экономическую выгоду.

5. *Теория служебного произведения.* Это самая интересная и, возможно, применимая на практике в будущем. Согласно ст. 1295 ГК РФ авторские права на произведение науки, литературы или искусства, созданное в пределах, установленных для работника (автора) трудовых обязанностей (служебное произведение), принадлежат автору, а исключительное право принадлежит работодателю.

Данная теория является отличным шаблоном того, как может быть урегулирован вопрос с правом авторства ИИ, но для этого требуется пересмотр общих законодательных дефиниций, доработка и коррекция специальных норм⁷.

Возникающие проблемы и примеры использования искусственного интеллекта в сфере интеллектуальных прав указывают на необходимость нормативно-правового регулирования этой области. С учетом появления «сильного» искусственного интеллекта в будущем следует начать работу над выработкой различных подходов и правовых механизмов уже сейчас. Рекомендуется провести дальнейшие исследования и обсуждения в данной области для разработки соответствующих законодательных актов.

Список литературы

1. *Васильева А. С.* К вопросу о наличии авторских прав у искусственного интеллекта // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. Вып. 4 (38). С. 107–116. URL: <http://ipcmagazine.ru/asp/on-the-issue-of-copyright-in-artificial-intelligence> (дата обращения: 20.02.2024).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть IV) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 30.01.2024) [Электронный ресурс] // URL:

⁷ *Кудинов М. А.* К вопросу об интеллектуальных правах на произведения, созданные искусственным интеллектом // Новый юридический вестник. 2022. № 2 (35). С. 7–10. URL: <https://moluch.ru/th/9/archive/218/7171/> (дата обращения: 20.02.2024).

<http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073578> (дата обращения: 20.02.2023).

3. *Кудинов М. А.* К вопросу об интеллектуальных правах на произведения, созданные искусственным интеллектом // *Новый юридический вестник*. 2022. № 2 (35). С. 7–10. URL: <https://moluch.ru/th/9/archive/218/7171/> (дата обращения: 20.02.2024).
4. *Ладоса Е. Н., Коструб М. И.* Искусственный интеллект: потенциал развития на пути создания нового цифрового искусства // *Молодой ученый*. 2022. № 48 (443). С. 1–4. URL: <https://moluch.ru/archive/443/97204/> (дата обращения: 20.02.2024).
5. *Макаров Т. Г.* Понятие творчества в психологии и юриспруденции // *Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 2018. Т. 160, кн. 2. С. 302–308. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-tvorchestva-v-psihologii-i-yurisprudentsii> (дата обращения: 20.02.2024).
6. *Максимов А. Г.* Искусственный интеллект как автор и соавтор литературного произведения // *Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского*. 2021. № 1. С. 108–110. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyu-intellekt-kak-avtor-i-soavtor-literaturnogo-proizvedeniya> (дата обращения: 20.02.2024).
7. *IceTV Pty Limited v. Nine Network Australia Pty Limited HCA 14 (22.04.2009)* [Электронный ресурс] // High Court of Australia. URL: <https://www.jade.io/article/92554> (дата обращения: 20.02.2024).
8. *Tencent v. Yingxun Tech* [Электронный ресурс] // China Law Portal. URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/law/x/2019-yue-0305-min-chu-14010/intro> (дата обращения: 20.02.2024).

Герщенко Евгений Вячеславович

Российская государственная академия
интеллектуальной собственности
г. Москва

Опровержение иска правообладателя товарного знака на основании описательного характера использования последнего

Аннотация. В статье раскрываются критерии, подлежащие учету при обосновании описательного характера использования товарного знака как обстоятельства, опровергающего иск его правообладателя.

Ключевые слова: товарный знак; описательное использование; ограничение исключительного права.

Необходимость в использовании обозначения, зарегистрированного в качестве чужого товарного знака, без разрешения его правообладателя может возникнуть в силу закона. К примеру, статья 10 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» предусматривает обязанность продавца проинформировать потребителя о товарах для обеспечения последнему возможности их правильного выбора.

В то же время статья 1484 Гражданского кодекса Российской Федерации содержит запрет на несанкционированное использование обозначений, сходных с товарными знаками, для тех же или однородных товаров, если в результате такого использования возникнет вероятность смешения.

При этом, как многократно отмечал Суд по интеллектуальным правам, характерной особенностью отечественного правового режима использования товарного знака является практически полное отсутствие ограничений исключительного права правообладателя.

Единственным таким ограничением, предусмотренным законом, является исчерпание исключительного права на товарный знак¹.

В результате изложенное порождает ситуацию, когда лицо, допустившее подобное использование, будучи ответчиком в деле о нарушении права на товарный знак, в соответствии с ч. 1 ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации пытается обосновать правомерность использования спорного обозначения, ссылаясь, в частности, на п. 157 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса», однако ему это не удается, в том числе в силу обозначенного противоречия.

Таким образом, удовлетворяя требования правообладателя, суд неоправданно расширяет объем правовой охраны исключительного права на товарный знак. Что является довольно распространенной и ощутимой проблемой, имеющей далеко идущие неблагоприятные последствия для экономики страны в целом.

В то же время в международной практике решение описанного противоречия нашло свое выражение посредством установления различных видов ограничений исключительного права на товарный знак, в том числе его описательного использования как разновидности содержательного ограничения исключительного права на товарный знак².

Так, в 2020 г. Международной ассоциацией по охране интеллектуальной собственности принята резолюция, согласно которой описательное использование товарного знака или его части должно признаваться допустимым обстоятельством, опровергающим иск правообладателя.

¹ Постановления Суда по интеллектуальным правам от 24.10.2022 по делу № А51-13083/2021, от 06.10.2022 по делу № А40-12865/2022, от 28.09.2022 по делу № А41-57818/2021.

² Обзор практики Суда по интеллектуальным правам по вопросам использования товарного знака для целей, не связанных с индивидуализацией товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, утвержденный постановлением президиума Суда по интеллектуальным правам от 24.10.2022 № СП-21/24.

Изложенное не означает, что предоставление правовой охраны чужому товарному знаку должно признаваться недействительным, если защита, основанная на его описательном использовании, успешно осуществлена³.

Между тем, как установлено из проведенного анализа последней правоприменительной практики арбитражных судов Российской Федерации, при определении того, использован товарный знак для целей индивидуализации или для иных целей, в частности с описательной целью, следует учитывать:

1) каким образом размещено противопоставленное обозначение, его размер и контекст (к примеру, указание на совместимость, назначение товара и т.п.);

2) использование собственных знаков для идентификации товаров вместе с противопоставленным обозначением;

3) принятые для конкретных типов товаров способы маркировки, а также общепризнанные правила и практику в определенной отрасли;

4) вероятное восприятие потребителями противопоставленного обозначения и возможность введения их в заблуждение в части связи ответчика с правообладателем товарного знака.

Следовательно, при оценке факта нарушения исключительного права на товарный знак надлежит устанавливать, использовано подобное слово для идентификации товара (услуги) либо в другом свойстве.

Примерами успешной реализации довода об отсутствии нарушения исключительного права на товарный знак ввиду его описательного использования являются:

— Дело № А65-1102/2019, в котором слово «Дискатор» также признано описывающим определенный вид почвообрабатывающей

³ AIPPI World Congress. Resolution 2020 — Study Question — Trademarks Descriptive use as a defence in trade mark proceedings [Электронный ресурс] // URL: <https://aippi.nl/wp-content/uploads/2020/10/Adopted-Resolution-Q273-Trademarks-Descriptive-use-as-a-defence-in-trade-mark-proceedings.pdf> (дата обращения: 12.02.2024).

сельскохозяйственной техники различных производителей при предложении ее к продаже на сайте, но не как тождественный товарный знак по свидетельству Российской Федерации № 258908 в отношении товаров 07 класса Международной классификации товаров и услуг. В связи с этим, по мнению судей, смешение товаров сторон в этом случае невозможно, а доказательств других способов его использования суду представлено не было⁴.

— Дело № А41-34765/2022, в котором установлено, что при импорте и продаже автомобильных шин наряду с обозначением «X Line» ответчик также использовал иные, не сходные с ним товарные знаки. В свою очередь, истцом выступил правообладатель комбинированного товарного знака по свидетельству Российской Федерации № 533352, зарегистрированный в числе прочего в отношении товаров 12 класса Международной классификации товаров и услуг. Однако, как показал анализ спорного обозначения, оно не несет индивидуализирующую функцию, поскольку первый его элемент — «X» — свидетельствует об отнесении товара к категории коммерческих грузовых шин, а второй — «LINE» — применяется в качестве общепотребительного термина со значением «линия, линейка, позиция»⁵.

Резюмируя изложенное, справедливо отметить увеличивающееся значение института описательного использования товарного знака как разновидности содержательного ограничения исключительного права на товарный знак. Вместе с тем возможность его реализации напрямую зависит от соблюдения выделенных критериев, проиллюстрированных примерами дел из актуальной отечественной судебной практики.

⁴ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16.08.2019 по делу № А65-1102/2019.

⁵ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 11.04.2023 по делу № А41-34765/2022.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ.
3. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-I «О защите прав потребителей».
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса».
5. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 06.10.2022 по делу № А40-12865/2022.
6. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16.08.2019 по делу № А65-1102/2019.
7. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 24.10.2022 по делу № А51-13083/2021.
8. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 28.09.2022 по делу № А41-57818/2021.
9. Постановления Суда по интеллектуальным правам от 11.04.2023 по делу № А41-34765/2022.
10. AIPPI World Congress. Resolution 2020 – Study Question – Trademarks Descriptive use as a defence in trade mark proceedings [Электронный ресурс] // URL: <https://aippi.nl/wp-content/uploads/2020/10/Adopted-Resolution-Q273-Trademarks-Descriptive-use-as-a-defence-in-trade-mark-proceedings.pdf> (дата обращения: 01.01.2024).

Сергиенко Екатерина Анатольевна

Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова
г. Москва

Естественные и «напечатанные» биоматериалы человека: гражданско-правовое регулирование

Аннотация. В работе рассмотрен общетеоретический вопрос относимости биоматериалов человека к объектам гражданских прав; сделан вывод о бесспорной необходимости закрепления такого особого вида объекта прав. Автором оценена потенциальная возможность напечатанных посредством 3D-принтера биоматериалов являться охраняемыми объектами интеллектуальной собственности (объектами патентных прав); сделан вывод о способности искусственных биоматериалов подлежать охране правом интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: объекты гражданских прав; биоматериалы человека; биопечать; охраняемые объекты интеллектуальной собственности.

Развитие медицинской науки и технологий обуславливает расширение применения биологических материалов человека, глобализацию их оборота, потребность в совершении с ними гражданско-правовых сделок (импорт и экспорт, хранение, дарение, транспортировка и др.)¹. Одним из актуальных юридических вопросов по-прежнему остается правовой режим тканей, органов, крови, клеток и иных отделенных от человека биоматериалов.

Безусловно, ключевой аргументацией против отнесения биоматериалов человека к объектам гражданских прав служит этическая

¹ Трубина В. А. Ткани и органы человека как объекты гражданских прав : монография. М. : Инфотропик Медиа, 2020.

сторона вопроса. Основными рисками признания биоматериалов объектами гражданских прав называются: 1) умаление достоинства человека и бесценности его тела; 2) овеществление личности; 3) восприятие тела человека как источника финансовой выгоды и др.

Чрезвычайная значимость и расширение использования биоматериалов в научных, медицинских, производственных и иных целях обуславливает невозможность их исключения из оборота. Гораздо большую важность имеет общественная необходимость соблюдения интересов публичного здравоохранения, реципиентов, фармацевтических компаний. Такие интересы не будут обеспечены без должной регламентации оборота биоматериалов человека (не только правоохранительной, но и регулятивной).

Биоматериалы до отделения от тела человека являются его частью и имеют естественную природу, т.е. не могут быть признаны объектами прав. Существующий институт информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство² призван защитить любое лицо от принудительного распоряжения его телом. Данный механизм в совокупности с запретом на куплю-продажу биоматериалов человека не свидетельствует об овеществлении тела человека (а наоборот, препятствует этому). Запрет на возмездные сделки не должен порождать запрет на безвозмездные в целях всеобщей охраны жизни и здоровья.

Однозначная необходимость определения биоматериалов человека как особых объектов гражданских прав подтверждается следующим:

— с момента отделения от тела человека биоматериалы обладают всеми признаками объектов гражданских прав³ (материальные блага, материальная обособленность, фактическая управляемость, возможность совершения в отношении них юридически значимых действий, способность к удовлетворению потребностей и др.);

² Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Российская газета. 09.01.1993. № 4.

³ Синицын С. А. Вещь как объект гражданских прав: возможные и должные критерии идентификации // Законодательство и экономика. 2016. № 11. С. 7–17.

— биоматериалы как ограниченные в обороте объекты гражданских прав: 1) могут принадлежать только определенным участникам оборота («носителю», медицинским организациям⁴, организациям федеральных органов исполнительной власти⁵); 2) не могут выступать предметом купли-продажи⁶ (ряд иных сделок возможен);

— с момента отделения от тела человека (первоначальное основание возникновения права собственности) биоматериалы приобретают признаки индивидуально-определенных, неделимых, непотребляемых объектов гражданских прав.

Так, биоматериалы человека необходимо относить именно к особым объектам гражданских прав, а не к личным неимущественным благам⁷ — это не будет отражать материальной природы отделенных биоматериалов и обеспечивать их должной правовой защитой; к вещам — это было бы действительным овеществлением личности в этико-моральном смысле.

Как правовые, так и непосредственно медицинские сложности оборота и доступность биоматериалов создают предпосылки для распространения биопечати. Методы современной диагностики тела человека позволяют создавать виртуальные 3D-модели органов, органных комплексов и организма в целом. 3D-биопринтеры по таким моделям создают органы, ткани, кровеносные сосуды путем послойного нанесения биологического материала⁸.

⁴ Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-I «О трансплантации органов и (или) тканей человека».

⁵ Федеральный закон от 20.07.2012 № 125-ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов» // СЗ РФ. 2012. № 30. Ст. 4176.

⁶ Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-I «О трансплантации органов и (или) тканей человека».

⁷ Новоселова Л. А. Распоряжение телом человека: гражданско-правовой аспект // Закон. 2021. № 8. URL: <https://zakon.ru/> (дата обращения: 01.02.2024).

⁸ Горбатов Р. О., Романов А. Д. Создание органов и тканей с помощью биопечати // Вестник Волгоградского государственного медицинского университета. 2017. № 3 (63). С. 3–9.

Являются ли искусственно созданные биоматериалы неоспоримыми объектами гражданских прав? Да, являются, поскольку отвечают вышеописанным признакам. Следовательно, обозначая такой особый вид объектов, необходимо сформулировать единое понятие «естественные и искусственно созданные биоматериалы человека». Кроме того, «напечатанные» биоматериалы необходимо включать в категорию медицинских изделий⁹, определяя их строго целевое назначение, специальные требования к обороту (ограниченное субъектное регулирование: производства, применения, утилизации и др. искусственных биоматериалов и создающего их оборудования).

Могут ли такие биоматериалы потенциально являться охраняемыми объектами интеллектуальной собственности (с поступательным зарождением биопечати в России)? В частности, объектами патентных прав? Искусственно созданные биоматериалы как потенциальные объекты патентных прав:

- процесс их создания имеет интеллектуальную составляющую, сфера действия — научно-техническая;
- могут и должны быть способны к многократному использованию, неисчерпаемости при потреблении, накапливанию и интегрированию¹⁰;
- имеют коммерческую (в целях охраны жизни и здоровья) ценность, информационное содержание и др.

Таким образом, созданные посредством 3D-печати биоматериалы могут выступать объектами интеллектуальной собственности (патентных прав). При этом не должно происходить смешения с естественными «носителями» биоматериалов, а также естественными процессами их создания (выращивания).

⁹ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

¹⁰ Зайцева Е. В. К вопросу о понятии и признаках объектов патентного права, обусловленных особенностями их правового режима // Вестник экономической безопасности. 2019. № 4. С. 80–86.

Список литературы

1. *Горбатов Р. О., Романов А. Д.* Создание органов и тканей с помощью биопечати // Вестник Волгоградского государственного медицинского университета. 2017. № 3 (63). С. 3–9.
2. *Зайцева Е. В.* К вопросу о понятии и признаках объектов патентного права, обусловленных особенностями их правового режима // Вестник экономической безопасности. 2019. № 4. С. 80–86.
3. Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Российская газета. 09.01.1993. № 4.
4. *Новоселова Л. А.* Распоряжение телом человека: гражданско-правовой аспект // Закон. 2021. № 8. URL: <https://zakon.ru/> (дата обращения: 01.02.2024).
5. *Синицын С. А.* Вещь как объект гражданских прав: возможные и должные критерии идентификации // Законодательство и экономика. 2016. № 11. С. 7–17.
6. *Трубина В. А.* Ткани и органы человека как объекты гражданских прав : монография. М. : Инфотропик Медиа, 2020. 219 с.
7. Федеральный закон от 20.07.2012 № 125-ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов» // СЗ РФ. 2012. № 30. Ст. 4176.
8. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

Будкин Кирилл Андреевич

Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя
г. Москва

Миграционные отношения в Российской Федерации: конституционные ограничения

Аннотация. В статье раскрываются актуальные вопросы развития миграционных отношений в рамках действующего законодательства, в особенности описывается практика реализации законотворческой инициативы субъектов России в сфере миграционных ограничений и анализируется их соответствие Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: миграционные отношения; общество; конституционные ограничения; политика.

Миграционные отношения в России — это одна из наиболее актуальных тем, которая затрагивает все сферы жизни нашего общества. Миграция является процессом перемещения людей из одного региона в другой и может быть как внутренней, так и внешней. Миграция является объективным явлением социально-экономического характера, неотъемлемой частью современных общественных отношений

и выполняет важные функции по перераспределению трудовых ресурсов, преодолению различий в уровне жизни. С развитием общества она приобретает определенные особенности¹. В России миграционная политика является одной из ключевых задач государства, поскольку она напрямую влияет на экономику, демографию и культуру страны. Логично, что миграционные отношения не могут существовать без определенных ограничений, поддерживаемых и регулируемых законодательством страны.

Этапом разделения любых общественных отношений выступают конституционные ограничения. Конституционные ограничения — это установленные в конституционных нормах пределы, в которых субъекты должны действовать, использовать предоставленные им права и свободы. Данные ограничения выступают специфическим индикатором, позволяющим определить степень свободы и защищенности личности. Именно комплекс конкретно установленных в Конституции ограничений в наибольшей мере характеризует взаимоотношения между государством и человеком.

Миграционные отношения не могут существовать без межнациональных отношений. Данный род отношений неукоснительно связан с действующим законодательством Российской Федерации. Так, 19 мая 2023 г. Президент РФ, организовав заседание Совета по межнациональным отношениям, высказался о необходимом направлении политики, соблюдение которой будет основой интересов «наших граждан в вопросах безопасности, в социальной сфере, на рынке труда».

В соответствии с п. 14 Указа Президента РФ от 31.10.2018 № 622 (ред. от 12.05.2023) «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» задается конкретная цель миграционной политики: «создание миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере социально-экономического, пространственного и демографического развития

¹ Косарева В. В. Миграционные правоотношения в Российской Федерации // Вестник Самарского юридического института. 2015. № 3. С. 46.

страны, повышения качества жизни ее населения, обеспечения безопасности государства, защиты национального рынка труда, поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, а также в сфере защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода». Данный Указ направлен на централизацию общественных отношений в сфере миграции с учетом мнения и интересов граждан Российской Федерации.

Одной из основных задач миграционной политики России является создание условий для интеграции мигрантов в общество. Для этого необходимо обеспечить доступ к образованию, здравоохранению и социальной защите. Большинство миграционных правоотношений носит двусторонний характер. Так, иностранный гражданин, осуществляющий легальную трудовую деятельность в России, обладает всем объемом прав и свобод, предоставленных российским гражданам трудовым законодательством². Сущность миграционных правоотношений раскрывается при анализе их закономерных свойств, устойчивых характеристик, которые, с одной стороны, отражают типовые черты правовых отношений вообще, а с другой — подчеркивают специфику рассматриваемой разновидности³. Необходимо также бороться с незаконной миграцией и преступностью, связанной с мигрантами.

Стоит обратиться к статистике, а именно к ГИАЦ МВД России за 2022–2023 гг., где отображено, что за данный период мигранты совершили следующие преступления: незаконное пересечение государственной границы Российской Федерации (ст. 322 УК РФ), организация незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ), шпионаж (ст. 276 УК РФ), хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические

² Сенченко В. В., Богданов А. Г. Субъекты миграционных отношений и их системы // Евразийский союз ученых (ЕСУ). 2017. № 4-2. С. 45.

³ Плотников Р. В. Миграционные правоотношения: социальный и юридический аспекты // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2012. № 20. С. 101.

средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средств или психотропные вещества (ст. 229 УК РФ), незаконный оборот оружия (ст. 222 УК РФ), террористические акты (ст. 205 УК РФ).

Опираясь на конституционные нормы, а именно ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства», возможно сделать вывод касательно того, что российское государство устанавливает в федеральных законах ограничения прав и свобод иностранных граждан и лиц без гражданства. Данные ограничения могут преследовать различные цели: обеспечение безопасности государства, защита прав российских граждан, поддержание баланса между интересами местных жителей и интересами иммигрантов. Из этого следует вывод, что целью правоограничений, налагаемых на права иностранцев, может быть также поддержание миграционного правопорядка.

В качестве примера следует рассмотреть Указ Губернатора Тульской области. Согласно этому документу с 1 января 2024 г. мигрантам запретят работать в торговле алкоголем и табаком, общепите и пассажирских перевозках, включая такси. Данная норма, на первый взгляд, ограничивает права и законные интересы человека, указанные в ст. 37 Конституции Российской Федерации. Тем не менее следует учитывать, что ограничения, налагаемые на иностранных граждан и лиц без гражданства, могут носить как общий, так и специальный характер. Ограничения прав и свобод иностранцев могут выражаться во временных и постоянных запретах для иностранных граждан на реализацию тех или иных прав и свобод, на осуществление определенных действий, а также во вмешательстве в их жизнь государственных органов, в наложении дополнительных обязанностей, применении мер юридической ответственности.

Таким образом, следует сделать аргументированный вывод, что, поощряя добровольную иммиграцию и оказывая помощь вынужденным иммигрантам, российское государство, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, имеет суверенное право устанавливать в федеральных законах и реализовывать на практике ограничения прав и свобод иностранных граждан и лиц без гражданства в целях обеспечения безопасности страны, защиты прав российских граждан, регулирования иммиграционных процессов.

Список литературы

1. *Аверин А. Н.* Государственное регулирование демографических и миграционных процессов в Российской Федерации : учеб. пособие. М. : Проспект, 2018.
2. *Афонин М. В.* Миграционные процессы в современном городе. М. : Библиком, 2017.
3. *Галас М. Л.* Миграционные риски для России. Прогнозирование национальных угроз : монография. М. : Русайнс, 2017.
4. *Гречихин В. Г.* Проблемы миграции в России на современном этапе // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 2. С. 103–106.
5. *Зорин В. Ю.* Миграционная обстановка в Российской Федерации: проблемы и решения // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. 2019. № 3. С. 40–50.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020).
7. *Косарева В. В.* Миграционные правоотношения в Российской Федерации // Вестник Самарского юридического института. 2015. № 3. С. 46–52.
8. *Моисеев Е. Г.* Миграционное право : учеб. пособие М. : Дело и сервис (ДиС), 2018.
9. *Плотников Р. В.* Миграционные правоотношения: социальный и юридический аспекты // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2012. № 20. С. 100–105.
10. *Прудникова Т. А.* Миграционные процессы и их влияние на общественную и национальную безопасность. Теоретико-методологические аспекты. М. : Юнити-Дана, Закон и право, 2018.

11. Сенченко В. В., Богданов А. Г. Субъекты миграционных отношений и их системы // Евразийский союз ученых (ЕСУ). 2017. № 4-2. С. 43-45.
12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023).
13. Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 (ред. от 12.05.2023) «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы».

Скляр Валерия Дмитриевна

Мелик-Оганджян Александр Феликсович

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

г. Москва

Оценка эффективности и анализ недостатков оценки регулирующего воздействия

Аннотация. В статье рассмотрены результаты организации оценки регулирующего воздействия, выделены существенные проблемы правоприменения в сфере оценки регулирующего воздействия, а также способы их решения.

Ключевые слова: оценка регулирующего воздействия; ОРВ; государственное управление; экономический анализ права; регуляторная политика.

Современное государство стремится улучшить управление и законодательство с применением передовых юридических технологий, включая правовой мониторинг. Этот метод позволяет анализировать качество законов и их применения для выявления и устранения проблем в правовой системе. Оценка регулирующего воздействия — один из инструментов правового мониторинга¹.

В статье мы поставили перед собой задачу провести оценку эффективности и анализ недостатков оценки регулирующего воздействия (ОРВ), проводимой на федеральном уровне в Российской Федерации.

В 2022 г. оценку регулирующего воздействия прошло 1516 проектов нормативных правовых актов, из них 44 % проектов являются ведомственными актами, 37 % — проектами постановлений

¹ Арзамасов Ю. Г. Оценка регулирующего воздействия: понятие, функции, проблемы институализации // Право и образование. 2013. № 11. С. 8 ; Тихомиров Ю. А. Как обеспечить законность? // Российское правосудие. 2016. № 8 (124). С. 11.

Правительства РФ, 18 % — проектами федеральных законов, 1 % — проектами решения ЕЭК². В 2023 г. ОРВ прошло 1 550 проектов НПА. Исследователи ОРВ отмечали, что в среднем каждый год проходили процедуру ОРВ 1 600–1 700 актов, что свидетельствует о тенденции уменьшения числа НПА, подвергаемых процедуре³. Однако обязательность проведения ОРВ для такого большого числа проектов НПА может привести к некачественному выполнению процедуры, увеличивает вероятность фрагментации ОРВ, включая необходимость проведения ОРВ для поправок и дополнений к НПА⁴. Нередким является и обход процедуры ОРВ через внесение законопроектов с помощью других субъектов законодательной инициативы в качестве федерального закона. Речь идет о внесении законопроекта депутатами Государственной Думы РФ или дополнении законопроектов ко второму чтению соответствующими поправками⁵.

Некоторые исследования указывают на недостаточную активность заинтересованных сторон и ограниченный уровень публичных обсуждений как основные тенденции ОРВ. По данным Центра перспективных управленческих решений (ЦПУР), более половины проектов нормативных правовых актов остаются без комментариев. Однако согласно ЦПУР и А. Б. Дидикину, публичное обсуждение проекта акта играет важную роль в его принятии: чем больше негативных отзывов, включая результаты публичных обсуждений, тем меньше вероятность одобрения Минэкономразвития России⁶.

² Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/> (дата обращения: 20.02.2024).

³ Василевская М. М., Казанцев К. И., Шепелева О. С. Качество проведения оценки регулирующего воздействия в России: что показывает сплошной анализ текстовых данных? М. : ЦПУР, 2021. С. 24.

⁴ Шаулова Т. В. Оценка регулирующего воздействия: очередное увлечение или инструмент развития? // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2017. Т. 8. Вып. 1 (28). С. 141.

⁵ Регулирующее воздействие: методики и опыт / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М. : Юриспруденция, 2016. С. 50.

⁶ Василевская М. М., Казанцев К. И., Шепелева О. С. Указ. соч. С. 28.

В области применения ОРВ выделяется проблема формального подхода при выполнении процедур, особенно при составлении сводного отчета. Исследования ЦПУР показывают, что лишь 2,2 % отчетов за период 2015–2021 гг. были заполнены полностью и качественно⁷. Вместе с тем до настоящего времени не было внесено законодательных изменений, способствующих изменению ситуации. Кроме того, исследование показало, что качество сводного отчета не оказывает влияния на решения Министерства экономического развития РФ, отказывающиеся в разработке акта и принимающие другие меры.

Среди возможных решений некоторые авторы предлагали ввести дисциплинарную ответственность для разработчиков отчетов, которые представляют низкое качество, а также обязать Министерство экономического развития РФ возвращать отчеты разработчикам в случае непредоставления необходимой информации⁸. В настоящее время в законодательстве закреплено такое право Минэкономразвития России, но не обязанность⁹.

Формализм при заполнении сводного отчета в совокупности с другим общим недостатком действующей процедуры ОРВ, а именно ее узкой направленностью на оценку экономической эффективности, не позволяет комплексно оценить воздействие предлагаемого регулирования на общественные отношения. При этом необходимо отметить, что данная проблема отмечалась исследователями еще на этапе появления и становления процедуры ОРВ в РФ¹⁰. Вышеуказанные проблемы рискуют подменить ОРВ финансово-экономическим обоснованием.

⁷ Василевская М. М., Казанцев К. И., Шепелева О. С. Указ. соч. С. 6.

⁸ Регулирующее воздействие: методики и опыт / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М. : Юриспруденция, 2016. С. 50.

⁹ Приказ Минэкономразвития России от 27.05.2013 № 290 «Об утверждении формы сводного отчета о проведении оценки регулирующего воздействия, формы заключения об оценке регулирующего воздействия, методики оценки регулирующего воздействия». П. 3.1.1 [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_150392/ (дата обращения: 13.02.2024).

¹⁰ Уманская В. П. Технология оценки регулирующего воздействия правовых актов // Административное право и процесс. 2013. № 4. С. 14.

Представляется, что ОРВ должна осуществляться с целью нахождения оптимального решения и анализа предлагаемых механизмов регулирования, а не с целью формальной оценки текста НПА либо потенциальных затрат адресатов норм. Несмотря на признанную эффективность ОРВ, при формальном подходе к ее организации результативность может быть крайне низкой¹¹.

Положительные эффекты от проведения оценки регулирующего воздействия достигаются лишь при высоком качестве проведения самой процедуры и отсутствии значительных недостатков правоприменения. Однако в настоящее время актуальными остаются следующие проблемы: возможность обхода процедуры ОРВ, формализм при прохождении ОРВ, в частности при составлении сводного отчета, низкая активность предпринимательского сообщества при обсуждении проекта акта.

В данном контексте необходимо принятие следующих мер: дальнейшее усиление роли заключения Министерства экономического развития РФ, введение ответственности за обход процедуры ОРВ, а также за некачественное составление разработчиком сводного отчета.

Список литературы

1. Арзамасов Ю. Г. Оценка регулирующего воздействия: понятие, функции, проблемы институализации // *Право и образование*. 2013. № 11. С. 4–17.
2. Василевская М. М., Казанцев К. И., Шепелева О. С. Качество проведения оценки регулирующего воздействия в России: что показывает сплошной анализ текстовых данных? М. : ЦПУР, 2021. 60 с.
3. Давыдова М. Л. «Умное регулирование» как основа совершенствования современного правотворчества // *Журнал российского права*. 2020. № 11. С. 14–29.
4. Регулирующее воздействие: методики и опыт / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М. : Юриспруденция, 2016.

¹¹ Давыдова М. Л. «Умное регулирование» как основа совершенствования современного правотворчества // *Журнал российского права*. 2020. № 11. С. 17.

5. Теория и практика регуляторной политики в России: монография / А. Б. Дидикин [и др.]; под ред. А. Б. Дидикина. М. : Проспект, 2020. 248 с.
6. *Тихомиров Ю. А.* Как обеспечить законность? // Российское правосудие. 2016. № 8 (124). С. 5–11.
7. *Уманская В. П.* Технология оценки регулирующего воздействия правовых актов // Административное право и процесс. 2013. № 4. С. 11–14.
8. *Шаулова Т. В.* Оценка регулирующего воздействия: очередное увлечение или инструмент развития? // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2017. Т. 8. Вып. 1 (28). С. 139–143.

Штанова Арина Алексеевна
Одинцовский филиал МГИМО МИД России

Правовое регулирование публичной власти в автономиях Дании

Аннотация. В статье проанализирован правовой статус автономий в составе Королевства Дания, выявлены особенности построения системы органов публичной власти, в связи с чем сделан вывод о высокой степени самостоятельности национально-территориальных автономий и о процессе регионализации, происходящем в данном унитарном государстве. В ходе написания работы были использованы следующие общенаучные и специальные методы: метод системно-структурного анализа, метод синтеза социально-правовых явлений, сравнительно-правовой и формально-логический методы. В результате исследования не только проанализирована история закрепления за автономиями широких прав, но и сделан прогноз о возможном развитии данных территорий.

Ключевые слова: национально-территориальная автономия; унитарное государство; регионализация; суверенизация; сессия.

Из всех стран Северной Европы лишь Дания и Финляндия включают в себя национально-территориальные автономии. В связи с этим особый интерес представляет правовое положение автономий.

Королевство Дания, будучи унитарным государством, имеет в своем составе две национально-территориальные автономии — остров Гренландия и Фарерские острова. Автономия представляет собой самостоятельное осуществление государственной власти соответствующим государственным образованием или региональной единицей через системы создаваемых ими органов в пределах прав, предоставленных центральной властью. Объем прав автономий шире прав

административно-территориальных единиц. При создании автономий учитываются различные факторы — национальные, исторические, этнические и культурные. Прежде чем говорить об особенностях правового статуса этих территорий в составе Дании, необходимо осветить историю становления правовой базы, регулирующей отношения между центральной властью и автономиями.

23 марта 1948 г. Фолькетинг (парламент Дании) принял Закон о самоуправлении Фарерских островов, который и сейчас сохраняет свою юридическую силу, оставаясь главным нормативным правовым актом данной автономии.

Вплоть до 1953 г. Гренландия оставалась колонией, над которой осуществлялся прямой и непосредственный контроль центральной власти. После Второй мировой войны под влиянием антиколониальных движений, охвативших мир, остров получил статус провинции. Однако автономией Гренландия станет лишь после принятия в мае 1978 г. Акта о самоуправлении как результата трехлетней работы специальной комиссии. Данный нормативный правовой акт вступил в силу 1 мая 1979 г. после одобрения на референдуме (70 % голосов поддержали акт).

Обе датские автономии обладают высокой степенью самостоятельности в отношениях с центральными властями. Так, согласно разд. 28 Конституции Дании, по два представителя от каждой автономии занимают места в Фолькетинге. Кроме того, каждая автономия имеет собственный парламент и правомочна издавать нормативные правовые акты на своей территории.

Центральное управление в автономиях представлено верховными комиссарами, назначаемыми Правительством Дании. Однако полномочиями конституционного контроля комиссары не обладают, главная их функция — обеспечение связи между автономиями и центром. Верховные комиссары имеют право заседания и выступления в местном парламенте автономии, однако правом голоса не обладают. В свою очередь, парламенты автономий обязаны сообщать комиссарам о принятии новых нормативных актов.

Помимо датского, государственными языками автономий также признаны гренландский и фарерский языки. Действует гражданство автономий, условия получения которого отличны от получения общего датского гражданства.

В автономиях успешно функционирует своя система судов наравне с датскими. Так, четыре окружных суда, один суд автономии и один Верховный суд Гренландии составляют судебную систему автономии. Интересно, что некоторые решения Верховного суда Гренландии вступают в силу без одобрения Верховного суда Дании. В отличие от острова Гренландия, Фарерские острова имеют лишь один суд своей автономии, решение которого может быть обжаловано в Высшем восточном суде Королевства.

Автономии вправе заключать международные договоры, вступать в международные организации и союзы, иметь представительства в международных организациях, отдельные от представительства Дании. Важно отметить, что признается несоответствие направления международной политики Королевства и его автономий. Так, несмотря на тот факт, что Дания является участницей Европейского Союза с 1973 г., официально автономии государства в Европейский Союз не вступили.

Проанализировав данные положения законодательства, регламентирующего правовое положение автономий в унитарном государстве, можно сделать вывод об усилении процесса регионализации в Королевстве Дания. Учитывая закрепленное право сепарации двух автономий, вполне возможен выход Гренландии и Фарерских островов из состава Дании, их суверенизация.

Список литературы

1. *Исаев М. А.* Механизм государственной власти в странах Скандинавии. М., 2004.
2. *Исаев М. А.* Основы конституционного права Дании. М. : Муравей, 2002. 337 с.

3. *Лукашева Н. В.* Правовое положение автономных образований в странах Северной Европы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. Екатеринбург, 1998.
4. *Ракитская И. А.* Конституционные основы европейского сотрудничества Дании и роль Фолькетинга в европейской интеграции // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 3 (18).
5. *Ракитская И. А.* Правовой статус национально-территориальных автономий в Дании: элементы регионализации в унитарном государстве // Актуальные проблемы сравнительного, зарубежного и российского конституционного права. М. : МГИМО-Университет, 2017. С. 137–177.

СЕКЦИЯ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, ПРОЦЕСС И КРИМИНОЛОГИЯ

Волколупова Владислава Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург

Проблемы усиления противодействия публичному распространению треш-стримов

Аннотация. В работе проводится критический анализ отдельных положений, содержащихся в законопроекте № 506240-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за совершение преступлений с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть “Интернет”))».

Ключевые слова: криминогенная информация; распространение; уголовная ответственность; публичная демонстрация.

15 февраля 2024 г. в Государственной Думе РФ в первом чтении рассмотрен законопроект, направленный на усиление противодействия публичному распространению треш-стримов. В нем предлагается в качестве квалифицирующего признака в составах 10 преступлений

против личности включить «совершение с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть “Интернет”)», а также признать само совершение умышленного преступления с публичной демонстрацией «обстоятельством, отягчающим наказание, дополнив часть 1 статьи 63 УК РФ пунктом “о”».

Не прибегая к подробному анализу всех имеющихся в тексте законопроекта упущений, представляется целесообразным выделить лишь такие его положения, которые являются наиболее уязвимыми и представляются далеко не бесспорными.

1. Из содержания используемых авторами формулировок неясно, как нужно будет квалифицировать совершенное лицом умышленное преступление, если оно в момент осуществления своего деяния не осознавало, что его действия снимаются на видеокамеру (например, на месте преступления были установлены стационарные камеры видеонаблюдения), а впоследствии сделанные записи выкладываются третьими лицами в социальные сети («ВКонтакте» и др.).

Такой подход не вполне согласуется с вытекающим из принципа законности требованием «определенности» уголовно-правового запрета¹.

2. На наш взгляд, в законопроекте неоправданно используется чрезмерно «аморфная» и содержащая неопределенность базовая формулировка «совершение умышленного преступления с публичной демонстрацией». Неопределенность этого термина заключается в том, что в нем одновременно сочетаются два разных деяния: «преступление» и «публичная демонстрация», и при такой конструкции остается неясным, во-первых, предполагает ли данный квалифицирующий признак (публичная демонстрация) его наличие только во время совершения основного преступления (то есть именно самого «треш-стрима» в виде прямого эфира), или же он будет иметь место и в тех случаях, когда «публичная демонстрация» осуществляется не в прямом эфире, а спустя незначительное (а иногда и значительное)

¹ Наумов А. В. Конкретизация Конституционным судом принципа законности Уголовного кодекса РФ // Уголовное право. 2018. № 1. С. 88–94.

время после совершения «основного» преступления? Во-вторых, предлагаемая авторами законопроекта формулировка не позволяет привлекать к уголовной ответственности за публичное распространение в информационном пространстве криминогенной информации, в том числе и деструктивного контента в виде треш-стримов, уже ранее выложенных в социальные сети, путем активного расширения аудитории зрителей (перенесение этой информации на другие сайты).

Кроме того, если преступления были совершены в присутствии хотя бы одного постороннего очевидца и исполнитель осознавал данное обстоятельство, то буквальное толкование понятия «публичная демонстрация» не исключает вывода, что содеянное должно будет квалифицироваться по предлагаемым авторами законопроекта нормам как «умышленное преступление с публичной демонстрацией» (например, по п. «о» ч. 2 ст. 105, п. «и» ч. 2 ст. 111 УК РФ и т.п.).

Завершая критический анализ данного законопроекта, можно отметить, что его содержание нуждается в соответствующей корректировке, так как включение в УК РФ предлагаемых норм в данной редакции не способно в полной мере обеспечить на законодательном уровне достижение тех целей, которые заявлены авторами в пояснительной записке, и это неизбежно породит на практике новые правоприменительные проблемы.

Список литературы

1. *Наумов А. В.* Конкретизация Конституционным Судом принципа законности Уголовного кодекса РФ // Уголовное право. 2018. № 1. С. 88–94.

Манукян Аргишти Арсенович
Воронежский государственный университет
г. Воронеж

Возможности применения искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве

Аннотация. В контексте заявленной тематики проанализирован международный опыт применения искусственного интеллекта. Предложены возможные варианты внедрения в российское правовое пространство ИИ с учетом его очевидных технических преимуществ. Кроме этого, данная проблематика освещена со стороны философии права, в рамках дискурса о соотношении «буквы» и «духа» закона, соотношения общественного и личного блага.

Ключевые слова: искусственный интеллект; усмотрение суда; «дух» закона; «буква» закона; утилитаризм.

Уже на протяжении нескольких лет в обществе ведутся споры о возможности внедрения в различные сферы жизни человека искусственного интеллекта. ИИ уже активно применяется в медицине, различных отраслях науки и в других сферах человеческой жизнедеятельности. С высоких трибун начали говорить о применении искусственного интеллекта в государственном управлении. Не обошла стороной эта дискуссия и уголовное судопроизводство. Так, данный вопрос стал одним из пунктов недавнего поручения Президента от 14.01.2024, адресованного Председателю Следственного комитета, Министру внутренних дел и Председателю Верховного Суда РФ, о выработке предложений по применению ИИ. В данной статье мы попробуем дать ответ на базовый вопрос: возможно ли применение ИИ в уголовном судопроизводстве?

Первоначально нам необходимо разобраться с определением искусственного интеллекта: что оно из себя представляет и чем характеризуется?

Согласно утвержденной Указом Президента РФ Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, искусственный интеллект определяется как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека»¹.

Р. Н. Палиева, И. А. Семенцова в своем исследовании приходят к следующему выводу: «Искусственный интеллект — это определенная компьютерная программа, размещенная в вычислительной системе и адаптированная под обстоятельства окружающей среды, которая способна имитировать интеллектуальную деятельность человека»².

Кристофер Ригано, старший научный сотрудник Национального института правосудия (США), приводит следующее определение: «Искусственный интеллект — это способность машины самостоятельно воспринимать окружающую среду и реагировать на нее, а также выполнять задачи, которые обычно требуют человеческого интеллекта и процессов принятия решений, но без прямого вмешательства человека»³.

¹ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 27.01.2024).

² Палиева Р. Н., Семенцова И. А. Использование искусственного интеллекта и информационных технологий в ходе расследования уголовных дел // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2, Юридические науки. 2021. № 2 (28). С. 37.

³ Using Artificial Intelligence to Address Criminal Justice Needs [Электронный ресурс] // URL: <https://nij.ojp.gov/topics/articles/using-artificial-intelligence-address-criminal-justice-needs> (дата обращения: 27.01.2024).

Мы видим, что приведенные выше определения в общем и целом сходны и предполагают самостоятельность искусственного интеллекта при принятии решений, а также способность к самообучению без участия человека.

Судебная система и каждый отдельно взятый судья характеризуется обладанием внутренней независимостью (независимостью от эмоций, каких-либо предвзятых мнений о чем-либо и т.д.) и внешней независимостью (независимостью от иных лиц и воздействий с их стороны). Вместе с тем гарантировать полную независимость судей никто не может. Это связано с особенностями человеческой природы, характерной чертой которой является проявление чувств, эмоций и т.п.

Применив технологии искусственного интеллекта, мы сможем избежать таких проблем, как внепроцессуальное общение сторон с судьей, оказание давления на судью (т.е. посягательство на его внешнюю независимость), а также влияние чувств и эмоций судьи на принятие решения (т.е. посягательство на его внутреннюю независимость). Иными словами, применение искусственного интеллекта для принятия итогового решения по уголовному делу позволит исключить так называемый человеческий фактор, который является причиной многих следственных и судебных ошибок.

Однако у нас возникает вопрос: а стоит ли исключать человеческий фактор при осуществлении правосудия?

Общепризнано, что целью правосудия является установление справедливости. Философия права вывела различные подходы к справедливости. Исходя из утилитаристского подхода, мы можем сказать, что такого рода внедрения вполне оправдают себя. Искусственный интеллект сможет определять, какой из возможных вариантов принесет больше «общественной пользы». Вместе с тем жизнь человека не ограничивается арифметическими вычислениями «общественной пользы» и складывается из множества иррациональных факторов и ценностей.

В данном контексте нам полезно вспомнить подход русского философа А. И. Ильина, который полагал, что справедливость — это искусство неравенства. Может ли искусственный интеллект учесть всю возможную полноту человеческого поведения? Может ли ИИ учесть, например, такие традиционные ценности, как «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России»?⁴ Эти вопросы остаются открытыми.

Кажется, что указанные выше вопросы не имеют отношения к уголовному судопроизводству, а учет человеческого поведения не имеет значения для вынесения решения по уголовному делу. Вместе с тем действующее законодательство содержит ряд положений, учет которых вряд ли может быть обеспечен искусственным интеллектом. Так, например, УПК РФ содержит ч. 2 ст. 73 о выявлении обстоятельств, способствовавших совершению преступления. При назначении наказания, согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», судом должны учитываться данные о личности подсудимого; «к таковым могут, в частности, относиться данные о семейном и имущественном положении совершившего преступление лица, состоянии его здоровья, поведении в быту, наличии у него на иждивении несовершеннолетних детей, иных нетрудоспособных лиц (супруги, родителей, других близких родственников)»⁵. Кроме этого, часть 2 ст. 61 УК РФ устанавливает возможность суда

⁴ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 06.02.2024).

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/ (дата обращения: 06.02.2024).

учесть иные обстоятельства (не перечисленные в законе), смягчающие наказание подсудимого, оставляя данный перечень открытым, что дает место для применения судебного усмотрения. Хотелось бы также заметить, Уголовно-процессуальный кодекс РФ содержит в себе такое понятие, как «внутреннее убеждение».

Все вышеперечисленное подтверждает, что законодатель учитывает наличие иррациональных факторов в жизни человека, широкий спектр которых право никогда не сможет охватить.

Именно для этого уголовно-процессуальное право имеет институт судебного усмотрения, который и помогает судье учесть все вышеперечисленные факторы и вынести справедливое решение, исходя из конкретных обстоятельств конкретного уголовного дела. Охватить и учесть при вынесении решения такого рода факторы могут обладающие значительным жизненным и профессиональным опытом и ответственными знаниями следователи, прокуроры и судьи.

Кроме этого, применение искусственного интеллекта в очередной раз ставит нас перед вопросом о соотношении «духа» и «буквы» закона. Искусственный интеллект вряд ли будет способен применять закон, исходя из его «духа». Очевидно, что применение закона будет осуществляться по его «букве», что, в свою очередь, приведет к попытке тотального регулирования человеческой жизни.

Решение о применении «буквы» закона или его «духа» на данный момент принимается конкретным судьей по конкретному уголовному делу. Например, при рассмотрении уголовных дел в обвинении лиц в совершении преступления, предусмотренного частью 1 ст. 157 УК РФ, некоторые суды применяют в качестве смягчающего обстоятельства наличие малолетнего ребенка (в связи с формальным наличием данного смягчающего фактора в УК РФ), а иные не учитывают данное обстоятельство, так как преступление совершено в отношении того самого малолетнего ребенка⁶.

⁶ Как наличие детей влияет на приговоры: разъяснения ВС [Электронный ресурс] // URL: <https://pravo.ru/story/240616/> (дата обращения: 06.02.2024).

Таким образом, мы в очередной раз приходим к экзистенциальному конфликту ИИ с усмотрением суда. Следовательно, делая выбор за ИИ и против усмотрения суда, мы приходим к торжеству утилитаризма, тотальному регулированию человеческой жизни, а также формальному применению закона. В противном же случае, оставляя судебное усмотрение, у нас появляется возможность избежать тотального регулирования человеческой жизни, а также прийти к «золотой середине» между формальным применением закона и следованием его «духу», что позволит нам отойти от утилитаристского подхода.

Таким образом, мы приходим к выводу, что ИИ не способен учесть всю сложность человеческой жизни, которая не сводится к только лишь арифметическим расчетам. Вместе с тем для нас кажется очевидным, что правосудию в целом не стоит абсолютно отстраняться от технических достижений, в том числе и от ИИ. Достаточно успешно ИИ может применяться в правосудии в качестве помощника судьи и его аппарата, а также эффективно содействовать органам, осуществляющим предварительное расследование.

В настоящее время всё чаще судами апелляционной и кассационной инстанции отменяются приговоры суда в связи с наличием в итоговых решениях технических ошибок. Вместе с тем на апелляционное рассмотрение и повторное рассмотрение уголовного дела затрачиваются временные и трудовые ресурсы судебной системы. Затягиваются сроки рассмотрения уголовного дела, что наносит ущерб правам и законным интересам как потерпевшего, так и подсудимого. Полагаем, что внедрение искусственного интеллекта в проверку итогового судебного акта на наличие такого рода ошибок во многом способствует как сокращению сроков рассмотрения уголовных дел, так и увеличению качественного показателя работы судебной системы.

Интересно обратиться к международному опыту использования ИИ в уголовном правосудии. Европейские исследователи в большей степени обращают внимание на защиту прав человека при применении ИИ. Так, португальский исследователь Ф. Х. Дж. Тулио (Felippe Xavier Januário Túlio) при исследовании проблем использования ИИ в

уголовном судопроизводстве говорит о наличии рисков в реализации прав и свобод человека⁷. В данном контексте хотелось бы отметить, что Европейской комиссией по эффективности правосудия (ЕКЭП) принята Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих реалиях (2018 г.). Таким образом, в Западной Европе на данный момент разрешаются проблемы защиты прав человека при использовании ИИ.

Американские исследователи большое внимание уделяют использованию ИИ не на стадии рассмотрения уголовного дела в суде, а на стадии предварительного расследования и предупреждения совершения преступлений. Так, упомянутый ранее К. Ригано констатирует эффективность использования ИИ в прогнозировании криминальной обстановки⁸.

В Китайской Народной Республике с 2021 г. применяется система «умный суд», действующая на основе ИИ. Суть применения данной системы заключается в проверке искусственным интеллектом действий судьи (уведомление о нарушенных сроках, нарушений закона и т.д.)⁹.

На постсоветском пространстве особое внимание на себя обращает опыт Республики Казахстан, где с 2017 г. применяется система «Зандылык», которая позволяет проверять проекты документов на соответствие формальным требованиям закона¹⁰.

Таким образом, мы видим, что искусственный интеллект в указанных выше государствах применяется в качестве помощника судьи при вынесении итоговых решений. Применение ИИ данным способом, на наш взгляд, является оптимальным.

⁷ Artificial Intelligence in Criminal Proceedings: Human Rights at Risk? [Электронный ресурс] // URL: https://www.researchgate.net/publication/374385117_Artificial_Intelligence_in_Criminal_Proceedings_Human_Rights_at_Risk (дата обращения: 27.01.2024).

⁸ Using Artificial Intelligence to Address Criminal Justice Needs.

⁹ Еремеев Д. В. Перспективы использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8 (74). № 1. С. 143.

¹⁰ Еремеев Д. В. Указ. соч. С. 144.

В заключение хотелось бы сказать следующее.

Суд осуществляет правосудие ровно до того момента, когда у него есть свое усмотрение и решения принимаются по внутреннему убеждению.

Делегирование правосудия искусственному интеллекту приведет к тому, что правосудие превратится в государственную услугу. На наш взгляд, это недопустимо, так как уголовное правосудие решает вопросы, связанные со значительным ограничением конституционных прав и свобод граждан, влияет на жизнь человека и его семью. Такого рода метаморфозы, на наш взгляд, недопустимы.

Список литературы

1. *Еремеев Д. В.* Перспективы использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8 (74). № 1.
2. Как наличие детей влияет на приговоры: разъяснения ВС [Электронный ресурс] // URL: <https://pravo.ru/story/240616/> (дата обращения: 06.02.2024).
3. *Палиева Р. Н., Семенцова И. А.* Использование искусственного интеллекта и информационных технологий в ходе расследования уголовных дел // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2, Юридические науки. 2021. № 2 (28).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/ (дата обращения: 06.02.2024).
5. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 06.02.2024).
6. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 27.01.2024).

7. Artificial Intelligence in Criminal Proceedings: Human Rights at Risk? [Электронный ресурс] // URL: https://www.researchgate.net/publication/374385117_Artificial_Intelligence_in_Criminal_Proceedings_Human_Rights_at_Risk (дата обращения: 11.02.2024).
8. Using Artificial Intelligence to Address Criminal Justice Needs // National Institute of Justice. URL: <https://nij.ojp.gov/topics/articles/using-artificial-intelligence-address-criminal-justice-needs> (дата обращения: 11.02.2024).

Стефанович Анна Сергеевна

Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта

Криминалистическое исследование трупа методом рентгеновской компьютерной томографии

Аннотация. В статье описаны новые криминалистические методы исследования трупа. Произведен сравнительный анализ обычного секционного вскрытия и нового метода. Кроме этого, в работе отмечаются опасности, связанные с судебно-медицинской патологией. Раскрыты преимущества использования рентгеновской компьютерной томографии над инвазивной аутопсией, такие как возможность получить 3D-изображение и высокое разрешение снимков, что помогает выявить даже мельчайшие детали и изменения в теле погибшего.

Ключевые слова: виртопсия; КТ-исследование.

В сфере судебной медицины важное значение придается процедуре вскрытия. Аутопсия¹ — это исследование тела умершего, с целью обнаружения у него заболеваний, изменений, которые могли послужить причиной смерти.

Классическая аутопсия является основным методом, применяемым в судебно-медицинских и патологоанатомических исследованиях для выявления причины смерти, обнаружения повреждений, а также в случаях, когда имеются основания подозревать, что смерть является неестественной или требует применения специальных знаний, привлечения специалистов. Аутопсия широко применяется в

¹ Аутопсия // Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. 2-е изд., вновь перераб. и значит. доп. Т. 1–2. СПб., 1907–1909.

цивилизованных странах, ее назначение и порядок проведения определены законодательством². Однако, несмотря на все вышеприведенные преимущества данного метода, у него также имеются существенные недостатки.

При возникновении вопросов со стороны следствия или иных участников уголовного судопроизводства подтверждение обоснованности полученных выводов первичного судебно-медицинского исследования трупа вызывает большие сложности в связи с тем, что мягкие ткани подвержены разложению и при этом существенно меняют свой первоначальный вид. Назначение и проведение повторных, дополнительных или комиссионных экспертиз, сделанных по эксгумированным трупам, существенно затягивает сроки расследования и нередко не может дать достаточно объективных и научно обоснованных ответов на поставленные вопросы.

Стоит также сделать акцент на таких проблемах, как религиозные и этические. В регионах, где большинство населения исповедует ислам, данная проблема считается непреодолимой из-за соблюдения национальных традиций и религиозных предписаний. Религиозная этика не дает однозначного ответа на вопрос о проведении аутопсии. Ислам рассматривает этот вопрос достаточно неоднозначно, так как классическая аутопсия связана с нарушением физической целостности человеческого тела. В некоторых западных странах и государствах, где ислам является государственной религией, существуют религиозные запреты на вскрытие трупа умершего. В этой ситуации речь может идти в основном о соблюдении этических принципов по отношению к родственникам. Многие родственники категорически отказываются проводить классическое вскрытие. Данное право закреплено в ст. 67 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», регламентирующей проведение патологоанатомических исследований. При

² Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

наличии письменного заявления членов семьи, близких родственников или законного представителя умершего либо волеизъявления самого умершего, высказанного при его жизни, патологоанатомическое вскрытие при отсутствии подозрения на насильственную смерть не производится, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации. В данном случае аутопсия не проводится и заключение судебно-медицинского эксперта базируется только на визуальном осмотре трупа, однако это не позволяет экспертам сделать точное заключение о причине смерти, также это существенно затрудняет установление объективной истины при расследовании уголовных дел.

Особое внимание уделяется профессиональным заболеваниям сотрудников медицинских организаций. Работники судебно-медицинского бюро имеют высокие риски заражения инфекционными заболеваниями. Они сталкиваются с различными источниками инфекции, такими как кровь, слюна, выделения из ран, тканевые образцы и другие биологические материалы, которые могут содержать патогены. Некоторые из этих инфекций, такие как гепатиты В и С, ВИЧ-инфекция и туберкулез, являются особенно опасными. Судебно-медицинский эксперт должен знать о ВИЧ-статусе до момента вскрытия, чтобы снизить риски заражения, однако он не всегда владеет информацией относительно вскрываемого трупа, т.к. в некоторых случаях отсутствует прижизненная медицинская документация на предмет инфицированности секционного материала ВИЧ-инфекцией, туберкулезом, гемоконтактными гепатитами. Показатели профессиональной заболеваемости в России в последние три года находятся в диапазоне 1,71–1,79 на 10 тыс. работников. Зарегистрировано более 23 тыс. случаев впервые установленных профессиональных заболеваний и отравлений.

Поэтому важную роль для бюро судебно-медицинской экспертизы играет соблюдение правил безопасности при выполнении своей работы. Это регламентируется статьями 25, 26, 29 и 33 Федерального закона от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 12.05.2010 № 346н «Об утверждении

Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации», приказом Министерства здравоохранения РФ от 06.06.2013 № 354н «О порядке проведения патолого-анатомических вскрытий». Эти меры по обеспечению безопасности помогают обеспечить безопасные условия работы в морге. Каждое учреждение разрабатывает комплекс профилактических мер, который включает в себя улучшение осведомленности сотрудников об основах безопасности и рисках, связанных с выполнением их профессиональных обязанностей; внедрение мер по предотвращению этих рисков и применению безопасных методов работы; улучшение культуры соблюдения правил безопасности на рабочем месте.

В данный момент ведущее место занимает разработка новых технологий посмертного исследования трупа, которые не требуют выполнения инвазивных процедур. Одним из таких способов является виртуальная аутопсия, которая проводится при помощи рентгеновских методов компьютерной томографии (КТ и МСКТ) с применением 3D-технологий. Традиционные инвазивные методы всё еще используются в Российской Федерации, никаких альтернатив виртуальной аутопсии не существует, но развитие современных медицинских технологий позволяет внедрить такие инновационные методы уже сегодня. Виртуальная аутопсия, или виртопсия, — это методика посмертного исследования тела, объединяющая проведение классического судебно-медицинского вскрытия с предварительным использованием КТ или МРТ-исследования без применения контрастных веществ³. Таким образом, виртуальная аутопсия представляет собой вскрытие с использованием цифровых технологий в построении послойного трехмерного изображения трупа с помощью компьютерного и магнитно-резонансного томографа без классических секционных разрезов тканей и внутренних органов трупа.

³ Клевно В. А., Чумакова Ю. В. Виртопсия — новый метод исследования в практике отечественной судебной медицины // Судебная медицина. 2019. № 5 (2). С. 27-31.

Виртуальная аутопсия имеет множество преимуществ, которые способствуют популяризации этого метода в судебной медицине. Одним из главных преимуществ является возможность сохранить тело умершего, что очень важно для представителей многих религий. Это также может быть важным фактором для уважения культурных и религиозных традиций. Проведение КТ-исследования занимает сравнительно короткий промежуток времени (1,5–2 часа). Вместо того чтобы физически перемещать тело и проводить его осмотр вручную, виртуальное вскрытие позволяет быстро и точно создавать 3D-модели органов и тканей. Это делает процесс вскрытия более эффективным и экономичным во временном аспекте. С точки зрения исламского вероучения применение неинвазивного метода виртуальной аутопсии позволяет не затягивать ритуальное захоронение, что очень важно для мусульман, которым предписано хоронить усопших в первый же день после смерти, до захода солнца. Также это возможность более быстрого, детального и щадящего исследования областей тела человека, что является технически сложным для традиционного вскрытия. Посмертная визуализация может помочь в выявлении признаков прижизненных повреждений в случаях механической травмы. Актуальность и практическая востребованность метода виртуальной аутопсии в нашей стране обусловлена, кроме того, проблемой исследования трупов людей, погибших в ходе локальных военных конфликтов, антитеррористических операций, и жертв массовых техногенных и природных катастроф.

Важным положительным аспектом виртопсии является мобильность. Технику можно размещать практически в любом помещении. Разумеется, это требует соблюдения правил, регламентирующих использование подобного оборудования. Результаты исследования могут быть распечатаны в традиционном (бумажном) варианте или сохранены на электронных носителях. Использование метода виртуального вскрытия, несомненно, значительно облегчит работу криминалистов по делам о нераскрытых преступлениях и одновременно повысит ее качество, поскольку они смогут увидеть тело таким, каким оно было в момент обнаружения.

Таким образом, использование виртуального вскрытия в криминалистическом исследовании трупа является инновационным и эффективным подходом, который может привести к более точным и надежным результатам. Он позволяет совершать осмотр трупа в цифровом формате, что упрощает и ускоряет процесс исследования, а также позволяет сохранить целостность тела жертвы, что очень важно для некоторых религий.

Однако, несмотря на все преимущества использования виртуального вскрытия, оно не является полной заменой традиционному вскрытию. Виртуальные технологии могут быть ограничены в точности и подробности, что может привести к упущению важных деталей и следов. Кроме того, виртуальное вскрытие не позволяет проводить дополнительные исследования, такие как взятие образцов техническим способом или изучение внутренних органов под микроскопом.

Тем не менее виртуальное вскрытие приносит значительные преимущества в криминалистическое исследование. Оно позволяет ускорить процесс расследования и достигнуть более точных результатов, что может быть особенно полезно в сложных и запутанных делах. Более того, такой подход может сэкономить ресурсы и снизить риск заражения работников лаборатории при обработке зараженных трупов.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что виртуальное вскрытие трупов является ценным инструментом в современной криминалистике. Оно может быть использовано в сочетании с традиционными методами, чтобы получить более полную и надежную информацию о причинах смерти и других важных деталях, что способствует более эффективному расследованию преступлений.

Список литературы

1. Алексеев А. А. Предварительные криминалистические исследования следов на месте происшествия : учеб. пособие. М., 1987. 194 с.
2. Дадабаев В. К., Стрелков А. А. Возможности применения рентгенологических методов исследования в судебно-медицинской и криминалистической экспертной деятельности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 4. С. 122–123.
3. Клевно В. А., Кучук С. А., Максимов А. В. [и др.]. Итоги судебно-экспертной деятельности Бюро судебно-медицинской экспертизы Московской области в 2018 году : датированный ежегодник / под ред. В. А. Клевно. М. : Ассоциация СМЭ, 2019.
4. Клевно В. А., Чумакова Ю. В. Виртопсия — новый метод исследования в практике отечественной судебной медицины // Судебная медицина. 2019. № 5 (2). С. 27–31.
5. Ковалев А. В., Кинле А. Ф., Коков Л. С., Синицын В. А., Фетисов В. А., Филимонов Б. А. Реальные возможности посмертной лучевой диагностики в практике судебно-медицинского эксперта // Consilium medicum. 2016. № 18 (13). С. 9–25.
6. Коков Л. С., Кинле А. Ф., Синицын В. Е., Филимонов Б. А. Возможности посмертной визуализации в судебно-медицинской экспертизе трупа: обзор и критический анализ литературы // Лучевая диагностика. Судебная медицина. 2015. № 1. С. 1–28.
7. Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. 2-е изд., вновь перераб. и значит. доп. Т. 1–2. СПб., 1907–1909.
8. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 13.09.2023).

Наумов Артем Алексеевич

Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова
г. Москва

Уголовно-правовые аспекты суррогатного материнства

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы регулирования вспомогательных репродуктивных технологий, их охрана, и обращается внимание законодателя на необходимость немедленного реагирования в части специфики преступности.

Ключевые слова: торговля людьми; мошенничество; вымогательство; суррогатное материнство.

Наряду с характеристикой междисциплинарности как тренда науки XXI в., отдельные научные области, комбинируя существующую базу знаний, образуют новые сферы исследований, которые нуждаются в реагировании со стороны государства и правового поля в целом — к таким относят и биомедицину¹.

К числу современных биомедицинских технологий относят вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ), которые изначально разрабатывались и использовались для терапии², а потом стали применяться повсеместно.

¹ См., например: *Левушкин А. Н.* Биополитика, биомедицина, биоэтика, биоправо: синергия биотехнологий // Современные проблемы и перспективы развития частного правового и публично-правового регулирования : сборник материалов V Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию кафедры гражданского права Института права Башкирского государственного университета, Уфа, 22 апреля 2022 г. Уфа : Башкирский государственный университет, 2022. С. 173–177.

² См., например: *Саввина О. В.* Дискурс о моральной оправданности и регулировании медицинских биотехнологий (на примере экстракорпорального оплодотворения) // Этическая мысль. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-om-moralnoy-opravdannosti-i-regulirovaniy-meditsinskih-biotekhnologiy-na-primere-ekstrakorporalnogo-oplodotvoreniya> (дата обращения: 17.02.2024).

Темпы внедрения новых методов в медицинскую практику опережают развитие нормативной базы в рассматриваемой сфере общественных отношений, что приводит к серьезным злоупотреблениям.

В иностранной литературе всё чаще встречается понятие *womb for rent*³, с которым связано несколько довольно громких уголовных дел в РФ. Одним из таких стало «единцовское»⁴, в рамках которого было установлено, что суррогатным матерям якобы делали экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО) под видом лечения бесплодия, после чего предполагалась передача новорожденных детей иностранным родителям. Примечательно, что для преступлений такого плана характерен признак организованной группы, в которую, помимо врачей и самих суррогатных матерей, входили переводчики, юристы и менеджеры, которые занимались юридико-организационным сопровождением сделок с потенциальными родителями. Подобные покушения и оконченные преступления, связанные с куплей-продажей несовершеннолетних (в том числе и с последующим перемещением через границу РФ), привлекли внимание общественности⁵, в результате чего были приняты изменения в законодательстве⁶, которые искоренили возможность пользования услугами суррогатной матери и ЭКО в целом в РФ для иностранцев.

³ В статье термин использован не в прямом значении: в РФ запрещено традиционное суррогатное материнство, под которым понимается генетическая связь суррогатной матери и отца. См., например: *Leibowitz-Dori I. Womb for Rent: The Future of International Trade in Surrogacy* // *Minnesota Journal of International Law*. 1997. P. 329–354.

⁴ Приговор Никулинского районного суда г. Москвы от 03.11.2023 № 01-0010/2023 [Электронный ресурс] // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/nikulinskij/services/cases/criminal/details/95c03b90-1ee9-11ed-9c6f-47eaae548150> (дата обращения: 17.02.2024).

⁵ Володин заявил, что запрет на суррогатное материнство для иностранцев примут в декабре [Электронный ресурс] // ТАСС : сайт. URL: <https://tass.ru/politika/16435919> (дата обращения: 17.02.2024).

⁶ Федеральный закон от 19.12.2022 № 538-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Сегодня суррогатное материнство предоставляет возможность медицинским центрам «наживаться» на несчастье людей. Создание клиник суррогатного материнства с целью предоставления соответствующих услуг уже не является чем-то новым⁷, однако обманутых пользователей услуг становится всё больше. По причине указания в составляемых такими центрами договорах об отсутствии 100 %-й гарантии наступления беременности у суррогатной матери компании берут оплату за услуги сразу в полном объеме, после чего представители сообщают о неприжившихся эмбрионах. Такая схема мошенничества известна довольно широкому кругу одиноких женщин и семейных пар, пытавшихся стать родителями. Примечательно, что суды зачастую отказываются возбуждать уголовные дела по причине отсутствия состава преступления, ведь, как может показаться на первый взгляд, услуга по трансплантации эмбриона была оказана, а все риски были оговорены сторонами и очерчены гражданско-правовым договором. Так, после попыток возбуждения уголовного дела по составу мошенничества в особо крупном размере клиника прекратила свою деятельность, а следователи закрыли дело за неимением улик⁸. Это позволяет создавать новые клиники и организовывать свою деятельность на постоянной основе на всей территории РФ, поэтому видится необходимым предоставление гарантий обратившимся за услугами в случае невозможности ее оказания.

Иная правовая проблема использования суррогатного материнства — возможность суррогатной матери заявить свои родительские права на ребенка, тем самым лишив биологических родителей таких прав. В странах, где технология разрешена, приоритет имеется у сур-

⁷ Так, создание первой подобной клиники датируется 1995 годом. См., например: Трифонова Н. С., Жукова Э. В., Ищенко А. И., Александров Л. С. Суррогатное материнство: исторический обзор. Особенности течения беременности и родов // Российский вестник акушера-гинеколога. 2015. № 15 (2). С. 49–55.

⁸ Подсадная детка: дело клиники суррогатного материнства вновь рассмотрит суд [Электронный ресурс] // Известия : сайт. URL: <https://clck.ru/38t7CR> (дата обращения: 17.02.2024).

рогатной матери, которой предоставляется срок для принятия соответствующего решения⁹. В РФ такой срок не установлен, однако вместо этого есть другое — наступление события, которым выступает запись в книге актов гражданского состояния, то есть тот, кто указан в свидетельстве о рождении ребенка, выступает родителем юридически. Несмотря на гипотетическую возможность удовлетворения иска генетических родителей к суррогатной матери о передаче им ребенка и записи о родительстве¹⁰, даже при предоставлении договора о суррогатном материнстве суды определяют императивность норм семейного законодательства¹¹ при реализации цели суррогатного материнства — бесплодия¹², разрешая такие дела в пользу суррогатной матери. Такие действия законодателя предоставляют суррогатной матери широкие рычаги давления на биологических родителей вынашиваемого ею ребенка: возможность требования обеспечения высокого уровня жизни на постоянной основе. Мне представляется, что нормы СК РФ подлежат корректировке в диспозитивную плоскость, которая была бы основана на справедливом усмотрении суда и при непосредственном соблюдении интересов ребенка.

Таким образом, современное состояние регулирования методов вспомогательной репродукции имеет множество правовых коллизий, которые требуют законодательного реагирования и устранения. Развитие ВРТ сегодня сопровождается ростом преступности в сфере

⁹ Например, в США это период от 3 до 10 дней в зависимости от штата. См., например: *Field M. A. Surrogate Motherhood: The Legal Issues* [Электронный ресурс] // *NYLS Journal of Human Rights*. 1987. Vol. 4. Iss. 2. Art. 5. P. 516.

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей». Ч. 4 ст. 31.

¹¹ Определение Конституционного Суда РФ от 15.05.2012 № 880-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч. П. и Ч. Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»».

¹² Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Ст. 55.

охраны жизни и здоровья человека, защита которых является основными аспектами деятельности государства, что требует соответствующего немедленного реагирования.

Список литературы

1. Володин заявил, что запрет на суррогатное материнство для иностранцев, примут в декабре [Электронный ресурс] // ТАСС : сайт. URL: <https://tass.ru/politika/16435919> (дата обращения: 17.02.2024).
2. *Левушкин А. Н.* Биополитика, биомедицина, биоэтика, биоправо: синергия биотехнологий // Современные проблемы и перспективы развития частноправового и публично-правового регулирования : сборник материалов V Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию кафедры гражданского права Института права Башкирского государственного университета, Уфа, 22 апреля 2022 г. Уфа : Башкирский государственный университет, 2022.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 15.05.2012 № 880-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч. П. и Ч. Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»».
4. Подсадная детка: дело клиники суррогатного материнства вновь рассмотрит суд [Электронный ресурс] // Известия : сайт. URL: <https://clck.ru/38t7CR> (дата обращения: 17.02.2024).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей».
6. Приговор Никулинского районного суда г. Москвы от 03.11.2023 № 01-0010/2023 [Электронный ресурс] // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/nikulinskij/services/cases/criminal/details/95c03b90-1ee9-11ed-9c6f-47eaae548150> (дата обращения: 17.02.2024).
7. *Саввина О. В.* Дискурс о моральной оправданности и регулировании медицинских биотехнологий (на примере экстракорпорального оплодотворения) // Этическая мысль. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-o-moralnoy-opravnannosti-i-regulirovanii-meditsinskih->

biotehnologiya-na-primere-ekstrakorporalnogo-oplodotvoreniya (дата обращения: 17.02.2024).

8. Трифонова Н. С., Жукова Э. В., Иценко А. И., Александров Л. С. Суррогатное материнство: исторический обзор. Особенности течения беременности и родов // Российский вестник акушера-гинеколога. 2015. № 15 (2). С. 49–55.
9. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».
10. Федеральный закон от 19.12.2022 № 538-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
11. *Field M. A.* Surrogate Motherhood: The Legal Issues // *NYLS Journal of Human Rights*. 1987. Vol. 4. Iss. 2. Article 5. P. 516.
12. *Leibowitz-Dori I.* Womb for Rent: The Future of International Trade in Surrogacy // *Minnesota Journal of International Law*. 1997. P. 329–354.

СЕКЦИЯ

ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Семенова Екатерина Александровна

Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова
г. Москва

Онлайн-технологии судопроизводства в китайском и российском судопроизводстве: к вопросу о перенятии китайского опыта информатизации гражданского процесса

Аннотация. В статье раскрывается использование китайскими судами формы онлайн-заседаний при разрешении дел в гражданском процессе. Отмечается наличие экспериментов в области цифровых технологий в российском судопроизводстве, подчеркивается необходимость большего внедрения и распространения последних на гражданский и арбитражный процесс.

Ключевые слова: онлайн-заседания; гражданский процесс; веб-конференция; цифровые технологии в судопроизводстве.

Искусственный интеллект и цифровые технологии внедряются в китайскую судебную систему с 2016 г. Пилотным проектом стало учреждение в 2017 г. онлайн-суда в Ханчжоу, на примере которого в дальнейшем изучался и разрабатывался онлайн-процесс¹. Этот суд должен был стать первым онлайн-судом в мире и рассматривать несколько категорий административных и гражданских дел. В дальнейшем к нему присоединились Пекин и Гуанчжоу. Каждый из этих судов должен был установить свои собственные процедурные правила судопроизводства, в соответствии с которыми осуществлять рассмотрение дел по следующим категориям:

1. Онлайн-покупки и сетевое обслуживание потребителей.
2. Займы и микрозаймы в Интернете.
3. Авторские и смежные права и их нарушения.
4. Нарушения прав в Интернете и пиратство².

На специальной судебной платформе истцом заполняется заявление с сопутствующей аутентификацией лица (чаще всего по биометрическим данным). При этом это может быть не только гражданин КНР, но и в определенных случаях иностранец (например, в трансграничных судебных разбирательствах)³.

Интересно, что даже в онлайн-судопроизводстве китайский правоприменитель не отказался от процедур медиации. В Китае достаточно сильно развита восточная культура примирения, и сторонам,

¹ *Meirong Guo*. Internet court's challenges and future in China // *Computer Law & Security Review*. 2021. Vol. 40. 105522. ISSN 0267-3649. URL: <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2020.105522>.

² *Sang J.* Internet court on solving online consumer contract disputes: Case of China // *Digital Law Journal*. 2021. No. 2(3). P. 23-45. URL: <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-3-23-45>.

³ *Zuigao Renmin Fayuan Guanyu Wei Kuajing Susong Dangshiren Tigong Wngshang Li'an Fuwu De Ruogan Guiding* (最高人民法院关于为跨境诉讼当事人提供网上立案服务的若干规定) [Several provisions of the supreme people's court on providing online case docketing services for parties to cross-border litigation] (promulgated by the Judicial Comm. Sup. People's Ct., Feb. 3, 2021, effective Feb. 3, 2021) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.court.gov.cn/shenpan-xiangqing-286341.html> (дата обращения: 31.03.2024).

прежде чем перейти к исковой форме защиты права, предлагается решить спор договоренностью (online pre-trial meeting).

Если же стороны не смогли разрешить ситуацию в медиативном порядке, в течение семи дней документы рассматриваются судом к принятию. Он может принять их, вернуть на доработку или отклонить (как в типичном цивилистическом процессе).

После принятия дела к производству онлайн-суд обеспечивает сторонам возможность изучить претензии друг к другу, а также доказательства, на которых основываются требования. Важно подчеркнуть, что на ответ на исковое заявление и взаимный обмен доказательствами отводится столько же времени, сколько и в обычном процессе, — 15 дней⁴.

В целом онлайн-процесс судебного исследования доказательств, досудебной подготовки, прений в суде является более гибким, чем офлайн-процесс, так как может регулироваться и контролироваться самими сторонами. Слушания по простым делам могут проходить в ускоренном и упрощенном порядке.

Ключевое, что делает онлайн-процесс крайне удобным с точки зрения сроков, — это публикация протокола судебного заседания на онлайн-платформе незамедлительно после окончания судебного заседания; таким образом, стороны в режиме реального времени могут вносить свои возражения и замечания на отраженный в протоколе ход заседания⁵. Это представляется нам оптимальным, так как сторонам не нужно вносить замечания на протокол, которые потом будут рассматриваться судьей в течение 5 дней, как это урегулировано нашим законодательством⁶; на наш взгляд, это во многом лишняя бюрократия, отнимающая время, вредящая процессу, а замечания на

⁴ Article 125 Civil Procedure Law of the People's Republic of China (Revised in 2017) [Электронный ресурс] // URL: <https://cicc.court.gov.cn/html/1/219/199/200/644.html> (дата обращения: 31.03.2024)

⁵ Hangzhou. Internet Court's Notice Regarding the Parties' Rights and Duties [Электронный ресурс] // URL: https://www.netcourt.gov.cn/portal/indexRpc/viewProcedure.json?fileIdStr=GF4xuySAVK96BwS_JoolRA (дата обращения: 31.03.2024).

⁶ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

протоколирование, как нам представляется, могут быть не столь формализованными.

Для КНР того времени интернет-суды были важной инновацией. Это было началом имплементации механизма ODR (online dispute resolution) в политическую и правовую систему государственного и частного управления и бизнеса в Китае. Онлайн-судопроизводство для китайского правоприменителя стало шагом в сторону «разумного верховенства права»⁷.

Проработав в пилотном режиме несколько лет, онлайн-процессы приобрели активное распространение после пандемии коронавируса COVID-19.

В августе 2021 г. Верховным народным судом КНР были выпущены Правила судебного разбирательства в народных судах в Интернете⁸, которые, по сути, расширяют ГПК КНР и являются как бы отдельным «мини-законом». Документ содержит 39 статей и регулирует общие принципы онлайн-заседаний, порядок рассмотрения доказательств в онлайн-заседаниях, процедурные и технические аспекты проведения онлайн-заседаний. Наличие такого рода общеобязательного судебного документа, безусловно, свидетельствует как об отходе от позитивистской парадигмы китайского правоприменителя, так и о стремлении вывести цифровизацию на действительно общенациональный уровень.

После издания Верховным народным судом данного документа повсеместное применение онлайн-судопроизводства вышло на качественно новый уровень. В декабре 2022 г. Верховным народным судом было выпущено Мнение о регулировании и усилении применения искусственного интеллекта в судебной сфере, в котором высший

⁷ *Shu Yihong, Xu jisheng*. From online dispute resolution to internet court // People's Court Daily. 11 November 2017. URL: <https://www.chinacourt.org/article/detail/2017/11/id/3071479.shtml> (дата обращения: 31.03.2024).

⁸ Правила судебного разбирательства в народных судах в Интернете (2021 г.) 人民法院在线诉讼规则 [Электронный ресурс] // URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/online-litigation-rules-for-people-s-courts-20210616/intro> (дата обращения: 18.02.2024).

судебный орган страны подчеркнул, что до 2025 г. все суды должны будут внедрить использование искусственного интеллекта в судопроизводство, а до 2030 г. — обеспечить технологическое и информационное сопровождение всего судебного процесса.

Верховный народный суд КНР дал очень мощную правовую мотивацию другим судам внести свои правила по рассмотрению дел в судах в онлайн-режиме, и, стоит сказать, это дало свои плоды.

Так, согласно общей статистике работы судов за 1-е полугодие 2023 г., опубликованной на сайте Верховного народного суда КНР, в суды поступило около 8 млн дел по гражданским и коммерческим делам из 15 млн дел по всем категориям⁹. При этом 7 млн из 15 млн дел в целом были заявлены онлайн и около 650 000 элементов имущества были реализованы на онлайн-торгах. Это говорит о том, что и в гражданском и арбитражном процессе, и в исполнительном производстве активно используются онлайн-технологии.

Онлайн-судопроизводство покрывает различные категории гражданских споров. Например, Высшим народным судом провинции Шаньдун рассматривалась апелляционная жалоба на решение суда первой инстанции по договору страхования морского судна. В решении было указано, что правила судебного разбирательства в народных судах в Интернете не предусматривают, что свидетели, выступающие в суде онлайн, должны подписывать залог. Отмечается также, что истец подал иск о страховом возмещении онлайн 15 февраля 2023 г.¹⁰, это свидетельствует о высокой цифровой культуре китайских граждан и их умении справляться с новыми технологиями.

⁹ The Supreme People's Court of the People's Republic of China [Электронный ресурс] // Main statistics of judicial adjudication in 2023 H1. URL: https://english.court.gov.cn/2023-08/11/c_944961.htm (дата обращения: 18.02.2024).

¹⁰ 瞿财产保险公司、王某芳等海上、通海水域保险合同纠纷民事二审民事判决书 [Электронный ресурс] // 2023 鲁民终1590号. URL: <https://wenshu.court.gov.cn/website/wenshu/181107ANFZoBXSK4/index.html?docId=bxgt3h4TT1oazH+Hg7hrM-Rkso4nRUaEjzL8crrMyjYB93oi4NMtu1st12j8Qnok3sq1l6GPmipYd-BekGTwRXrTYWbeoCoQinOaPmg3bXc88+3Z8MrBdkDVOKIGtsXwttVgwqdYe4+sw=> (дата обращения: 18.02.2024).

Выносятся онлайн-решения и по спорам в порядке упрощенного судопроизводства, например решение народного суда провинции Чжуанхэ по трудовому спору¹¹. Интересно, что в резолютивной части дана ссылка на Правила судебного разбирательства в народных судах в Интернете. В частности, документ отсылает к ст. 25 Правил о поведении в онлайн-заседании. В данной статье отмечается, что неявка без уважительных причин в онлайн-заседание запрещена. Собственно, это же было отражено и в мотивировочной части решения (согласно делу, ответчик онлайн не явился).

Доказательством того, что онлайн-правосудие — полноценное правосудие, которое способно подвергаться ревизии, на наш взгляд, служит тот факт, что на решения онлайн-судов часто подаются апелляционные жалобы, которые чаще всего рассматриваются уже очно, но при этом не исключается возможность онлайн-апелляции. Можно сделать вывод, что онлайн-правосудие подвергается судебному контролю и пересмотру в том же порядке, как и очное правосудие, что свидетельствует об одинаковом отношении правоприменителя к обоим способам рассмотрения дел и отсутствию дискриминации в отношении онлайн-процесса.

Стоит отметить, что довольно распространенная категория дел, рассматриваемая онлайн, — споры по частному кредитованию между физическими лицами. Представляется, что подобные типовые дела легко разрешаются в виртуальной реальности в силу возможности представить доказательства в режиме онлайн (долговые расписки, информация по счетам в банке, переписки в WeChat). Это разгружает низовые звенья народных судов от очных судебных тяжб и служит цели процессуальной экономии. Думается, что и российскому правоприменителю стоило бы вносить онлайн-элементы в упрощенное и приказное производство. Для нашей текущей статистической карты

¹¹ 砾先斌、高文宫劳动合同纠纷民事一审民事判决书 [Электронный ресурс] // 2023 辽0283民初3205号. URL: <https://wenshu.court.gov.cn/website/wenshu/181107ANFZoBXSJK4/index.html?docId=SgtEef6D6MlmoT6XJ7ScQYeocaIpd1XtrQZggmG6f/gNDDbOJ4odbMt12j8Qnok3sq1l6GPmpipYdBekGTwRXrTYWbeoCoQinOaPmg3bXc88+3Z8MrBdkDe4EnFKVKp/uVgwdYe4+sw> (дата обращения: 18.02.2024).

судебной загруженности представляется правильным в первую очередь помочь мировым судьям, так как на их плечи ложится очень большой массив типовых небольших дел, которые, несмотря на их простоту, дают именно своим количеством.

Из интересных экспериментов, которые проходили в России на фоне постковидного онлайн, можно отметить опыт белгородских судей, которые внедрили помощь искусственного интеллекта для подготовки судебных приказов по взысканию транспортного, имущественного и земельного налога¹². По словам председателя Совета судей РФ В. В. Момотова, пилотный проект был введен не для того, чтобы выносить сами судебные приказы, а чтобы готовить необходимые документы и проверять реквизиты¹³. Нечто подобное отмечается и у китайских коллег: итоговая ревизия судебного документа остается за обычным судьей, но у него появляется искусственный помощник, который переводит все в онлайн и сильно упрощает судье документооборот. Из недостатков данной инициативы — ее ограниченность рамками одного субъекта и очевидное отсутствие дальнейшего развития.

В 2022 г. была обновлена Федеральная целевая программа «Развитие правосудия в Российской Федерации на 2013–2024 годы». Согласно этой программе, предполагается ряд мероприятий по информатизации судебной системы, в числе которых:

— предоставление гражданам возможности использовать информационные технологии как при получении информации о деятельности судов Российской Федерации, так и на каждом этапе судебного процесса, начиная со дня обращения в суд и до окончания судебного процесса;

¹² Куликов В. Суды подключили искусственный интеллект к взысканию транспортного налога [Электронный ресурс] // Rg.ru. URL: <https://rg.ru/2021/04/10/sudy-podkliuchili-iskusstvennyj-intellekt-k-vzyskaniyu-transportnogo-naloga.html> (дата обращения: 18.02.2024).

¹³ Выступление председателя Совета судей РФ Момотова В. В. на пленарном заседании Совета судей РФ 25 мая 2021 г. [Электронный ресурс] // Совет судей Российской Федерации. URL: <http://www.ssrp.ru/news/vystupleniia-intierv-iu-publikatsii/42229> (дата обращения: 18.02.2024).

— создание условий для электронного судопроизводства, предусматривающего упрощение процедур подачи в суд исковых заявлений, жалоб в электронном виде, получения копий документов и ознакомления с материалами дела¹⁴.

Внедрение новых электронных технологий уже началось: летом 2023 г. у граждан России появилась возможность подавать документы в суд через МФЦ (сначала нововведение появилось в Москве, а потом во всей стране). Для использования нового цифрового сервиса необходимо иметь подтвержденную учетную запись в сервисе «Мои документы». В системе появился доступ к 3 сервисам, облегчающим возможность отправления судебного заявления для граждан:

1. «Интерактивный помощник» — подсистема сервиса, которая позволяет в диалоговом режиме гражданам, не обладающим юридическими навыками, составить исковое заявление по наиболее востребованным, социально значимым жизненным ситуациям и направить его в электронном виде в суд.

2. «Модуль определения подсудности» — поможет определить подсудность иска.

3. «Калькулятор пошлин» — автоматический расчет государственной пошлины¹⁵.

Новыми технологиями активно пользуется население, и, надо сказать, во многом это обуславливается тем, что они были централизованно выведены на общий уровень государственных услуг. Это обеспечивает повсеместное использование цифровых технологий и помогает гражданам лучше разбираться с исковой формой защиты права в ее быстром и более экономном варианте.

¹⁴ Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 «О федеральной целевой программе “Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы”» // СЗ РФ. 2013. № 1. Ст. 13.

¹⁵ Подать исковое заявление в московские суды общей юрисдикции стало возможным через центры государственных услуг «Мои документы» [Электронный ресурс] // URL: [https://mos-gorsud.ru/mgs/news/podat-iskovoe-zayavlenie-v-moskovskie-sudy-obshhej-yurisdiksii-stalo-vozmozhnym-через-tsentry-gosudarstvennyh-uslug-moi-dokumenty](https://mos-gorsud.ru/mgs/news/podat-iskovoe-zayavlenie-v-moskovskie-sudy-obshhej-yurisdiksii-stalo-vozmozhnym-cherез-tsentry-gosudarstvennyh-uslug-moi-dokumenty) (дата обращения: 24.09.2023).

Не сто́ит забывать и про наличие постковидных статей о веб-конференциях как форме рассмотрения дел в гражданском и арбитражном процессуальных кодексах. К сожалению, в настоящий момент такая форма судопроизводства крайне непопулярна, авторы отмечают технические сложности проведения веб-конференций, отсутствие четкого регулирования срока рассмотрения судьей ходатайства о проведении заседания в форме веб-конференции (судья может рассмотреть ходатайство в последний день пятидневного срока)¹⁶ и пр. Ни гражданский обыватель, ни судебный правоприменитель не изъявляют желания переходить в онлайн: в российских судах порой нет даже публичного WiFi, что уж говорить о возможности создания бесперебойного телемоста между судом, истцом и ответчиком. В любом случае остается возможность пользования ГАС «Правосудие» для тех участников судопроизводства, кто хочет сэкономить время и нервы, — и здесь мы не отстаем от китайских граждан.

Таким образом, несмотря на серьезные шаги в сфере цифровизации российского судебного делопроизводства и документооборота, само рассмотрение дел в российских судах всё еще придерживается «старого доброго» рассмотрения дел очно, при присутствии всех сторон в зале суда. И конечно, для того, чтобы появилась какая-то альтернатива, нужны соответствующие условия и надлежащее правовое регулирование онлайн-судопроизводства.

Представляется, что Китай становится цифровой сверхдержавой в мире судоустройства и судопроизводства. Россия старается автоматизировать многие технические процессы документооборота судов и даже доверять искусственному интеллекту отдельные процессуальные действия, однако у китайских правоприменителей, безусловно, больше и опыта, и программных документов, которые этот процесс цифровизации регламентируют. Хочется выразить надежду, что Верховный Суд РФ когда-нибудь выпустит разъяснения по цифровиза-

¹⁶ Решетникова И. В. Процессуально-правовые аспекты проведения веб-конференции в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 7. С. 31–33.

ции судопроизводства, даст руководящие указания нижестоящим судам по применению онлайн-платформ, и использование онлайн-технологий будет не только на бумаге в процессуальных кодексах, но и в реальности с наличием качественной онлайн-связи и необходимым оборудованием в судах.

Список литературы

1. Выступление председателя Совета судей РФ Момотова В. В. на пленарном заседании Совета судей РФ 25 мая 2021 г. [Электронный ресурс] // Совет Судей Российской Федерации. URL: <http://www.ssrf.ru/news/vystupleniia-intierviu-publikatsii/42229> (дата обращения: 18.02.2024).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Куликов В. Суды подключили искусственный интеллект к взысканию транспортного налога [Электронный ресурс] // Rg.ru. URL: <https://rg.ru/2021/04/10/sudy-podkliuchili-iskusstvennyj-intellekt-k-vzyskaniu-transportnogo-naloga.html> (дата обращения: 18.02.2024).
4. Подать исковое заявление в московские суды общей юрисдикции стало возможным через центры государственных услуг «Мои документы» [Электронный ресурс] // URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/news/podat-iskovoe-zayavlenie-v-moskovskie-sudy-obshhej-yurisdiktii-stalo-vozmozhnym-cherез-tsentry-gosudarstvennyh-uslug-moi-dokumenty> (дата обращения: 24.09.2023).
5. Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 «О федеральной целевой программе “Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы”» // СЗ РФ. 2013. № 1. Ст. 13.
6. Правила судебного разбирательства в народных судах в Интернете (2021 г.) 人民法院 在线 诉讼 规则 [Электронный ресурс] // URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/online-litigation-rules-for-peoples-courts-20210616/intro> (дата обращения: 18.02.2024).
7. Решетникова И. В. Процессуально-правовые аспекты проведения веб-конференции в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 7. С. 31–33.

8. Civil Procedure Law of the People's Republic of China (Revised in 2017) [Электронный ресурс] // URL: <https://cicc.court.gov.cn/html/1/219/199/200/644.html> (дата обращения: 31.03.2024).
9. Hangzhou. Internet Court's Notice Regarding the Parties' Rights and Duties [Электронный ресурс] // URL: https://www.netcourt.gov.cn/portal/indexRpc/viewProcedure.json?fileIdStr=GF4хuySAVK96BwS_JoolRA (дата обращения: 31.03.2024).
10. *Meirong Guo*. Internet court's challenges and future in China // Computer Law & Security Review. 2021. Vol. 40. 105522. URL: <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2020.105522>.
11. *Sang J*. Internet court on solving online consumer contract disputes: Case of China // Digital Law Journal. 2021. No. 2(3). P. 23-45. URL: <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-3-23-45>.
12. *Shu Yihong, Xu jisheng*. From online dispute resolution to internet court // People's Court Daily. 11 November 2017. URL: <https://www.chinacourt.org/article/detail/2017/11/id/3071479.shtml> (дата обращения: 31.03.2024).
13. The Supreme People's Court of the People's Republic of China // Main statistics of judicial adjudication in 2023 H1. URL: https://english.court.gov.cn/2023-08/11/c_944961.htm (дата обращения: 18.02.2024).
14. Zuigao Renmin Fayuan Guanyu Wei Kuajing Susong Dangshiren Tigong Wngshang Li'an Fuwu De Ruogan Guiding (最高人民法院关于为跨境诉讼当事人提供网上立案服务的若干规定) [Several provisions of the supreme people's court on providing online case docketing services for parties to cross-border litigation] (promulgated by the Judicial Comm. Sup. People's Ct., Feb. 3, 2021, effective Feb. 3, 2021) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.court.gov.cn/shenpan-xiangqing-286341.html> (China) (дата обращения: 31.03.2024).
15. 瞿财产保险公司、王某芳等海上、通海水域保险合同纠纷民事二审民事判决书 [Электронный ресурс] // 2023 鲁民终1590号. URL: <https://wenshu.court.gov.cn/website/wenshu/181107ANFZoBXSK4/index.html?docId=bxgt3h4TT10azH+Hg7hrMRkso4nRUaE-jzL8crrMyjYB93oi4NMtu1st12J8Qnok3sq1l6GPmipYd-BekGTwRXrTYWbeoCoQinOaPmg3bXc88+3Z8MrBdkDVOK-IGtsXwttVgwqdYe4+sw=> (дата обращения: 18.02.2024).

16. 砾先斌、高文宫劳务合同纠纷民事一审民事判决书 [Электронный ре-
сурс] // 2023 辽0283民初3205号. URL: [https://wenshu.court.gov.cn/
website/wenshu/181107ANFZoBXS4/index.html?docId=SgtEef6D6MlmoT6
XJ7ScQYeocalpd1XtrQZggmG6f/gNDDbOJ4odbMt12J8Qnok3sq16GPmipYdBe
kGTwRXrTYWbeoCoQinOaPmg3bXc88+3Z8MrBdkDe4EnFKVKp/uVgwqdYe
4+sw=](https://wenshu.court.gov.cn/website/wenshu/181107ANFZoBXS4/index.html?docId=SgtEef6D6MlmoT6XJ7ScQYeocalpd1XtrQZggmG6f/gNDDbOJ4odbMt12J8Qnok3sq16GPmipYdBe kGTwRXrTYWbeoCoQinOaPmg3bXc88+3Z8MrBdkDe4EnFKVKp/uVgwqdYe4+sw=) (дата обращения: 18.02.2024).

Широбокова Анастасия Александровна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
г. Москва

Финансирование судебного процесса

третьими лицами:

шанс на доступ к суду

или иллюзия правосудия

Аннотация. Феномен «финансирования судебного процесса», изначально возникший и широко распространенный в странах общего права, всё больше проникает в континентальный процесс. Вместе с тем опыт функционирования данного правового института уже приводит к его переосмыслению в странах, активно его применяющих. С этой целью на современном этапе развития процессуального права и общественных отношений в данной сфере необходимо рассмотреть обоснованность использования данного механизма не только с точки зрения расширения доступа к правосудию, но и с точки зрения проблем и этических дилемм, присущих этой развивающейся практике, которые могут подорвать стремление к созданию справедливой и этически обоснованной судебной защиты нарушенных прав.

Ключевые слова: правосудие; гражданское судопроизводство; финансирование судебных процессов; доступ к правосудию; этичность судебного процесса

Введение

Судебные разбирательства в большинстве государств мира, как правило, обходятся участвующим в деле лицам достаточно дорого. Участники несут судебные издержки, включающие расходы на представителей, вознаграждение экспертов и переводчиков, уплату

пошлин и другие траты. Резонно предположить, что суммарно эти издержки влияют на склонность рационально действующего субъекта предъявлять иски и могут препятствовать доступу к правосудию, когда:

а) они превышают ожидаемую выгоду от судебного разбирательства;

б) у стороны нет достаточных ресурсов для участия в судебном процессе;

в) у потенциальных участников процесса нет возможности нести расходы из-за неопределенности итога спора и неприятия риска.

Совокупность вышеприведенных причин послужила предпосылкой для возникновения механизмов финансирования судебных разбирательств: стороны могут запросить деньги у сторонних «инвесторов» для оплаты таких расходов, а «инвесторы — вкладчики в судебный спор», в свою очередь, могут получить часть доходов от выигранного разбирательства¹. Наиболее очевидным фактором, определяющим возможность и желание сторонних лиц финансировать судебные разбирательства, является вероятность успеха всего разбирательства, что роднит данный подход с не менее дискуссионной темой «гонорара успеха». Понятно следующее: «вкладчик» может потерять свои инвестиции, если участник процесса, получивший от него средства, проиграет дело, поэтому любой инвестор внимательно рассмотрит предмет спора, аргументы сторон и оценит вероятность победы².

Скептики резонно могут отметить, что в относительных величинах правосудие в России является не очень дорогим и достаточно доступным, что, по идее, не создает благодатной почвы для инвестирования в судебные процессы, тема финансирования третьими лицами

¹ Study Paper on Financing Litigation, British Columbia Law Institute. Vancouver, BC, CA. URL: <https://clck.ru/38qPhZ> (дата обращения: 08.02.2024). CID: 20.500.12592/9wdg1f.

² Gomez M. A. Crowdfunded Justice: On the Potential Benefits and Challenges of Crowdfunding as a Litigation Financing Tool // University of San Francisco Law Review. 2015. Vol. 49. Iss. 2. Art. 3. URL: <https://clck.ru/38ummY> (дата обращения: 10.02.2024).

поднимается на достаточно высоком уровне. Так, председатель Совета судей РФ В. В. Момотов заметил в одном из своих выступлений: «Институт договора открывает новые возможности для реализации принципа оказания квалифицированной юридической помощи, развития рынка судебного представительства. В частности, такие договорные конструкции, как “гонорар успеха” и судебное инвестирование, способны оказать серьезное влияние на повышение доступности юридической помощи и улучшение ее качества»³. Обсуждался этот вопрос и на дискуссионных площадках ПМЮФ⁴ и в материалах деловой прессы⁵, что свидетельствует об интересе профессионального сообщества к этой теме.

Беспорно, согласно подобным воззрениям, финансирование судебных разбирательств — в традиции экономического анализа права — выравнивает условия игры в судебных разбирательствах⁶. Частные лица или предприятия с обоснованными претензиями, но ограниченными ресурсами могут вести свои дела, не поддаваясь финансовому давлению. Это дает им возможность бросить вызов обеспеченным оппонентам и привлечь их к ответственности за правонарушения, поэтому подобный расширенный доступ к правосудию укрепляет легитимность правовой системы и доверие к ее способности обеспечивать справедливые результаты⁷.

³ Граждане стали вкладывать деньги в судебный процесс и получать дивиденды [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2019/02/05/grazhdane-stali-vkladyvat-dengi-v-sudebnyj-process-i-poluchat-dividendy.html> (дата обращения: 27.03.2024).

⁴ На ПМЮФ оценили перспективы судебного финансирования [Электронный ресурс] // Pravo.ru. URL: <https://pravo.ru/lf/story/241604/> (дата обращения: 27.03.2024).

⁵ Инвестиции в суд: как заработать на чужом иске [Электронный ресурс] // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/kompanii/340659-investicii-v-sud-kak-zarabotat-nachuzhou-probleme> (дата обращения: 27.03.2024).

⁶ Каранетов А. Г. Экономический анализ права. М.: Статут, 2016. URL: <https://e.lanbook.com/book/92530> (дата обращения: 26.03.2024).

⁷ Шмаков А. В., Епифанова Н. С. Экономическая теория права : учебник и практикум для вузов. 3-е изд. М.: Юрайт, 2023. URL: <https://urait.ru/bcode/516344> (дата обращения: 28.03.2024).

Однако растущая популярность финансирования судебных разбирательств сопряжена с рядом проблем. Присущий этой системе мотив получения прибыли может исказить стремление к правосудию. Спонсоры отдают приоритет делам с высокой потенциальной доходностью, тем самым пренебрегая обоснованными исками, но с меньшим финансовым эффектом. Такая избирательность может создать ситуацию, когда доступ к правосудию становится зависимым от предполагаемой выгоды дела, а не от силы юридической аргументации⁸. Кроме того, высокие комиссионные и процентные ставки, часто связанные с финансированием судебных разбирательств, могут значительно снизить конечное возмещение ущерба истцом или ответчиком даже в успешных делах⁹.

Правовая природа

Финансирование судебных процессов по своей сути — это некий аванс, обеспеченный возможностью последующего взыскания в судебном процессе. Обязательство заявителя выплатить средства спонсору-вкладчику является условным в том смысле, что такая выплата возможна, только если судебный иск будет удовлетворен.

Эта концепция, зародившаяся в судебных процессах в системе общего права (дороговизна которых общеизвестна), постепенно набирает популярность во всем мире, включая различные юрисдикции Европы. Например, Европейский Союз занят разработкой механизмов коллективного возмещения ущерба, сродни коллективным искам, что может в дальнейшем потребовать использования финан-

⁸ *Ильина А. А.* Финансирование судебных процессов: перспективы развития в России // Столыпинский вестник. 2022. № 5. URL: <https://clck.ru/38umfg> (дата обращения: 08.02.2024).

⁹ *Четвериков А. О.* Судебное инвестирование (финансирование судебных процессов третьими сторонами) и региональная экономическая интеграция: перспективы правового регулирования // Международное право. 2023. № 2. С. 58–78. URL: <https://clck.ru/38umgo> (дата обращения: 10.02.2024).

сирования судебных разбирательств для крупномасштабных юридических споров с участием многочисленных истцов¹⁰. В Германии эта модель, известная как *Prozessfinanzierungsvertrag*¹¹ (контракт на финансирование процесса), является распространенной инвестицией среди андеррайтеров и инвесторов капитала.

Только в 2019 г. фирмы, финансирующие судебные разбирательства, выделили на рассмотрение дел в США 2,3 млрд долл., что составляет примерно 10 % от общих расходов крупных корпораций США на внешних юрисконсультов для ведения судебных разбирательств¹². Судья Эйлин Бранстен из Верховного суда Нью-Йорка отметила, что «финансирование судебных разбирательств позволяет рассматривать судебные иски по существу, а не на основе того, у какой стороны карманы поглубже»¹³. Широко обсуждается и вынесенное в 2023 г. решение Верховного суда Англии, согласно которому большинство соглашений о финансировании судебных разбирательств не будут иметь законной силы без соблюдения особого порядка расчета итоговой суммы после «победы» и первоначальной мотивации для участия¹⁴. Это является стимулом к переоценке концепции финансирования судебных разбирательств, что подчеркнуто в особом мнении судьи Рид по данному делу. Этот прецедент может отражать более широкое чувство скептицизма по отношению к институту, поднимая

¹⁰ Tomlinson J. Crowdfunding Public Interest Judicial Reviews: A Risky New Resource and the Case for a Practical Ethics (September 30, 2018) // Public Law (Forthcoming). Available at SSRN: <https://clck.ru/38umot>. (дата обращения: 15.02.2024).

¹¹ URL: <https://clck.ru/38qPgp> (дата обращения: 12.02.2024).

¹² Shamir J., Shamir N. Third-party funding in a sequential litigation process // European Journal of Law and Economics. 2021. Vol. 52(4). DOI: 10.1007/s10657-021-09707-4 (дата обращения: 10.02.2024).

¹³ Popova I., Seifert K. Gatekeeping, Lawmaking, and Rulemaking: Lessons from Third-Party Funding in Investment Arbitration. 2021. DOI: 10.1007/978-3-030-48393-7_9.

¹⁴ Supreme Court decision means most existing UK litigation funding agreements likely to be unenforceable [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/38qPfз> (дата обращения: 12.02.2024).

вопросы о его долгосрочной устойчивости, этических последствиях и применении в будущем¹⁵.

Переходя к анализу этических дилемм, начнем с самого распространенного случая, когда усматривается чрезмерное спонсорское воздействие и влияние на стратегию судебного разбирательства. Быстрое и выгодное урегулирование может быть предпочтительнее тщательного расследования, которое могло бы раскрыть правду¹⁶. Это подрывает основные принципы справедливого судебного разбирательства и ставит финансовую выгоду выше справедливого решения.

Аналогичным образом давление с целью урегулирования может привести к тому, что стороны согласятся на неадекватную компенсацию. Спонсоры, стремящиеся окупить свои инвестиции, могут настаивать на урегулировании, которое не в полной мере компенсирует понесенный ущерб. Это может оставить у истцов ощущение, что их обманули, а лежащая в основе ошибка осталась без внимания.

Отечественный правопорядок

Возникают вопросы о том, может ли быть востребовано финансирование судебных разбирательств в отечественном праве и каковы условия для его принятия?

Несмотря на то что с 2017 г. существуют российские площадки Platforma, NLF Group, Судинвест.ру, СудФинанс, которые в формате коллективного привлечения денежных средств помогают собрать нужную сумму, остается дискуссионным вопрос, как это вписывается в традиционные концепции правосудия. Другой дискуссионный вопрос: в какой правовой форме должно реализовываться такое финансовое участие (финансирование)?

¹⁵ Цюлинский А. А. Институт финансирования судебных процессов: опыт зарубежных стран и потенциал применения в России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук = International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. Vol. 5-5 (80). URL: <https://clck.ru/38rJuQ> (дата обращения: 13.02.2024).

¹⁶ Бычков А. Ведение судебного процесса займа // Новая бухгалтерия. 2019. № 7. С. 122–133.

Предлагаемая российскими площадками форма в виде паевых инвестиционных фондов не в полной мере соответствует инвестиционному компоненту деятельности.

Выводы

Финансирование судебных разбирательств очевидным образом представляет собой критическую эволюцию в правовом поле, предлагая средства для преодоления финансовых барьеров на пути к правосудию¹⁷. Однако внедрение и практика сопряжены со значительными проблемами — этическими и материально-правовыми, которые требуют тщательного рассмотрения и регулирования. Поскольку этот механизм продолжает распространяться за пределы стран — родоначальниц данного института, другим юрисдикциям, включая отечественную, крайне важно критически оценить применимость данных механизмов в своих процессуальных системах и при положительном ответе создать правовые рамки подобной деятельности, имея в виду принципы справедливости и доступности судебной защиты.

Список литературы

1. *Бычков А.* Ведение судебного процесса займы // Новая бухгалтерия. 2019. № 7. С. 122–133.
2. Граждане стали вкладывать деньги в судебный процесс и получать дивиденды процессы [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2019/02/05/grazhdane-stali-vkladyvat-dengi-v-sudebnyj-process-i-poluchat-dividendy.html> (дата обращения: 27.03.2024).
3. *Ильина А. А.* Финансирование судебных процессов: перспективы развития в России // Столыпинский вестник. 2022. № 5. URL: <https://clck.ru/38umfg> (дата обращения: 08.02.2024).

¹⁷ *Соловьев В. Ю.* Финансирование судебных процессов // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. URL: <https://clck.ru/38umeB> (дата обращения: 08.02.2024).

4. Инвестиции в суд: как заработать на чужом иске [Электронный ресурс] // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/kompanii/340659-investicii-v-sud-kak-zarabotat-na-chuzhoj-probleme> (дата обращения: 27.03.2024).
5. *Каранетов А. Г.* Экономический анализ права М. : Статут, 2016. 528 с. ISBN 978-5-8354-1238-9.
6. Судебный процесс как инвестиция: краудфандинг судебных тяжб [Электронный ресурс] // Клерк.ру. URL: <https://www.klerk.ru/law/articles/426225/> (дата обращения: 08.02.2024).
7. На ПМЮФ оценили перспективы судебного финансирования [Электронный ресурс] // Pravo.ru. URL: <https://pravo.ru/lf/story/241604/> (дата обращения: 27.03.2024).
8. *Соловьев В. Ю.* Финансирование судебных процессов // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. URL: <https://clck.ru/38umeB> (дата обращения: 08.02.2024).
9. *Цюлинский А. А.* Институт финансирования судебных процессов: опыт зарубежных стран и потенциал применения в России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук = International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. Vol. 5-5 (80). URL: <https://clck.ru/38rJuQ> (дата обращения: 13.02.2024).
10. *Четвериков А. О.* Судебное инвестирование (финансирование судебных процессов третьими сторонами) и региональная экономическая интеграция: перспективы правового регулирования // Международное право. 2023. № 2. С. 58–78. URL: <https://clck.ru/38umgo> (дата обращения: 10.02.2024).
11. *Шмаков А. В., Епифанова Н. С.* Экономическая теория права : учебник и практикум для вузов. 3-е изд. М. : Юрайт, 2023. 446 с. ISBN 978-5-534-14118-4. [Электронный ресурс]. Образовательная платформа Юрайт. URL: <https://urait.ru/bcode/516344> (дата обращения: 28.03.2024).
12. *Gomez M. A.* Crowdfunded Justice: On the Potential Benefits and Challenges of Crowdfunding as a Litigation Financing Tool // University of San Francisco Law Review. 2015. Vol. 49. Iss. 2. Article 3. URL: <https://clck.ru/38ummY> (дата обращения: 10.02.2024).
13. *Popova I., Seifert K.* Gatekeeping, Lawmaking, and Rulemaking: Lessons from Third-Party Funding in Investment Arbitration. 2021. DOI: 10.1007/978-3-030-48393-7_9 (дата обращения: 15.02.2024).

14. Prozessfinanzierungsvertrag [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/38qPgr> (дата обращения: 12.02.2024).
15. *Shamir J., Shamir N.* Third-party funding in a sequential litigation process // *European Journal of Law and Economics*. 2021. Vol. 52(4). DOI: 10.1007/s10657-021-09707-4 (дата обращения: 10.02.2024).
16. Study Paper on Financing Litigation, British Columbia Law Institute. Vancouver, BC, CA. URL: <https://clck.ru/38qPhZ>. (дата обращения: 08.02.2024). CID: 20.500.12592/9wdg1f.
17. Supreme Court decision means most existing UK litigation funding agreements likely to be unenforceable [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/38qPf3> (дата обращения: 12.02.2024).
18. *Tomlinson J.* Crowdfunding Public Interest Judicial Reviews: A Risky New Resource and the Case for a Practical Ethics (September 30, 2018) [Электронный ресурс] // *Public Law*. URL: <https://clck.ru/38umot>.